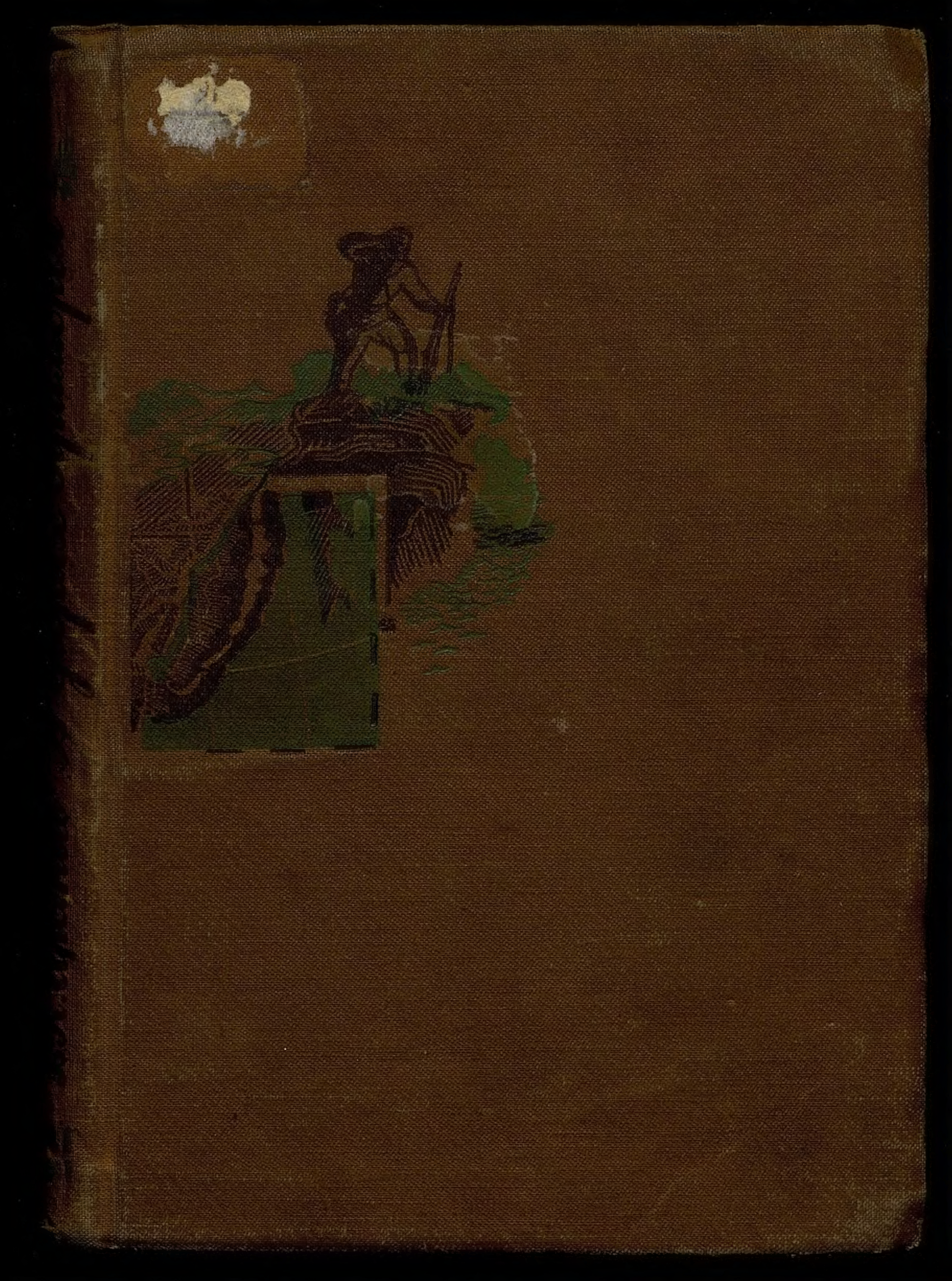
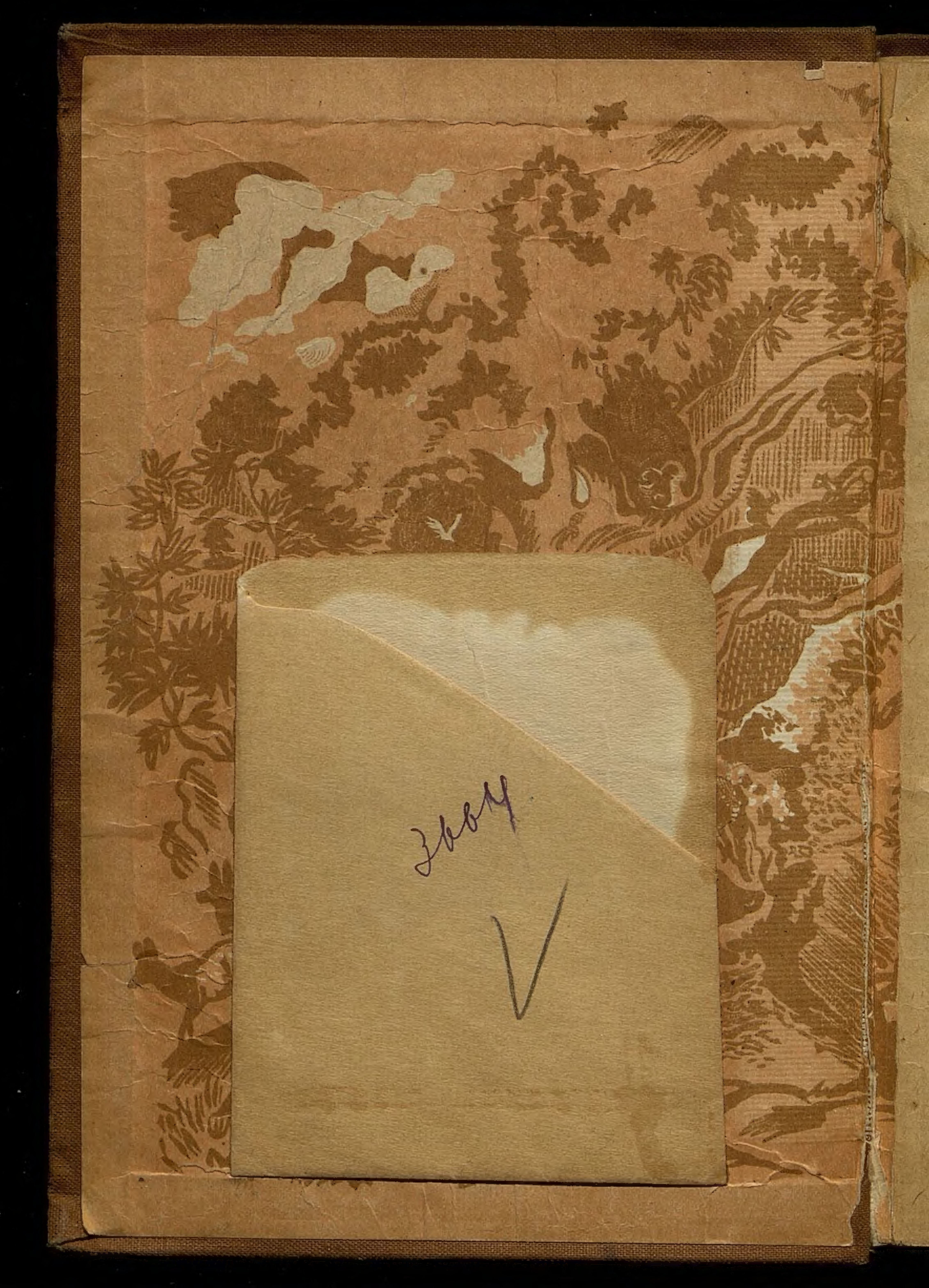
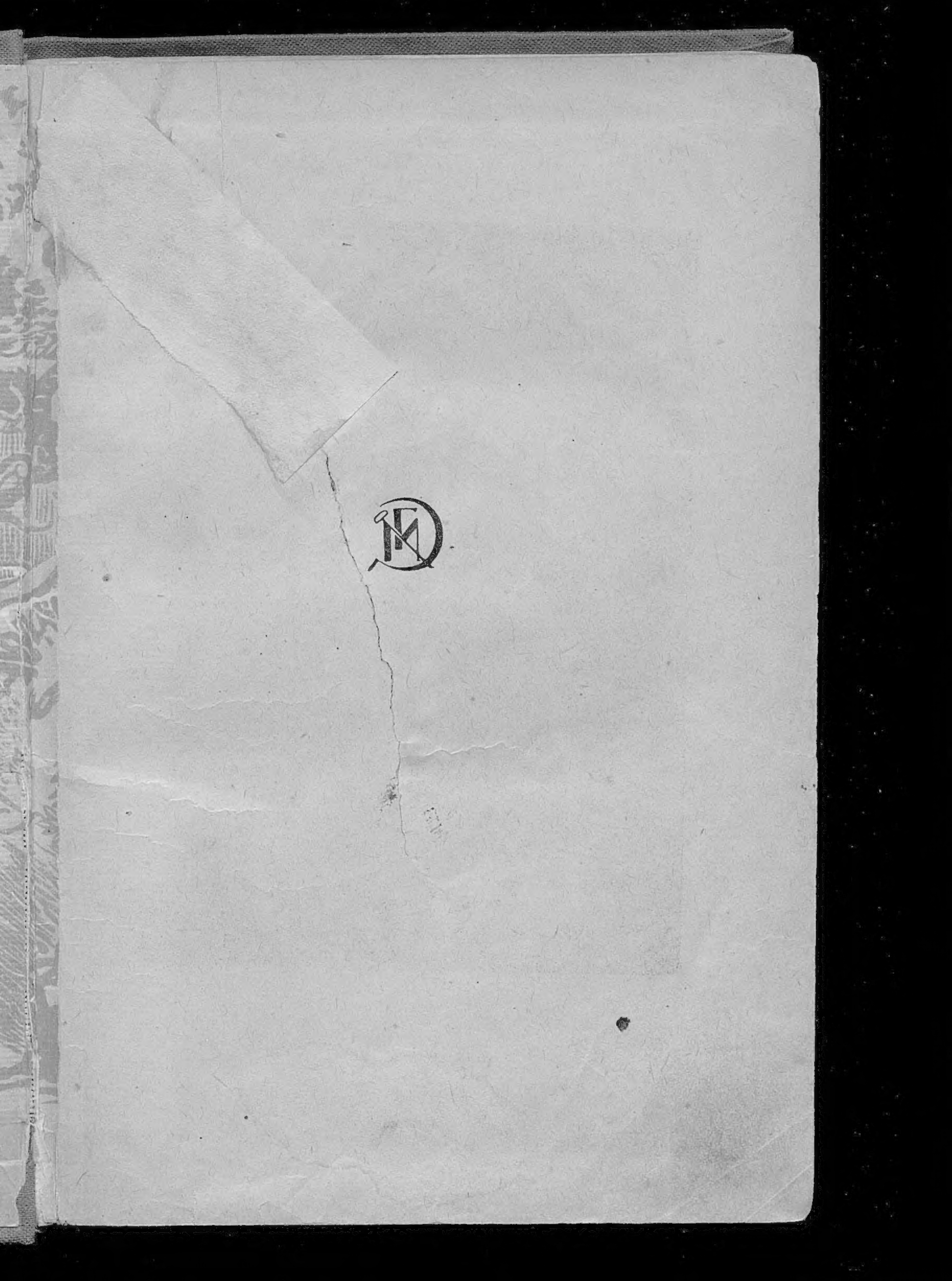
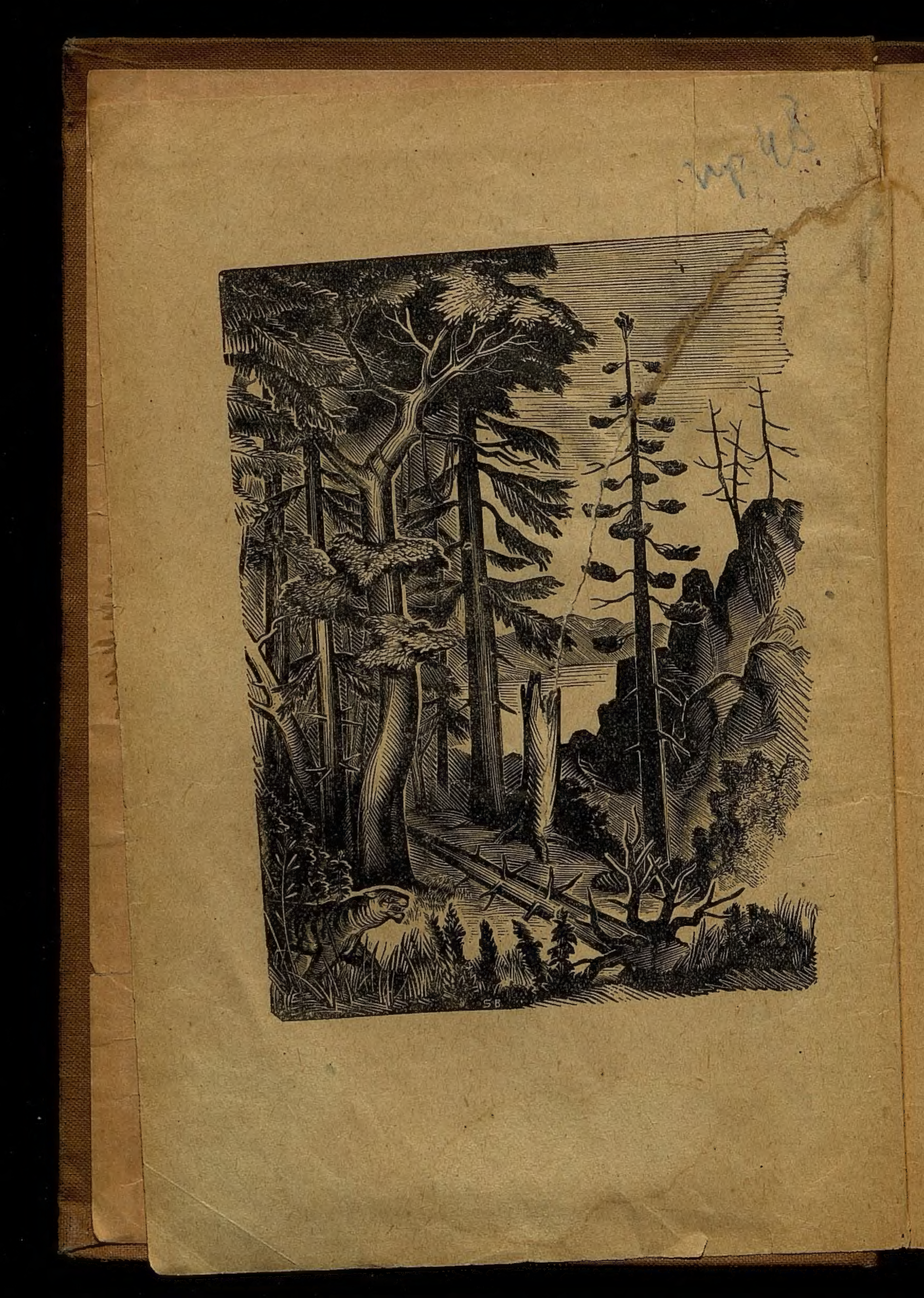

3664

В. К. АРСЕНЬЕВ

В ДЕБРЯХ ПРИМОРЬЯ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1934

Книга В. К. Арсеньева представляет ряд очерков и рассказов, посвященных главным образом описанию Приморья, его природы, населения, быта и промыслов.

В нескольких очерках автор изображает охоту на соболя. В других он описывает свои путешествия и экспедиции по Восточной Сибири, Камчатке и Уссурийскому краю.

Очерк «Лесные люди» посвящен описанию народа удэхе, живущего в горной области Сихотэ-Алинь.

Переплет, Форзац,
разворот титула (гравюра на дереве)
и все иллюстрации художников
С. БИГОС и Е. БУРГУНКЕР

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая книга состоит из трех отдельных частей.

Содержание первой части составляют три небольшие рассказа и четыре очерка, из которых три посвящены описанию охоты на соболя, а последний—экспедиции на Авачинскую сопку.

Вторая часть книги, под названием «Лесные люди», представляет этнографический очерк, посвященный описанию культуры, быта и общественного строя удэхейцев—малочисленного народа, обитающего в центральной части горной области Сихотэ-Алиня. Этот очерк является кратким популярным изложением большого, оставшегося неопубликованным труда, над которым автор работал свыше двадцати трех лет.

В начале текущего столетия, когда Арсеньев впервые приступил к изучению туземного населения Сихотэ-Алиня, последний подвергался колонизации со стороны царской России, Японии и Китая, соперничавших между собою за экономическое овладение этой страной. Хищническая политика империалистов привела к полному разорению страны, обнищанию, забитости и вымиранию ее населения. Ко времени окончания гражданской войны и ликвидации бандитизма удэхейцев насчитывалось менее полутора тысяч человек обоего пола. Когда-то цветущий народ превратился в маленькое вымирающее племя, загнанное в необитаемые дебри сурового Сихотэ-Алиня.

Окончательное утверждение советской власти в районе Сихотэ-Алинь ознаменовалось резким поворотом в его хозяйственном и культурном развитии. Развертывание социалистического строительства и неустанная забота советской власти о туземном населении создали такое положение, при котором Арсеньев, выпуская в свет свой очерк о «лесных людях»—удэхейцах, вынужден был

признать, что «если бы кто-нибудь из читателей пожелал теперь увидеть удэхейцев такими какими они описаны в этих очерках, ему пришлось бы совершить большое путешествие и забраться в самые истоки Хунгари, Анюя, Хора, Бикина и Копи» и что даже в этих местах «уже сказалось влияние цивилизации».

Из сказанного ясно, что очерк Арсеньева о «лесных людях» в настоящее время имеет лишь историческое значение. Помимо воли автора, очерк вскрывает перед читателем трагическую в недавнем прошлом судьбу маленького лесного народа, которому только советская власть дала подлинную свободу, создав необходимые предпосылки развития его культуры, национальной по форме, коммунистической по содержанию.

Хотя Арсеньев закончил свои очерки всего лишь несколько лет назад, тем не менее им допущен ряд прямых извращений, могущих ввести читателя в заблуждение.

Так, говоря о трудностях жизни удэхейцев, он не проводит никакого различия между политическим и экономическим положением их при царском правительстве, интервентах-японцах и при советской власти. Он не видит и не показывает того, что дала советская власть этому маленькому лесному народу. Говоря о дурном отношении «русских» к удэхейцам, он не говорит, что это было при царской власти.

Создается такое впечатление, будто описываемые события относятся ко времени советской власти, что совершенно не соответствует действительности.

Описывая общественный строй удэхейцев, автор утверждает, что «у них власть отсутствует», хотя тут же признает, что у удэхейцев «развито почитание старших». О новой общественной жизни удэхейцев после революции, в корне изменившей общественные отношения, о советской власти и социалистическом переустройстве старого уклада Арсеньев умалчивает.

Наивны и в корне неправильны утверждения автора, будто «шаманство не есть религия», будто оно является «формой психоза», что «все шаманы неврастеники и дар свой получают наследственно».

Третья часть книги под названием «Сквозь тайгу» представляет собой путевой дневник В. К. Арсеньева, художественно обработанный самим автором.

В 1927—1928 гг. Арсеньев, по заданию дальневосточных советских краевых властей, совершил большое путешествие между Советской гаванью на берегу Тихого океана (Татарский пролив) до города Хабаровска на Амуре. Арсеньеву было дано задание осве-

тить геологическое, топографическое и экономическое состояние бассейна рек Хади, Анюя, Хора, Копи и горных хребтов Сихотэ-Алиня.

Хотя экспедиция Арсеньева имела специальную задачу, тем не менее как талантливый художник и тонкий наблюдатель Арсеньев в своих дневниках дал блестящее описание угрюмого Сихотэ-Алиня, его бурных, порожистых и коварных рек, описание жизни и быта орочей, гиляков, гольдов, тунгусов и удэхейцев, мастерски раскрыл перед читателем полную опасностей жизнь жителей приморских дебрей. Яркими штрихами живописует Арсеньев исключительную находчивость, выдержку, смелость, предприимчивость и отвагу местных жителей. С захватывающим интересом читаются описания охоты, опасностей, которым подвергаются охотники, разливов рек, пожаров, полной героизма борьбы с грозной стихией.

Богатство фактического материала и высокое литературное достоинство этой книги, несмотря на ряд совершенно неправильных утверждений автора, делают ее чрезвычайно интересной и полезной для нашего читателя, желающего ознакомиться с таким важным и богатым краем великого Советского союза, каким является наш Дальний Восток.

БЫГИН-
БЫГИНЕН

БЫГИН-БЫГИНЕН

Однажды вместе с тунгусами я пробирался в бассейн р. Олгона. Наш отряд состоял из одиннадцати мужчин, четырех женщин, шестерых детей и шестидесяти голов оленей. Среди тунгусов был один старик, которого звали Ингину и к которому все прочие туземцы относились с большим почтением. На вид ему было, вероятно, около семидесяти лет, если не больше. Он имел красивое, чуть-чуть скуластое старческое лицо, выразительные, умные и немного потускневшие карие глаза, нос с горбинкой, белые усы и небольшую седую бородку. Одет Ингину был в кухлянку с узорчатым упованом, с меховым башлыком и с нагрудником, который свешивался вперед в виде большого полукруглого лоскута. Голова его с редкими, тоже поседевшими волосами была прикрыта малахаем, отороченным мехом выдры. Сзади и с боков края этой оригинальной шапки были длиннее, чем спереди, и таким обра-

зом защищали шею и уши от мороза. На ногах он имел штаны из выделанной оленьей кожи и торбаса с мягкими голенищами, стянутыми ремешками ниже колена. Ингину был несколько сутуловат и так слаб, что без посторонней помощи не мог взобраться на оленя.

Из якутского поселка Талакана мы пошли на восток и через трое суток достигли водораздела между рр. Урми и Олгоном, который здесь высок и величественен и называется Бытин-Бытинен.

До сих пор стоявшая хорошая погода вдруг стала портиться: небо заволокло тучами и задул холодный ветер. Он поднимал снег с земли и уже дважды менял направление. Тунгусы тревожно поглядывали по сторонам и подгоняли оленей.

Однако от непогоды нам уйти не удалось. Она захватила нас на самом перевале, и потому, как только мы спустились с него, тотчас стали выбирать место для бивака.

Ночь обещала быть бурной. Сильный, порывистый ветер раскачивал деревья и гудел в лесу. Спины оленей, вьюки на них, плечи и головные уборы людей— все забелело от снега. Мело!.. Тунгусы шли, повернув головы от ветра. Обледеневшие мелкие снежинки, как иглами, кололи лицо и мешали смотреть прямо перед собой.

Посланные вперед люди место для бивака выбрали довольно удачное. Это была небольшая полянка на опушке леса, густо покрывавшего склоны хребта Бытин-Бытинен. Она имела пологий уклон к востоку и через перелески незаметно переходила в тундру, по которой нам надлежало итти дальше.

Тунгусы быстро развьючили оленей и принялись ставить палатки. Я любовался их работой. Эти одиннадцать человек представляли собой как бы один организм, все части которого двигались и работали вполне согласованно.

Когда палатки были поставлены, мужчины побежали в лес: одни за дровами, другие за еловыми ветками для подстилок, а женщины тем временем нарезали целые вороха сухой травы. Я обратил внимание на детей. Прикрытые кухлянками, малютки спокойно сидели на

вьюках и терпеливо ждали, когда родители отнесут их в теплые помещения. Старик Ингину, опершись на палку, стоял у огня и только изредка отдавал приказания, но не вмешивался в работу, если она шла гладко, без перебоев.

Минут через тридцать мы все—и мужчины и женщины с детьми—сидели в палатках около железных печек и пили чай. Снаружи злобно неистовствовала пурга. Ветер яростно трепал палатку и обдавал ее мелким сухим снегом. Он жалобно завывал в трубе, вдруг бросался в сторону и ревел в лесу, как разъяренный зверь.

После ужина все рано улеглись спать. У камина остались только мы вдвоем со стариком. Слушая его рассказ, я поражался громадными расстояниями, которые он проходил со своими табунами. Он бывал в Якутской области, ходил к мысу Сюркум, дважды пересекал тундру у южных берегов Охотского моря и доходил до Чумукана.

Почти каждый вечер мы беседовали с ним, и он очень охотно рассказывал мне про невзгоды своей страннической жизни. Так и этот раз. Воспользовавшись тем, что завтра непогода принудит нас простоять на месте, и тем, что женщины и дети, утомленные переходом через Быгин-Быгинен, улеглись спозаранку, я напомнил ему о том, что он обещал мне рассказать о трагедии, разыгравшейся на р. Уркане.

Ингину согласился. Он закурил свою трубку, придвинулся поближе к печке, подбросил дров в огонь и начал говорить. Старик плохо владел русским языком и часто употреблял не те слова, которые надо, но все же понять его можно было. Я мысленно исправлял его речь и на другой день записывал ее в свой дневник в том виде, как она изложена ниже.

— Это было давно, очень давно,—говорил он, не торопясь.—Я был еще совсем мальчиком и из детского возраста едва переходил в юношеский. Кочевали мы тогда в горах Ян-дэ-янге. В это время сюда прибыл один русский. Он был золотоискатель—молодой человек, лет двадцати пяти, среднего роста, с белокурыми волосами и голубыми глазами. Одет он был, как и все мы: в кухлянку, торбаса, на голове имел меховую

шапку, а на руках—рукавицы. Этот человек возвращался с приисков, где старательским образом намыл столько золота, что мог безбедно прожить до глубокой старости. Но судьба решила иначе.

В том году был сильный падеж оленей. Ожидалась голодовка, грозные признаки которой были уже налицо. Отовсюду шли нехорошие вести. Тогда отец мой решил уйти подальше от зараженного района. Накануне нашего выступления в поход молодой приискатель обратился к нам с просьбой взять его с собою. Отец подумал и согласился. На другой день мы тронулись в путь, и белокурый человек пошел с нами. Я не знаю его имени, но помню хорошо. Он, как живой, стоит передо мною. Это был удалый парень, он не сидел сложа руки, помогал вьючить оленей, ставить палатки. Отец очень полюбил его, и я с ним подружился тоже.

Дней через шесть мы вышли в верховья р. Горин и тут в старой небольшой юрасе застали бедную тунгусскую семью, состоявшую из одного мужчины, одной женщины и двоих малых детей. Они потеряли своих последних четырех оленей и теперь на лыжах хотели итти на Уркан, где тоже стояли тунгусы, их сородичи. Мой отец предложил им присоединиться к отряду, но они отказались, заявив, что надеются благополучно дойти до своих земляков и там до весны промышлять рыбной ловлей. Молодой приискатель пожелал тоже остаться с бедняками, чтобы с ними добраться до Уркана, впадающего в озеро Болэн-очжал. Тогда мы оставили им одного оленя на мясо, а сами пошли дальше, на р. Уд.

После нашего ухода бедный тунгус с русским человеком пошли на разведки, чтобы на лыжах проложить дорогу, по которой намеревались, когда она занастится, перевезти семью и имущество на нартах. Женщина с детьми осталась в юрасе. На третий день они достигли Уркана, но тунгусов там уже не нашли, зато встретили гольдов-зверовщиков.

Они заночевали у них и на другой день хотели было итти назад, но неожиданно разразившаяся пурга принудила их остаться на месте. На вторую ночь тунгус скоропостижно скончался. Тогда приискатель, захватив у гольдов немного рыбы, решил один итти за женщи-

ной и за детьми, но новая пурга застала его в дороге. Она продолжалась несколько суток подряд и пресекла всякую возможность сообщения. С невероятными усилиями он прокладывал путь через сугробы, но не суждено ему было спасти семью умершего тунгуса. Зима в том году была суровая, пурга следовала за пургой. В третий раз снежная буря опять захватила его на полпути. Ветром замело старую лыжницу, он сбился с дороги и, повидимому, заблудился. Что случилось с женщиной и детьми—неизвестно: их не нашли вовсе. Вероятно, они тоже заблудились в тайге и погибли от голода.

Весной, когда появились первые признаки оттепели,—продолжал свой рассказ Ингину,—мы оставили р. Уд и спустились на Уркан. Как-то раз два тунгуса пошли по тундре искать оленей и вдруг увидели чьи-то ноги, торчащие из сугроба. Отец велел разгрести снег. Велико было наше горе, когда в покойнике мы узнали того самого молодого прискателя, которого так все полюбили. Из осмотра выяснилось, что он хотел было развести костер, но это ему не удалось. Сухую рыбу, которую он нес с собою, погрызли мыши.

Старик на минуту замолк...

В это время снаружи раздался страшный рев. Наша палатка заколыхалась. Где-то упало сухостойное дерево.

С дикими завываниями налетел ветер на наш бивак и точно злился, что с нами он не может расправиться так, как со светлорусым приискателем, пытавшимся спасти бедную вдову с детьми.

Одна из девочек, самая маленькая в отряде, проснулась и начала плакать. Тунгуска взяла ее на руки и стала укачивать.

Я взглянул на старика. Он сидел, закрыв глаза, и левой рукой старался как бы отстранить, отодвинуть от себя страшные видения. Я дотронулся до его плеча. Он вздрогнул и испуганно огляделся, потом поднялся и молча стал расстилать постель.

Я тоже лег на свое место, но долго не мог уснуть. К ночи метель разразилась еще сильнее. Иногда казалось, что ветром вот-вот сорвет палатку, но порывы его с шумом проносились мимо, и тогда грозный рев в трубе камина снижался до жалобного воя, словно озябшие

тени носились вокруг палатки и плакали тоненьким голоском. Мне грезилась маленькая юраса в лесу, занесенная снегом, и в ней несчастная мать с двумя малютками, и белокурый золотоискатель, прокладывающий дорогу через сугробы, вот в такую же бурную ночь...

Владивосток.
15 февраля 1929 г.

В ТУНДРЕ[1]

В 1917 году моим спутником был тунгус Гаврил Попов—мужчина среднего роста, хорошо сложенный. Овальное лицо его, немного выгнутый нос, слегка выдающиеся скулы, темнокарие глаза с монгольскою складкою век, стриженые волосы на голове и полное отсутствие усов и бороды дадут читателю некоторое представление о его внешнем облике. Он носил русскую рубашку, черные штаны, верхний кафтан из шинельного сукна, сшитый по маньчжурскому образцу, и обувь из толстой замшевой кожи, вроде унтов с ремешками около колена. Головным убором ему служила самодельная меховая шапка с длинными наушниками, которые наподобие двух хвостов свободно свешивались на грудь. Тунгус Попов был грамотен и свободно владел русским языком и, когда говорил медленно, с расстановкой, то как будто немного улыбался.

Он давно уже лишился оленей, с тех пор сделался пешим и жил оседло. Последнее выражение не надо

[1] Из воспоминаний о путешествии по Восточной Сибири.

понимать буквально. На р. Урми он имел маленький домик лишь для того, чтобы держать в нем свое походное снаряжение и кое-какое имущество. Мой приятель занимался охотой, немного рыбачил и мечтал вновь, как он сам выражался, «завести рогатых коней». Хотя Г. Попов и потерял оленей и сделался как бы оседлым, но согласно прадедовским традициям постоянно передвигался с места на место: где с попутчиком на лошадях, где на собаках, а где и просто по образу пешего хождения. Однажды, когда разговор коснулся невзгод кочевого быта, он сказал мне:

— Как это вы можете жить в городе, столько лет на одном месте? Я, право, не выдержал бы и года!

Спокойный, как будто даже апатичный и ко всему равнодушный, человек этот преображался, когда видел свежий след зверя. Тогда он становился деятельным и энергичным; глаза его горели и лицо дышало страстью. В эти минуты он забывал все: голод, усталость, и способен был переносить всяческие лишения.

Судьба столкнула меня с ним случайно. В тот год я намеревался подняться по р. Урми до ее верховьев, оттуда через хребет Быгин-Быгинен выйти на р. Олгон, а затем проникнуть в горную область Ян-дэ-янге. В последнем гольдском селении Колдок мне рекомендовали Г. Попова как хорошего охотника и переводчика. Я пригласил его и не раскаялся.

В начале января 1918 года мы выступили из якутского поселка Талакана на семидесяти оленях и пошли на восток. На шестые сутки мы достигли хребта Быгин-Быгинен и, перейдя его, спустились в истоки р. Улике, а из нее через второй водораздел вышли на р. Олгон. Здесь мы расстались с тунгусами. Последние пошли на р. Горин, а мы с другой группой тунгусов на пятидесяти пяти оленях направились к горам Ян-дэ-янге.

Производя маршрутную съемку, я часто останавливался, для того чтобы угломерным инструментом отметить азимуты нашего пути, записать пройденное расстояние и вычертить видимый ландшафт в горизонталях. Надо заметить, что северные олени идут очень быстро, причем ни кочковатые болота, ни густые заросли в лесу не служат им препятствиями. Иногда положительно удивляешься, как эти странные животные

перебираются через заломы, занесенные снегом, где лошади непременно поломали бы ноги.

Чтобы не задерживать отряд, я велел тунгусам итти своим обычным аллюром и не дожидаться меня, но условился с ними, что около полудня на месте большого привала они оставят мне кое-что поесть. Тунгусы поняли и сказали, что по ту сторону водораздела они знают место, где есть олений корм, и потому, как только спустятся с перевала, тотчас встанут биваком.

Перечисленные выше географические названия составляют южную границу распространения северных оленей. Поэтому очень важно останавливаться на ночь там, где есть ягель[1]. Если корма не будет, олени убегут на старый бивак. Один раз так мы гнались за ними шестьдесят километров и потеряли два дня.

Итак, мы разделились: тунгусы с оленями пошли дальше, а я остался сзади. Заблудиться я не мог, потому что двести двадцать оленьих ног протоптали в снегу хорошую дорогу; к тому же проводник обещал встать биваком засветло.

Яп-дэ-янге со стороны западной представляется в виде величественного горного хребта. Белый гребень его, увенчанный остроконечными вершинами, достигающими заоблачных высот, совершенно оголен от леса. Сразу с бивака начинался подъем, медленный и заметный для глаза лишь на значительном протяжении и то, если оглянешься назад. Наш путь лежал по распадку между двумя увалами, которые дальше принимали вид горных отрогов с более или менее крутыми склонами.

Я приготовил планшет, записал отсчеты и тронулся следом за отрядом. Некоторое время между деревьями виднелись серые силуэты оленей и слышались голоса людей, а затем все стихло. Путеводной нитью мне служила дорога, протоптанная оленями. Я шел рядом с нею на лыжах. Снег был глубиною от тридцати до сорока сантиметров. На открытых местах ветром сбило его в плотную массу, которая прекрасно выдерживала давление ноги человека, но в лесу он был настолько рыхлым, что лыжи вязли в нем, оставляя довольно глубокие следы.

---

[1] Ягель—олений мох (*Cladonia rangiferina*).

С бивака хребет Ян-дэ-янге казался ближе, чем он есть на самом деле. Я думал, что к полудню дойду до перевала. Не тут-то было! Через три часа пути он был от меня еще далеко и попрежнему величественно вздымал кверху свои снежно-белые вершины, озаренные яркими лучами полуденного солнца. Как раз к этому времени я вышел на небольшую полянку, истоптанную и людьми и животными. В стороне, под елью, дымился еще не успевший потухнуть костер. Здесь был привал. Тут же поблизости в один из сугробов была воткнута палка с привязанным к ней пучком голых веток, а около нее на снегу лежал кусок сырого медвежьего сала и два сухаря. Я сел на первую попавшуюся валежину, с аппетитом позавтракал, потом за неимением чая утолил жажду снегом и пошел дальше.

Юго-западные склоны Ян-дэ-янге, издали казавшиеся голыми, на самом деле были покрыты редким березняком, кое-где из-под снега виднелись еще какие-то кустарники и кедровый стланец. Только к четырем часам пополудни я добрался до той части хребта, которая круто поднимается кверху и по существу составляет его гребень. Подъем в гору был настолько утомителен, что принудил меня несколько раз останавливаться и отдыхать.

Самый перевал представлял собой седловину между сопками. Когда я достиг его, солнце уже совсем склонилось к горизонту. Позади на необозримое пространство расстилалась тундра, казавшаяся сверху большим белым диском «без меры в длину, без конца в ширину» и уходившая за горизонт. Небесный свод, расцвеченный лучами заходящего солнца в пурпуровые, оранжевые и золотисто-желтые тона, как бы опирался на ее края и казался громадным хрустальным сосудом, повисшим над землею. День угасал... Снега, покрывавшие склоны Ян-дэ-янге, окрасились в розоватые и нежно-фиолетовые цвета. В умирании дня всегда есть что-то таинственное и грустное, как бы от сознания того, что прекрасный мир земной должен быть отдан во власть ночи, надвигающейся с востока. Я любовался развернувшейся передо мной картиной и не особенно торопился, полагая, что буду на биваке еще до наступления сумерок.

Когда солнце совсем скрылось за горизонтом и красивая окраска снегов потускнела, я начал спуск с хребта Ян-дэ-янге. За перевалом сразу начинался хвойный лес. Вот прошел я один километр, другой, третий, а бивака все не было. Я заметил, что местами олени бежали рысцой, значит тунгусы подгоняли их и куда-то торопились.

Тайга, чем дальше, тем становилась гуще. На местах открытых еще можно было кое-как рассмотреть следы, но под сенью хвойных деревьев ночная тьма быстро сгущалась, и потому итти становилось все труднее и труднее. Мои лыжи стали путаться в чаще; опасаясь сломать их, я должен был уменьшить шаг и бросить съемку. С заходом солнца температура воздуха заметно стала снижаться.

В лесу воцарилась могильная тишина, изредка нарушаемая только звонким пощелкиванием деревьев от мороза. Ночь властно вступала в свои права. На потемневшем небе зажглись яркие звезды. Они как будто знали что-то, касающееся меня, и перемигивались между собою. А я все шел, быть может, совсем не в том направлении, куда следовало.

Вдруг, к ужасу своему, я увидел, что потерял олений след. Я поспешно достал спичку и чиркнул ею: чистый ровный снег лежал впереди меня, справа и слева.

«Вот беда-то,—подумал я.—Неужели я заблудился!..»

Кому приходилось бывать зимою в тайге, тот знает, что значит заночевать в лесу без теплой одежды, без топора и без полотнища палатки, которым можно было бы защитить себя от холода. Я остановился, чтобы передохнуть немного и обдумать свое положение, но мороз тотчас дал себя знать. Надо итти! Но куда? Я наугад пошел вправо. Как-то лыжа моя подвернулась, я упал и в это время ощупал рукою взбитый снег. Оправившись, я вторично зажег спичку. На секунду ночная тьма расступилась в стороны, и при краткой вспышке огня я успел рассмотреть оленьи следы. Спичка погасла, и мгновенно все снова утонуло в глубоком мраке. Я постоял несколько минут на одном месте, пока глаза мои не освоились с темнотою. Тогда я решил итти с крайней осторожностью, нащупывая дорогу ногами. Я подвигался весьма медленно и в тех случаях, когда терял оленью

тропу, возвращался назад и нередко искал ее руками. Так промаялся я до девяти часов вечера и совершенно выбился из сил. Стало совсем темно, так темно, что нельзя уже было рассмотреть даже больших предметов, находящихся в непосредственной близости. Наконец случилось то, чего я больше всего боялся,—я совсем потерял оленьи следы и в поисках их напрасно потратил много времени. Я принялся кричать, но лесная пустыня словно насмехалась надо мною: каждый раз эхо возвращало мои возгласы обратно. Измученный до последней степени, я сел на какую-то колодину, не снимая лыж, хотел отдохнуть немного, а затем развести небольшой огонь и как-нибудь пробиться до утра. Я не помню, сколько времени просидел, и как будто стал дремать. Чувство озноба пропало. Какая-то непонятная сила сковала мои члены. Откуда-то пахнуло теплом и послышались странные и бессмысленные слова. Разные голоса говорили: «Не закрывай дверь! Смотри где-нибудь на столе! Зажги лампу!» и т. д., и я не знаю, говорил ли я действительно эти фразы вслух или это было мое подсознательное мышление. Вдруг одна мысль, как молния, пронзила мой мозг: «Спать нельзя!» Я напряг все свои силы, рванулся с места, открыл глаза. Кругом было темно, как в могиле. Вверху слышался шорох—то легкий ветерок пробегал над лесом и чуть трогал вершины деревьев. Я сильно прозяб: холод уже успел проникнуть под одежду; зубы выбивали непрерывную дробь. Я схватился руками за ствол соседнего дерева и поднялся на ноги. Первые шаги показались мне невероятно тяжелыми, потом я разошелся и тихонько побрел в ту сторону, где был какой-то просвет. Не сделал я и сотни шагов, как вдруг лес кончился и передо мною открылась громадная равнина, озаренная слабым светом мерцающих звезд. Далеко, на другом конце ее, мелькал огонек. Сонливое состояние разом исчезло—я почувствовал прилив бодрости, оправил лыжи и пошел прямо на спасительный маяк.

Было поздно. Созвездие Ориона, бывшее дотоле низко над горизонтом, уже успело подняться до зенита. Великолепный Сириус блистал всеми цветами радуги. Вдруг яркий метеор бесшумно пронесся высоко над землею, оставив за собою длинный угасающий след. Как я ни

был измучен, но явление его было столь замечательно, что я долго не мог оторвать взора от неба, и только холод, знобивший мне руки, вернул меня снова к действительности. Шел я долго и медленно. Наконец стали слышны позвонки оленей. Еще немного, и я увидел бивак. У опушки леса стояли две палатки. Несколько в стороне горел большой костер. Тысячи искр, увлекаемых жаром, поднимались кверху и огненным дождем сыпались обратно в снег. Колеблющиеся языки пламени прыгали по веткам и пожирали сухие дрова. Неровный свет огня отражался на сугробах, на палатках, на стволах растущих деревьев и перекидывался в тундру.

Около костра виднелся силуэт человека, черного, как сажа, и с кроваво-красными контурами то с одной, то с другой стороны, в зависимости от того, как его освещал огонь. Этот человек был Г. Попов. Он поправлял дрова и закрывал рукой лицо от жара.

Собрав последний остаток сил, я дотащился до костра и, не снимая лыж, повалился в снег. Отдышавшись немного, я спросил его, как случилось, что тунгусы, вместо того чтобы встать на бивак тотчас за перевалом, ушли так далеко. Оказалось, что, перейдя Ян-дэ-янге, они попали не в тот ключик, в который хотели. Они заметили свою ошибку тогда, когда совсем уже спустились с хребта. Им не хотелось возвращаться назад, и они решили итти до тех пор, пока не найдут олений мох.

Читателю, может быть, интересно узнать, как тунгусы находят пастбища для оленей. Днем они присматриваются к стволам старых деревьев, на которых растет ягель, а ночью в темноте пускают одного оленя без недоуздка. Он раскапывает передней ногой снег и, если есть корм, начинает пастись, если же корма нет, поднимает голову и смотрит по сторонам.

Отсутствие кормового мха заставило тунгусов долго итти по тайге, пока они не вышли на тундру. Они знали, что я запоздаю и, вероятно, заночую в лесу. С ними это так часто случается, что моему отсутствию они не придали никакого значения и со спокойной душой улеглись спать. Наоборот, они крайне удивились, узнав, что я пришел на бивак и не остался в лесу до рассвета. Однако Г. Попов решил на всякий случай зажечь огонь,

который и служил мне путеводной звездою. Не разложи он костра, я действительно провел бы мучительную ночь под открытым небом.

Все хорошо, что хорошо кончается! Я снял лыжи, пробрался в палатку и тотчас погрузился в глубокий сон.

Утром я хотел было посетовать на своих спутников за то, что они оставили меня в тайге, но, войдя в их психологию, просил только на будущее время не ставить меня в такое положение. Весь следующий день тунгусы простояли на месте, и потому я хорошо выспался. Двое из них ходили на охоту и принесли двух глухарей и одного рябчика. Остальные мужчины исправляли седла и прочее походное снаряжение, а женщины починяли одежду. Около полудня я по своим следам вернулся назад к тому месту, где бросил съемку, и заснял весь путь до бивака. Назавтра было назначено выступление с рассветом, и потому мы все рано легли спать.

Было еще темно, когда меня разбудил Г. Попов. Я оделся и вышел из палатки. Чуть брезжило... Тундра, занесенная снегом, и старые ели в зимнем наряде, казалось, еще грезили предрассветным сном. На востоке занималась заря. Побледневшие звезды быстро гасли одна за другой. Во всем воздухе разлита какая-то мгла, которую тунгусы называли «туманным морозом». Около палаток стояли два оленя с заиндевевшей шерстью. Я счел нужным адресоваться к инструментам. Термометр показывал 50° С. Когда взошло солнце, атмосфера немного очистилась.

После утреннего завтрака тунгусы стали разбирать палатки и вьючить оленей. В стороне был разведен большой огонь, около которого собрались все ребятишки. Часам к шести утра мы снялись с бивака и пошли дальше. Путь наш опять пролегал по тундре. С высоты птичьего полета она должна была казаться в виде темных ажурных кружев, в которых плотную ткань составляли рощи и перелески, а отверстиями были поляны, занесенные снегом. Ехавший впереди на «седловом» олене тунгус пел, и пение его было так же уныло и однообразно, как однообразна та тундра, по которой он кочевал со своими табунами. Важенки[1] следовали за ним гуськом

[1] Важенки—самки оленей, матки.

в порядке и не отставали. Все мужчины и женщины были верхами. Они сидели как-то странно, на плечах оленей, свесив ноги вперед, на грудь животных. Малые дети были завернуты в меха и помещались в особых седлах-зыбках, привязанных к вьюкам ремнями.

После вчерашней злополучной ночи Г. Попов решил итти вместе со мною. Только что мы тронулись в путь, как произошла остановка по следующему поводу. Один ребенок расплакался. Мать немного придержала своего оленя и просила другую женщину подать ей капризника. Та ловко соскочила на землю, развязала ремни и подала малютку матери. Последняя приняла его и на ходу накормила грудью, прикрывшись от мороза шубкой. Потом она стала укачивать ребенка, но он раскапризничался, брыкался и кричал во все горло. Тогда она сказала что-то тунгусу ехавшему впереди ее, тот передал слова ее дальше, пока они не дошли до головы отряда. Проводник остановил своего оленя. Тотчас встал весь табун. Мать сошла на землю и, невзирая на мороз, стала распеленывать своего сына. Раздев маленького буяна донага, она положила его в снег и, смеясь и что-то приговаривая, стала обсыпать его еще снегом и сверху. Ребенок барахтался и надрывался от крика. Я не мог понять, в чем дело, и так был поражен этим необычайным зрелищем, что готов был броситься к ребенку на помощь. Такое купанье в снегу продолжалось не более одной минуты. Затем мать подняла свое дитя, нежно поцеловала его и быстро стала завертывать в рысий мех, потом уложила его в седло-зыбку, ловко вскочила на своего оленя и крикнула проводнику, что можно итти дальше. Минуты через три ребенок успокоился и всю дорогу спал как убитый.

— Ведь этак ребенка можно простудить?—обратился я к Попову.

— Нет,—отвечал он,—от этого он не заболеет. Нам часто приходится зябнуть на охоте, а как придешь в юрту, завернешься в шубу и так крепко уснешь, что добудиться не могут.

Чем больше мы приближались к Уркану, тем снег становился глубже. Олени умерили шаг и пошли медленнее. Для нас же с Г. Поповым это не имело никакого

значения. Мы были на лыжах и не только не отставали от отряда, но порой даже обгоняли его.

Нашим проводником был тунгус небольшого роста, тщедушного сложения, лет сорока пяти. В черных волосах его, росших в большом беспорядке, уже белели серебристые нити. Лицо этого человека было самое заурядное, с загорелой кожей, немного скуластое, а глаза имели такое выражение, как будто он всегда всматривался вдаль. Одет он был в черный кафтан из грубой шерсти с застежками на боку, суконные штаны какого-то неопределенного цвета и унты с голенищами, вроде торбасов. Головным его убором была старая ватная шапка с меховыми наушниками, по тунгусскому обычаю с красно-синими орнаментами в елочку.

Мы шли по местности, донельзя однообразной. Пусть читатель представит себе большую болотистую и слабо всхолмленную равнину, покрытую снегом, где перелески чередуются с тундрами, поросшими редкостойной корявой лиственницей. Хоть бы какой-нибудь предмет, на котором можно было остановить свой взор и который мог бы служить ориентировочным пунктом: небольшое озеро, одинокая сопка, каменистая россыпь, голая скала и т. п. Ничего! Пусто! Ни зверей, ни птиц, никаких следов! И так изо дня в день, подряд шесть суток! Это однообразие утомляло меня, я шел лениво, апатично, на планшет наносил свой ход и изредка писал одно только слово: «Тундра». Однако наш проводник вел себя иначе. Он часто оглядывался назад и внимательно смотрел по сторонам.

— Не сбился ли с дороги наш вожатый?—спросил я Г. Попова.

— Почему вы так думаете?—спросил он меня в свою очередь.

— Да он все оглядывается и как будто ищет чего-то.

— А это потому,—отвечал Г. Попов,—что он идет здесь первый раз.

— Как же он ведет нас? Какой же он проводник?—невольно воскликнул я, крайне удивленный.

— Он знает дорогу,—успокоительным тоном сказал Г. Попов.—Ему старик Ингину рассказывал путь на шесть дней вперед. Сегодня мы придем на условное место, где должны встретиться с другими тунгусами, ко-

торые идут с Амгуни и которым мы передадим двух женщин с детьми. Эти тунгусы уже предупреждены недели три назад.

Слова моего спутника озадачили меня еще больше. Как можно запомнить дорогу в тундре хотя бы на один день?! А ведь этот человек запомнил все со слов другого на шесть суток вперед. Очевидно, тундра для него не так уж однообразна, как это кажется мне, очевидно, от его внимания не ускользает целый ряд таких предметов, которых я вовсе не замечаю.

После разговора с Поповым мы еще часа два с половиной шли по оленьим следам. Когда ослепительное солнце прошло по небу большую часть своего пути и готовилось сесть на зубчатый гребень хребта Ян-дэ-янге, когда от нас по снегу потянулись длинные уродливые тени, мы увидели разбитые палатки и оленей, пасущихся на воле.

— Ну, вот,—сказал Попов,—мы и дошли до того места, где должна произойти встреча двух отрядов.

Я оглянулся кругом и нигде не увидел ни зимовья, ни следов кострищ, ничего такого, что указывало бы, что место это является перекрестком двух путей.

Здесь мы простояли двое суток. За это время я успел вычертить свои съемки и сделать все записи в дневниках.

К концу третьего дня я стал беспокоиться и высказал Г. Попову опасения, что, может быть, мы попали не туда, куда следует. Как раз в это время в палатку вошел один из тунгусов и сообщил, что другой отряд приближается. Мы вышли наружу, но в тундре царило полное спокойствие, и ничего не было видно и ничего не было слышно Г. Попов рассеял мое недоумение.

— Взгляните на оленей,—сказал он.—Видите, они часто поднимают головы и подолгу смотрят в одну сторону.

Минут десять я простоял на морозе и, не дождавшись гостей, вернулся в палатку. Спустя некоторое время Г. Попов снова вызвал меня наружу.

Вечерело... На западе вздымалась к небу какая-то мгла, похожая на дым. Солнце тонуло в ней большое и красное, опять предвещая назавтра туманный мороз.

— Слушайте,—сказал мне Г. Попов.

Я насторожился, и до слуха моего донеслись звуки деревянных побрякушек, которые тунгусы, за неимением металлических позвонков, вешают на шеи своих «рогатых коней». Вслед за тем из перелеска выехал человек на большом седловом олене, а за ним длинной вереницей тянулись важенки и остальные вьючные животные. Увидя наши палатки, человек остановился на минуту, осмотрелся и пошел немного влево. Это были те самые тунгусы, которых мы ждали с таким нетерпением. Они расположились биваком шагах в четырехстах от нашего табора. Через час вновь прибывшие были у нас. Они привезли новости с Амгуни и говорили о каком-то охотнике, которого задрал медведь, говорили о якутах, о ярмарке и о ценах на пушнину.

Вечером, когда мы с Г. Поповым сидели у печки в палатке, разговор опять зашел о проводнике, который привел нас как раз к тому месту, где оба отряда так удачно встретились. Каково же было мое удивление, когда я услышал, что проводник только что пришедшего отряда тоже шел впервые по этой тундре, по указаниям, данным ему другими тунгусами на девять дней вперед. Геодезисты, ежедневно определяя астрономически свое местонахождение и нанося на географическую сеть свои маршруты, не смогли бы это сделать лучше. Может быть, тунгусы, эти классические скитальцы по тайге и тундре, обладают особо развитым чувством ориентировки. Это чувство есть у почтовых голубей и у всех перелетных птиц, у грызунов и у многих крупных четвероногих, совершающих ежегодно миграции осенью и весной.

Я оделся и опять вышел из палатки. На западе угасали последние отблески вечерней зари. Мгла, замеченная на горизонте, надвинулась на тундру. Сквозь нее в виде светлых матовых пятен виднелись звезды первой величины. В той стороне, где стояли амгунские тунгусы, тускло светились два огня. Несколько в стороне на поляне стояли наш проводник и Г. Попов. Они долго смотрели на небо и о чем-то говорили между собою. На мой вопрос, в чем дело, Г. Попов сказал, что мгла сгущается и из-за этого плохо будут видны созвездия на небе. Далее он объяснил мне, что он вместе с проводником каждый вечер наблюдают, как восходят звезды,

и по этому узнают, правильно ли идут и какого направления надо держаться.

Я почувствовал, что прозяб, и поспешил в палатку, где было тепло и уютно. Сквозь щели дверец камина выходил свет и слабо озарял внутренность нашего походного жилища. Он дрожал на стенах, трепетными полосами ложился на пол и освещал фигуры спящих людей. Я лег на приготовленную мне постель из хвойных веток и начал дремать. Слышно было, как снаружи ходили олени и как в камине потрескивали горящие дрова. Трудовой день кончился, и благодатный сон не замедлил смежить мои веки.

На следующий день вновь пришедшие тунгусы дневали, а мы, передав им в качестве пассажиров двух женщин с детьми, продолжали свой маршрут на юго-восток.

Суток через двое характер тундры стал меняться, местность сделалась более всхолмленной, появились ручьи с высокими террасами, покрытыми хвойно-смешанным лесом. Тут было много звериных следов, между которыми преобладали лосиные и изюбровые. Один раз даже попался след тигра. Полосатый хищник шел по льду небольшой речки, стараясь сколько возможно скрыть свое присутствие под прибрежными кустарниками. Осторожный и хитрый зверь! На повороте он остановился за коряжиной, вмерзшей в лед, и некоторое время смотрел, не видно ли кого-нибудь на реке. Убедившись, что ни зверей, ни людей впереди нет, он прыгнул через полынью и вновь пошел под берегом.

В трех-четырех километрах от р. Уркана лес оборвался, и перед нами снова развернулась обширная тундра, поросшая приземистой, редкостойной лиственницей. Олени далеко ушли вперед. О местонахождении их можно было узнать по пару, который столбом поднимался кверху от вспотевших животных.

Мы с Г. Поповым шли потихоньку на лыжах и разговаривали между собою. Я заносил наш маршрут на планшет, а он шел довольно безучастно до тех пор, пока оленью дорогу не пересекли какие-то другие следы. Тунгус остановился, внимательно посмотрел на них, а потом, как бы обдумывая что-то, сказал:

— Два человека шли: один—высокий, молодой, другой—низенький и пожилой.

Действительно следы были людские. Кто-то шел по снегу без лыж, причем один пешеход раздвигал коленями снег, а другой шагал прямо через сугробы. Шаг последнего был уверенный и сильный. Маленький человек больше наступал на пятку, как это делают старики, и часто отдыхал.

— Это русские,—сказал Г. Попов.—Оба они в сапогах.

(Тунгусы носят обувь без каблуков с мягкими подошвами.)

Вскоре он опять остановился и добавил:

— У маленького в руках была палка. Он нес ружье на ремне через левое плечо, а потом перебросил его через другое плечо.

— Это почему?—спросил я удивленно.

Вместо ответа тунгус указал мне на следы. Там, где низкий человек оступался между кочками, приклад его ружья делал отметки в снегу. Сначала эти отметины были с правой стороны, а потом стали появляться с левой.

Немного дальше Г. Попов поднял корку белого хлеба, по которой он заключил, что поблизости есть зимовье, где можно выпекать кислый хлеб. Тот, кто далеко уходит в горы, несет с собою только сухари.

Некоторое время мы шли молча и оба внимательно рассматривали следы. В одном месте снег оказался истоптанным на пространстве четырех квадратных метров. Присмотревшись к следам, я понял, что неизвестные люди здесь отдыхали, причем один из них стоял, а другой сидел на снегу.

— Один человек курит, а другой нет,—заметил Попов, указывая на снег.—Вот тут стоял большой человек и свертывал папиросу,—продолжал тунгус.—Он немного просыпал махорки, а тот, что поменьше ростом, ждал, когда товарищ его закурит. У них был обтертый коробок, и они попортили много спичек. Потом большой человек протянул маленькому руку и помог своему товарищу встать на ноги.

Действительно этот последний, когда встал, то не поворачивался набок. Поднимаясь, он крепко уперся на ноги и глубоко вдавил снег каблуками.

Этот анализ чрезвычайно заинтересовал меня. Мы двинулись дальше. Вдруг Г. Попов обернулся и сказал:

— Большой человек сегодня утром ел много соленой рыбы, его мучила жажда, и он всю дорогу хватал снег горстями.

Следы стали забирать влево, к лесу. Вдали виднелся наш караван. Тоненькой змейкой извивались вьючные олени между сугробами. Отстававшие животные казались маленькими точками. Мы взяли направление прямо на них и быстро пошли по запастившемуся снегу. Вскоре олени остановились и сбились в кучу. Когда мы подходили к ним, тунгусы развьючивали их и собирались ставить палатки.

— Пойдемте поищем людей,—предложил мне Г. Попов.—Они где-нибудь тут неподалеку.

— Как это узнать?—спросил я своего приятеля.

— Они здесь прошли,—отвечал он, указывая на следы.—Без лыж по такому снегу далеко не уйдешь.

Доводы эти были вполне убедительны. Оставив тунгусов устраивать бивак, мы свернули вправо и пошли дальше по следам, которые скоро привели нас к реке. Многочисленные порубки свидетельствовали о том, что те, кого мы ищем, стоят здесь давно и находятся где-то совсем поблизости.

— Погодите, там слышны удары топора,—сказал Г. Попов, указывая на реку.

Не успели мы сделать и двести шагов, как увидели дым, а затем и зимовье, сложенное из бревен, крытое накатником и землею, а около него двух лошадей. От зимовья вниз по реке шла санная дорога. Когда мы подходили к жилищу, худая собака встретила нас злобным лаем. Здесь мы застали трех человек: кривоглазого старика с седою бородою, одетого в какую-то ватную кацавейку, и двух лесорубщиков. Один из них, как Г. Попов и предполагал, был действительно высокого роста, лет тридцати, рыжий, с рябым лицом, другой значительно старше и ниже ростом, с русыми поседевшими волосами. Из расспросов выяснилось, что это рабочие государственного лесозаготовительного завода. Старик был караульщиком и кашеваром, а другие двое только два дня назад приехали из Хабаровска и вчера ходили смотреть, много ли в лесу есть кедра. Когда я сказал

им, как они шли, как несли ружье, кто из них курил и кто ел соленую рыбу, они очень удивились и спросили, в свою очередь, откуда я знаю такие подробности. Я указал на своего спутника и сказал, что все это он усмотрел по следам.

— Вот диво!—воскликнул высокий парень.—Значит, от них (он кивнул головою в сторону Г. Попова) никуда не скроешься. Верно говорили старики, что в лесу надо вести себя хорошо. Выходит, что в городе легче скрыться, чем в тайге.

Он долго удивлялся и несколько раз возвращался к этому вопросу.

Время близилось к сумеркам. Мы распрощались с нашими новыми знакомыми и пошли к себе на бивак. Было тихо. Точно зарево громадного пожара, пылал горизонт. При вечернем освещении тундра имела еще более унылый и безжизненный вид. На бледном небе, озаренном закатным сиянием уходящего солнца, особенно резко выделялись уродливо выродившиеся стволы лиственниц, лишенных хвои. Вдали виднелись огни нашего табора и чуть заметно белели палатки.

На биваке мы застали полный порядок. Тунгусские женщины варили в двух больших котлах оленину и ждали нашего возвращения.

Ессентуки.

22 сентября 1929 г.

ФАЛЬШИВЫЙ ЗВЕРЬ

С юных лет я заинтересовался Уссурийским краем и тогда уже перечитывал всю имеющуюся об этой стране литературу. Когда мечта моя сбылась и я выехал на Дальний Восток, сердце мое от радости замирало в груди. Среди моих попутчиков оказались люди, уже бывавшие на берегах Великого океана. Я расспрашивал их о тайге и о ее четвероногих обитателях. Больше всего меня интересовал тигр. Он казался мне каким-то особенным существом, и я начинал его почти так же боготворить, как и амурские туземцы.

По прибытии в город Владивосток я познакомился со всеми известными зверопромышленниками и с затаенным дыханием слушал их рассказы про полосатого зверя. Мой мозг все время работал в одном направлении. Обыкновенную кошку, разгуливающую между камнями по траве, я мысленно увеличивал в сотню раз, представлял ее себе тигром в лесу около высоких скал. Помню, как первый раз вступил я в тайгу и с чувством благоговения думал о том, что наконец-то я нахожусь

в настоящих джунглях, где на свободе разгуливает тигр, который находится, может быть, совсем недалеко от меня. В этот момент притаившаяся в зарослях белка с фырканием бросилась на дерево. Я сильно испугался, сердце мое сжалось в груди, я круто повернулся и чуть было не выстрелил в сторону шума.

Потом я стал привыкать к таежным звукам и разбираться в них: рев изюбра, свист пятнистого оленя, крик дикой козули и кабарги и пронзительное взвизгивание бурундука—все стало мне уже знакомо. Среди птичьих голосов я различал крики: желны, удода, кукушки, пестрого дятла, ронжи, ореховорки и орлана-бесхвостого.

Но тигр не выходил из моей головы. Я часто видел его во сне, и я то в виде зверя, то в виде человека убегал, спасался, влезал на дерево и переживал невероятные приключения. Старые охотники говорили, что это такой зверь, которого, чем больше искать, тем труднее увидеть, а потом встретишь его в таком месте и как раз тогда, когда менее всего ожидаешь. Зверопромышленников, которым случалось видеть тигра в лесу, я считал людьми особенными. «Ведь есть же такие счастливцы», думал я и в тайниках своей души завидовал им. Тогда я решил до тех пор скитаться по тайге, пока мечта моя не осуществится. В конце концов тигр сделался моей навязчивой идеей. В нем, как в оптическом фокусе, сосредоточились все мои помыслы и стремления. Целыми днями бродил я в лесу, забирался в самые дебри, где было много скал и пещер, и рассматривал следы на земле. Я представлял себе тигра лежащим в зарослях винограда. Вот он встал, встряхнулся и зевнул, потом подошел к тополю, поднялся на задние ноги, выгнул спину и потянулся, как кошка, царапая кору дерева, затем он посмотрел влево и вправо и пошел на охоту.

Впоследствии, когда мне действительно пришлось видеть тигра на воле, он не произвел на меня такого впечатления, как первый раз, о котором я хочу рассказать.

Однажды, это было в 1900 году, я бродил по широкому распадку к востоку от селения Многоудобного, в долине р. Майхе (впадающей в залив Уссурийский).

Время было осеннее, и утренние морозы уже разукрасили древесную и кустарниковую растительность в тем-

нофиолетовые, пурпурные и золотисто-оранжевые тона. Лес начинал сквозить, и уже появились первые признаки листопада. Ночью был небольшой дождь, и поблекшая буро-желтая трава не успела еще обсохнуть. Солнечные лучи пробирались в самую чащу леса и играли в каплях воды, превращая их в искрящиеся алмазы.

Тогда постоянным моим спутником в скитаниях по тайге был сибирский стрелок Поликарп Олентьев, прекрасный человек и хороший охотник. В этот знаменательный день он остался на биваке починять обувь, а я с дробовым ружьем пошел искать рябчиков. Я шел по небольшой дорожке и смотрел по сторонам. Мне вспомнились рассказы звeропромышленников о том, что тигр любит ходить по тропам. Известный в крае охотник Иван Пашкеев на р. Сице (приток Сучана) именно так встретил тигра, которого и убил одним удачным выстрелом прямо в лоб. Я взглянул себе под ноги и вдруг увидел на тропе свежие тигровые следы. Страшный хищник был впереди и шел в том же направлении, как и я. Читатель может себе представить, что со мной сделалось! Чувства мои смешались: я попеременно испытывал то страх одиночества перед опасностью, то благоговение перед царственным грозным зверем, то охотничью страсть и любопытство. Однако чувство страха взяло верх. Я вспомнил, что в руках у меня дробовое ружье и в сумке один только патрон с пулей. Назад возвращаться было далеко и поздно. Я постоял, подумал, перезарядил ружье и пошел дальше. Тропа подошла к небольшой горной речке. С одной стороны берег был обрывистый, а с другой—пологий, галечниково-песчаный. Как только я вышел на отмель, тотчас опять увидел следы больших кошачьих лап. Они были еще влажными и не успели обсохнуть. Наблюдатель со стороны увидел бы, как изменились моя походка и выражение лица. Я не шел, а крался, часто останавливался, прислушивался и озирался по сторонам. За рекой опять начиналась тайга, а за ней старая гарь. Не успел я дойти до опушки леса метров сто, как вдруг увидел того, кого искал. Огромный тигр лежал на брюхе, поджав под себя задние ноги. Голова его покоилась на передних лапах, вытянутых вперед. Он чуть шевелил

хвостом и как-будто немного поднял голову и посмотрел в мою сторону. Я очень испугался и поспешно спрятался за большой кедр. Что делать? Стрелять? Но такого зверя одним выстрелом не убьешь, а раненый он еще опаснее. Стрелять в воздух? Но этим только привлечешь его внимание к себе. Тихонько уйти назад? Но как это сделать? Сердце мое готово было выскочить из груди; на лбу выступили крупные капли пота; ноги онемели и отказывались повиноваться; руки дрожали. Вероятно, на лице моем были написаны ужас и отчаяние. Выглянув из-за дерева, я увидел тигра на том же месте. Длинное желтое тело его было испещрено поперечными черными полосами. В это мгновение под ногой у меня хрустнула веточка, и страшный зверь вновь взглянул в мою сторону. Словно электрический ток прошел через мое тело от головы до пяток. Сердце во мне «захолонуло». Я считал себя погибшим безвозвратно. Вдруг я увидел человека, идущего через поляну. Как предупредить его об опасности: стрелять, кричать, бежать навстречу? Я не знал, что делать, растерялся и в то же время чувствовал, что этот человек с ружьем в руках является моим спасителем. Он шел, ничего не замечая, а тигр попрежнему лежал на брюхе. «Какой однако дерзкий зверь!» подумал я. В это время человек поравнялся с тигром и перешагнул через него и «ничтоже сумняшеся» пошел дальше. Тогда я вышел из своей засады. Очарование исчезло. Вместо тигра на поляне лежала большая колодина темного цвета и без выступающих частей, которые можно было бы принять за хвост или голову. Мало того, из самой середины спины воображаемого зверя торчал большой узловатый сук. Вновь пришедший, увидев меня, проворно снял с плеча винтовку. Я окликнул его и в знак мирных отношений приставил свое ружье к дереву. Моим спасителем оказался крестьянин из села Шкотова Т. Пырков. Я чистосердечно рассказал ему о том, как меня напугала колодина.

— Которая?—спросил он.

— Вон та,—сказал я и указал на полянку.

— Да она вовсе не похожа ни на какого зверя,—ответил Пырков и искоса посмотрел на меня, как бы желая удостовериться, в трезвом ли я виде и в своем ли уме.

— Впрочем, бывают такие случаи,—продолжал он,— когда охотник убивает человека вместо зверя. Я сам один раз стрелял в пень, приняв его за медведя. Пойдемте-ка в деревню, там заночуем. Пожалуй, ночью дождь будет.

Мы пошли по тропе, и, когда стали проходить речку, я указал на следы тигра.

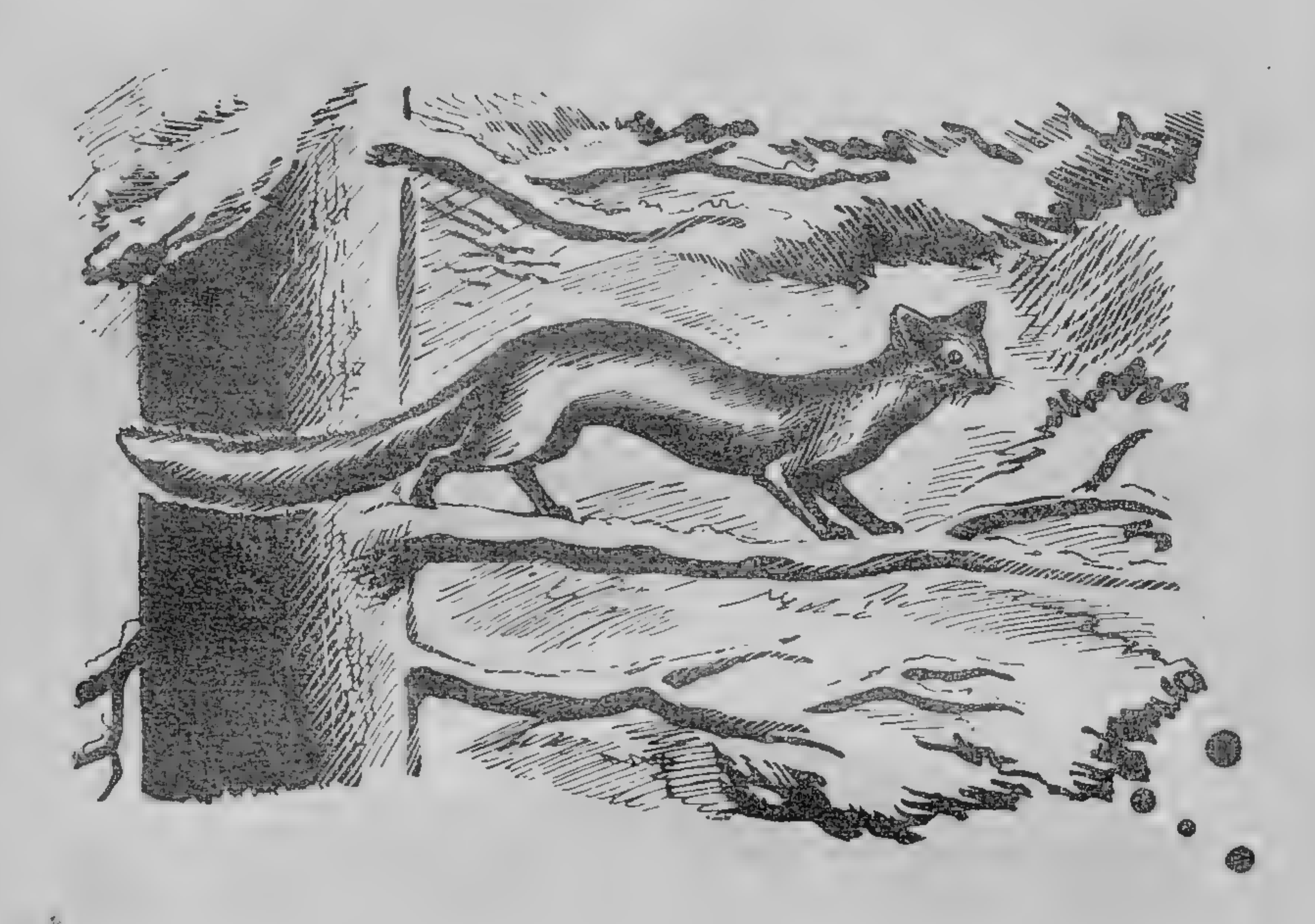
— Так вы приняли колодину за тигра и испугались?—начал опять Т. Пырков.—Хорошо, что не обратно.

— Как обратно?—не понял я.

— А вот, если бы вы тигра приняли за колодину и без опаски подошли бы к нему вплотную, так мы не шли бы с вами сейчас рядом. Такие случаи тоже бывают. Этот зверь хитрый. Сообразив, что за ним следят, он сначала уходит, а потом опишет петлю и заляжет около своего следа, чтобы напасть на охотника сбоку или сзади. Одному по тигровому следу ходить не следует.

Через полчаса мы дошли до бивака, где Олентьев уже согрел чай и ждал моего возвращения. Мы немного отдохнули, покурили у огонька и втроем отправились дальше.

Когда мы подходили к деревне, солнце только что скрылось за горизонтом. Вершины далеких гор порозовели в его закатных лучах. Запах сырости в лесу стал острее. Кое-где над домами появились тонкие струйки белесоватого дыма. С востока надвигалась тихая осенняя ночь.

СОБОЛЬ

Амурский соболь является ближайшим родственником куницы, которая и замещает его в местах исчезновения.

По наружному виду он кажется величиной с небольшую кошку, но на самом деле значительно меньше. Тело его длинное, тонкое и чрезвычайно гибкое, вследствие чего он пролезает в такие маленькие отверстия, через которые другие животные его размеров проникнуть не могут. Относительно сильные ноги соболя снабжены крепкими когтями, дающими ему возможность быстро взбираться на деревья. Конусообразную его головку, с большими опущенными ушами и черным подвижным носиком, можно было бы назвать красивой, если бы впечатление это не портилось злобным выражением черных глаз. Зубная система его такова же, как у всех хищников. Зубы мелкие, острые, но, тем не менее, раны, наносимые соболем, могут быть очень серьезны.

Голос, издаваемый соболем, похож на фырканье и мурчанье. Поставленный преследователем в безвыход-

ное положение, он смело бросается на врага; даже запертый в клетку, он норовит неожиданно напасть на человека, неосторожно взявшегося руками за железные прутья. В случае неудачи он тотчас же скрывается в самом отдаленном углу своей темницы.

Основной цвет соболя бурый, причем окраска эта сильно варьирует от темнобурого до рыже-бурого, буро-серого, желтовато-серого и даже белого цвета. Последние две отмастки попадаются очень редко. В Уссурийском крае на окраску соболя влияет и широтное распространение: так, мех соболей к востоку от Сихотэ-Алиня темнее и пушистее, чем в бассейне правых притоков Уссури.

Спина соболя темнее, чем бока; брюшко, как у всех животных, светлее, чем другие части тела. Шейка снизу желтоватая, с нежным розовым оттенком, который у мертвого животного скоро выцветает. Это, так сказать, «живой» цвет меха. Самые дешевые соболи—серо-бурые. Иногда, очень редко, встречаются соболи пегие, с белыми отметинами: пегоголовые, пегоногие, пегохвостые. Эти смешанные окраски присущи только самкам. самцы же всегда бывают однотонны. Мордочка соболя черная; внутренняя сторона лапок светлее, чем снаружи; хвост всегда темный.

В 1909 году на р. Самарге, в местности Кивета (в пяти километрах от моря), в хвойно-смешанном лесу был убит соболь, сидящий на дереве. Этот зверек имел такую оригинальную окраску, что его сначала даже и не приняли за соболя. Он был весь желтовато-розового цвета, и только по спине тянулась едва заметная темносерая полоска; брюшко было снежно-белое. Месяца через два шкурка выцвела и приняла грязно-белую окраску.

Как редкость встречаются соболи совершенно белые, но это не альбиносы—это естественная окраска животного, так как губы и нос у них пигментированы и глаза не красные. Такие шкурки имеют лишь интерес музейный. Много их достать нельзя, а одна белая среди темных только мешает и даже некоторым образом обесценивает всю партию.

В Уссурийском крае соболь распространен повсеместно, повсюду, где сохранились большие хвойно-смешанные леса.

Нет сомнения, что соболь водится в Черных горах около Хунчуна, в лесах северной Кореи и в Сунгарийском крае (сансинский соболь). В общем Уссурийский край во много раз богаче соболями, чем Амгунский район и Амурская область. В горах Сихотэ-Алиня раньше соболей было очень много. Здесь путник постоянно встречает соболиные следы в виде экскрементов на колоднике не только зимой, но и летом.

В 1909 году в верховьях р. Самарги трое удэхейцев поставили в шести местах по двенадцати лучков (маленький лук-самострел). Эти семьдесят два лучка в одни сутки дали шесть соболей.

Староверы-соболевщики полагают, что есть соболь «местный» и «ходовой». Это подтверждают и китайцы. «Местным» они называют такого соболя, который постоянно живет на данном месте и от своего жилья далеко не уходит. Подошвы его лапок покрыты шерстью и когти длинные, острые. У «ходового» соболя шерсть на лапках вытерта и когти притуплены. По степени вытертости шерсти на лапках соболевщики судят о пройденном зверьком расстоянии. Следы «ходового» соболя по снегу видны ясно, отчетливо, а следы «местного» соболя видны только на свежей пороше.

Китайские звероловы уверяют, что по качеству меха и окраске они могут определить, откуда пришел соболь и где его родина—прибрежный район или правые притоки Уссури.

Туземцы в большинстве случаев на задаваемые вопросы по этому поводу отвечали так: если следы соболей идут вразброд в разные стороны, то зверьки живут здесь постоянно и бегают лишь за добычей. Но иногда замечают, что большинство следов (в особенности, если снег выпадает рано) идет в одном направлении. В этом туземцы усматривают перекочевывание соболя вследствие недостатка корма.

Соболь обитает по верховьям малодоступных рек, в первобытных девственных лесах, где еще не стучал топор дровосека, где пожары не уничтожили подлесья и где достаточно бурелома. Леса Уссурийской тайги по первому впечатлению кажутся безжизненными: ни единый звук не нарушает их торжественной тишины. И вот такие-то глухие места и являются, повидимому, люби-

мым местопребыванием соболя. Пищею ему служат мыши, бурундуки, сеноставцы, зайцы, белки и разные птицы (чаще всего рябчики). В голодные годы, когда соболь не может найти себе пищу в хвойном лесу, он выходит на поляны и ест все, что ему попадется. Иногда он залезает в амбары туземцев и грызет юколу. Однако он непрочь полакомиться и свежей рыбой и даже предпочитает ее сухой.

Будучи смелым и ловким, соболь решается нападать даже на таких крупных животных, как кабарга. Однажды (на р. Кулумбе, притоке Имана, в ноябре 1906 года) автор видел следы борьбы между этими двумя животными. Прыгнув на спину кабарги, соболь старался перегрызть артерию на шее.

Молодая кабарга обычно гибнет, но взрослая начинает кататься по земле и таким образом сбрасывает с себя маленького, но страшного для нее хищника. Последний, благодаря своим небольшим размерам, ловко прячется в траве, среди мха и мелких веток. Зимой он подкрадывается к своей добыче, совершенно скрываясь в снегу. Он легко переносит голод и может подряд несколько суток обходиться без пищи.

Летом соболь ест кедровые орехи и в особенности любит «кишмиш» [1]. Подыскивая места для охоты, староверы еще с лета присматриваются, достаточно ли в данном месте бурундуков, мышей и мелких птиц, где именно растет «кишмиш», как он цветет и будут ли на нем ягоды.

В лесу соболь мало ходит по земле; он предпочитает бегать по валежнику. Прыгая с колодника на колодник, соболь ухитряется проходить таким образом иногда значительные расстояния. Случается, что на протяжении полукилометра он ни разу не сойдет на землю. Когда туземцы идут за соболем, они ищут следы его не на земле, а на поваленных на землю и запорошенных снегом деревьях. Точно так же и староверы, подыскивая летом места для звероловства зимой, внимательно осматривают бурелом, нет ли на нем соболиных экскрементов.

---

[1] Так переселенцы называли плоды лиан (Patinidia arguta Planch).

ОХОТА НА СОБОЛЯ

В Уссурийском крае первыми охотниками на соболей были туземцы: гольды, орочи и удэхейцы. Раньше специальной охотой на соболя они не занимались и убивали только тех соболей, которые случайно попадали в их ловушки.

Мех соболя шел для личных их нужд: на головные уборы, наушники, рукавицы и т. д.

Тогда туземцы особенно ценили мех росомахи, и соболей было больше. Старики рассказывают, что лет семьдесят назад в лесах их было так много, что хороший охотник без особого труда в течение зимы мог поймать до полутораста животных.

Но в начале XIX столетия в край прибывают китайцы. Они жадно набрасываются на соболей. С тех пор соболий мех начинает подниматься в цене, а у туземцев появляются ружья—старые, «фитильные», за которые они платили по шестьдесят и семьдесят отборных шкурок, и за четыреста граммов пороху—по два-три соболя.

Русские, прибывшие вскоре после китайцев, сами соболей не ловили, но собирали их в «ясак» для казны.

Следом за купцами в крае появляются китайские охотники и самыми последними—корейцы. Те и другие усвоили сущность звероловства и занялись им повсеместно. Русские стали заниматься соболеванием весьма недавно (лет двадцать пять назад, не далее).

Вместе с тем количество добываемых соболей начинает быстро сокращаться. В 1891 году опытный туземный охотник в удачный год мог добыть девяносто семь соболей. В 1904 году трое удэхейцев с р. Такемы за два года поймали восемьдесят шесть соболей, что составляет по 14,4 соболя в год на человека. В 1909 году средняя добыча на охотника исчислялась в девять соболей.

В 1929 году в Уссурийском крае было добыто две тысячи четыреста соболей, оцениваемых в среднем по двести пятьдесят рублей за шкурку. Наиболее ценные экземпляры доходили до тысячи пятисот рублей.

В настоящее время поставщиками собольих шкурок являются туземцы, китайцы, корейцы и русские. У каждого народа—свои способы соболевания. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Способы звероловства у всех тунгусских народностей весьма похожи друг на друга. Различие заключается только в деталях.

Соболевание для туземного охотника—это то, что наполняет его жизнь. С малых лет он видит, как с наступлением осенних холодов отец и старшие братья собираются на охоту за соболем: они плетут сетки, починяют нарты, шаманят и просят у своих богов удачи на промысле. Выезд на охоту—это своего рода праздник. Женщины и дети выходят из дому провожать своих мужей и братьев и машут им руками до тех пор, пока нарты с собаками не скроются за поворотом. Соболюют туземцы большею частью в одиночку. Прибыв на место, они разводят огонь и приносят жертвы лесным богам, а затем приступают к постройке юрты. Около нее на дереве вырезается грубое изображение человеческого лица—тору, перед которым в случае неудачи сжигаются сухие листья багульника. Все сказки туземцев полны охотничьих приключений и нередко в них фигурирует соболь. От удачного промысла зависит многое.

Туземцы консервативны: большинство из них сохранило свои примитивные способы соболевания до сих пор. Сказанное не относится к южноуссурийским удэхейцам, которые совершенно окитаились и ныне ловят соболей китайским способом.

Самый любимый и самый первобытный туземный способ охоты на соболя—это выслеживание его по снегу.

Соболь животное ночное. Ночью он бегает в поисках добычи, а днем прячется где-нибудь под пнями или в дуплах деревьев. Поэтому успех охоты зависит от того, где найдет соболя охотник. Этот способ требует большого терпенья и навыка. Поистине достойны удивления те приемы, к которым прибегают охотники, чтобы выследить и поймать дорогого хищника.

Надо поражаться, как хитрит соболь, путает свои следы, чтобы уйти от преследователя. Он делает петли и старается итти по валежнику, где снег сдуло ветром. Иногда он влезает на дерево с наветренной, запорошенной стороны так, чтобы следы его были ясно видны. Поднявшись до самой вершины, соболь спускается вниз по другой стороне дерева—голой, затем спрыгивает на свой прежний след и возвращается назад. Он осторожно ставит свои лапки в ямки старых следов так, чтобы их не испортить. Найдя поблизости какой-нибудь пень, соболь прыгает на него, затем совсем зарывается в снег и проходит под ним двадцать-тридцать шагов в сторону. Бывает так, что, идя по наклонному валежнику, соболь вдруг делает большой прыжок на соседнее дерево. Завершив круг, он выходит на речку и прыгает с камня на камень, потом уходит под бурелом, нанесенный водою, а иногда забирается под яр реки, где нависшие сверху дернины совершенно скрывают его следы от охотника.

Тут долго приходится искать следы в надежде, что незамерзший песок или случайно нанесенный через какое-нибудь отверстие снег укажут, в какую сторону пошел соболь. Нужно быть чрезвычайно внимательным, нужно хорошо знать все повадки хитрого зверька, нужно быть настоящим следопытом, чтобы расшифровать хитро сплетенные петли соболя.

Трудно сказать, сколько времени займет такая охота.

Это зависит от свежести следа и от навыка самого охотника. Иногда соболя удается найти через несколько часов, чаще же всего на преследование его тратится двоетрое суток.

Надо поражаться выносливости туземцев. Зимою в глухой тайге, без палаток, в легкой одежде они подолгу гоняются за соболем—и в результате нередко охота бывает неудачной. Случается, что после долгого преследования охотник обнаруживает совершенно свежий след дорогого хищника, а сумерки принуждают его остановиться. Тогда он ночует без огня, чтобы не испугать соболя, иначе последний уйдет, и охотник будет вынужден вновь гоняться за ним двое суток.

Необходимой принадлежностью охоты на соболя является с е т к а. Она представляет собою узкий мешок, длиною пятьдесят-шестьдесят сантиметров, заканчивающийся веревкой, при помощи которой вытянутая сетка привязывается к колу или стволу дерева. Для того чтобы она не спадала, внутри ее помещают несколько тонких деревянных колец.

Найдя пень, в котором спрятался соболь, охотник спешит прежде всего заткнуть в нем отверстия. После этого он начинает разрывать вокруг пня снег на тот случай, если бы под ним оказались еще выходы наружу. Если снег не сыпучий, а рыхлый и сырой, то его просто утаптывают ногами. Когда все готово, охотник открывает входное отверстие и вплотную приставляет к нему сетку. Иногда бывает достаточно этого. Человек садится в стороне и, соблюдая возможную тишину, ожидает, когда соболь выйдет из своего убежища.

Напуганный зверек сначала притаится в пне, а затем, когда станет тихо, вылезает и попадает в сеть. Не теряя времени, охотник бросается к соболю и прижимает его к земле палкой от лыж или рукояткою топора, или же тем, что попадет под руку, и давит его.

Может случиться, что под пень, где укрылся соболь, ведут два хода. В таком случае к одному отверстию охотник ставит сеть, а у другого раскладывает огонь. Тогда дым выживает соболя и принуждает его спасаться бегством.

Когда соболь попадает в сетку, охотник не должен зевать. Опытные звероловы имеют на руках кожаные ру-

кавицы, джутовый мешок или кусок мягкой кожи и т. п. Схватив одной рукой зверька за голову и зажав ему рот, другой—за задние ноги, охотник прижимает его к земле и давит коленом.

Если соболь укрылся в дупле, то опять-таки затыкаются в нем все ходы и выходы, а затем дерево внимательно осматривается—как оно стоит и куда при рубке будет падать. Молодняк, который может помешать падению дерева, удаляется. Казалось бы, что при рубке дерева соболь может убежать во вновь образовавшееся отверстие, что он и сделал бы, если бы это было ночью и кругом было тихо. Но днем от шума он забивается в самую верхнюю часть дупла и сидит там притаившись. Поэтому охотники работают без опаски. Наконец дерево падает, нижнее отверстие дупла тотчас закрывается сеткой, полотнищем палатки, одеждой, корьем, травой—одним словом, всем, что попадает под руку. Чаще всего поступают так: когда дерево близко к падению, рядом раскладывается костер. Как только дерево упадет, костер быстро подвигается вплотную к дуплу. После этого охотники прорубают небольшое отверстие в верхней части дупла и приставляют к нему сетку. Спасаясь от дыма, соболь выходит наружу и попадает в ловушку.

Если снег неглубокий, если поверхность земли неровная, а дерево гнилое и охотники знают вперед, что при падении оно разломится на два-три куска, то, как только оно рухнет, они бросаются к верхнему обломку и затыкают чем-нибудь его отверстие.

Если дерево упало все целиком и соболь бегает по дуплу взад и вперед, ища выхода, то охотники, чтобы загнать его в вершину, поступают следующим образом. В некотором расстоянии от комля они прорубают небольшое отверстие, сквозь которое палкой принуждают соболя перейти в верхнюю часть дерева. Ниже этого отверстия дерево перерубается, и дупло затыкается сеткой. Потом опять делается в дереве маленькое отверстие, соболь палкой вновь перегоняется к вершине, опять дерево перерубается, и дупло затыкается. Таким образом соболь загоняется в самый верхний обрубок. Опытные охотники ухитряются обрубок этот сделать не более двух футов. Снаружи они прорубают два-три маленьких отверстия для воздуха и света, сквозь которые

виден пойманный зверек. В этом обрубке, как в клетке, живой соболь приносится домой.

Так как в поимке живого соболя у туземцев нужды не было, то вышеописанный способ, как требующий слишком много времени, применялся весьма редко, разве только по специальному заказу или по требованию шамана, когда, по его соображениям, нужно камланить[1] над живым соболем, дабы дать хорошую охоту своим сородичам.

Случается, что при падении дерево раскалывается вдоль. Тогда соболь убегает, и охотнику надо выслеживать его снова.

Если соболь скрылся в каменистых россыпях, туземцы считают охоту потерянной. Россыпи обыкновенно занимают большое пространство, и в камнях есть много ходов и выходов.

В таком случае охотники бросают охоту и ищут другой след или же остаются ждать, пока соболь сам не выйдет наружу.

Другой туземный способ охоты на соболя—это лучковый.

Заметив, что соболь прошел несколько раз по одному и тому же месту, они настораживают на тропе его самострел (лучок). Удэхейский лучок состоит из четырех частей: 1) стойки, к которой прикреплен лучок в вертикальном положении, 2) лука с тетивой, длиною в один метр и десять сантиметров, 3) стрелы с острым железным наконечником и 4) тонкой бечевы. Бечева эта оканчивается с одной стороны петлей, а с другой волосками, расположенными треугольником, вершина которого находится у нижнего конце бечевы, а третий волосок протянут горизонтально, но на таком расстоянии от земли, чтобы соболь никак не мог пройти, не задев его спиною или головою.

Волосков на фоне снега не видно—они белого цвета. Если соболь и заметит поперечный волосок и пожелает перепрыгнуть через него, он непременно заденет за боковые волоски, малейшее движение которых заставляет петлю соскочить с курка, тетива освобождается, и стрела с силою бьет в то место, где находится животное.

[1] Камланить от слова «кам» (шаман)—совершать моление.

Неудобство этого способа охоты заключается в том, что стрела портит шкурку соболя. Поэтому орочи Советской гавани иногда ставят на следу особые **ловушки с петлями.**

Эти ловушки устроены так: в землю или на колоднике вбиваются два небольших колышка, на которые кладется поперечина. В середину этой поперечины вставлена палочка, имеющая на нижнем конце небольшую зарубинку. Эта последняя служит для удержания крученой волосяной петли в вертикальном положении. Если ее сдвинуть хоть немного, она тотчас же падает. Соболь, желая проскочить между колышками, задевает петлю, увлекает ее за собой и тем приводит в действие весь механизм ловушки: конец петли прикреплен к согнутому дереву; как только соболь потянет ее за собой, дерево быстро выпрямляется, и пойманное животное повисает в воздухе.

Неудобство этого рода ловушек заключается в том, что если они долго стоят в бездействии, то согнутое дерево теряет свою упругость. Затем, если соболь попал в петлю не головой, а лапкой, то он хотя и повисает на веревке, но иногда может дотянуться до волосяной петли и перегрызает ее зубами. Кроме того мертвый соболь является приманкой для ворон и других хищников.

Орочи Советской гавани ловят соболей тремя способами: 1) способом, только что описанным,—при помощи петли, привязанной к согнутому дереву, играющему роль пружины; 2) при помощи лучка, настораживаемого на соболином следу и 3) выслеживанием и ловлей сеткой из-под пня или из дупла дерева.

Китайцы ловят соболей ловушками, которые называются **дуй.** Отсюда и название зверовой китайской фанзы—дуй-фанза. Русские называют эти ловушки плашками и кулемками.

Китайская ловушка **дуй** устроена следующим образом. На валежнике в два ряда вбиваются колышки от пятнадцати до двадцати пяти сантиметров вышиною, которые образуют нечто вроде коридора, суженного книзу и расширенного вверху, длиною в девяносто шесть сантиметров. Над «лежнем» (так будем называть валежину, на которой устроена ловушка) в висячем положении находится другое бревно, меньшее по размерам.

длиною в два метра. Одним концом оно упирается в кол, вбитый в лежень, а другой конец его приподнят и находится на весу на высоте трех-четырех футов. Между рядами колышков положены две тонкие дранки, которые внешними концами приходятся на лежне, а внутренними (в середине коридора)—на двух коротеньких прутиках, заложенных под небольшие вырезки двух ближайших приколышей. Отсюда идет веревочная «снасть» к верхнему бревну, которое удерживается на весу особым рычагом в виде неравномерного коромысла. Рядом с лежнем стоит ствол молодого деревца, вбитого в землю верхней частью (комлем кверху). Все корни его обрублены, кроме одного. На этом-то корне и находится точка опоры рычага. К одному концу его привязана снасть, а другой подходит под крюк, вбитый в верхнее бревно.

Когда соболь бежит по валежнику, он волей-неволей должен итти по дранкам между колышками. Своей тяжестью он сдвигает прутики у приколышей, веревочная снасть освобождает коромысло, верхнее бревно падает и давит соболя.

Неудобство этих ловушек заключается в их сложности, а также в том, что они давят не только соболей, но и белок, бурундуков, орехотворок, соек, рябчиков и других мелких животных и птиц. Случается, что по ловушке, которая только что задавила бурундука, следом проходит соболь. Кроме того убитый соболь находится на виду, и его часто расклевывают птицы, поедают хорьки или мыши.

Ставить такую ловушку (д у й) надо умеючи. Если ее поставить слабо, то она будет давить всех бурундуков, мышей и разных мелких птиц. Если же ее поставить туго, то она не будет действовать даже в том случае, если через нее пробежал соболь. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что, проходя по дранкам, соболь, чувствуя зыбкую почву под ногами, идет осторожно, с опаской и не делает прыжков.

Осенью, как только поля убраны и наступают холода, китайцы уходят в тайгу на соболевание. В фанзах остаются только глубокие старики и калеки, неспособные работать. Здесь, в глухой тайге, в маленьких фанзочках

охотники живут в одиночку, иногда по два и по три человека вместе.

Ловушки их расположены по круговой тропинке, обыкновенно их от трехсот до двух тысяч штук. Работа китайца-соболевщика очень тяжелая. Чуть свет он уже на ногах и, несмотря ни на какую погоду, должен ежедневно делать обход своих ловушек. С маленькой котомкой за плечами он бежит по тропе и подходит только к упавшим ловушкам. Быстро, без проволочек, он собирает добычу, налаживает ловушку снова и снова бежит дальше. Уже совсем к сумеркам китаец успевает пройти только половину дороги. Тут у него построен маленький балаганчик из древесного корья. Переночевав здесь у костра, на другой день с рассветом он проходит другую половину дороги, вновь на бегу собирает добычу и только к концу дня добирается до своей фанзы. А назавтра он опять уже на работе и опять осматривает ловушку—и так изо дня в день подряд в течение нескольких месяцев.

Сезон соболевания продолжается до тех пор, пока глубокие снега не завалят ловушки. Тогда звероловы оставляют тайгу и возвращаются к своим обычным занятиям. Раньше уходят те, у кого мало съестных припасов.

За последние пять лет китайцы научились от туземцев ходить на лыжах и выслеживать соболей по снегу. Поэтому многие из них остаются теперь в звеӏровых фанзах на всю зиму до весны, и если возвращаются в селения, то лишь для того, чтобы пополнить запасы продовольствия.

Корейский способ ловли соболей иной. Корейцы производят ловлю «мостами», устраиваемыми в таких местах, где поваленные через речку деревья могли бы достать до другого берега. Дерево не должно быть особенно большим: пятьдесят-семьдесят сантиметров в окружности и метров десять длиною. Отсюда ясно, что корейцы соболюют по верховьям рек, где ширина их не превышает этого размера и где, следовательно, глубина не более одного метра, т. е. как раз в самых излюбленных соболями местах.

По середине моста (дерево, переброшенное через реку) вбиваются колышки, преграждающие путь соболю.

Чтобы замаскировать ловушку, корейцы делают колышки разной длины, не снимают с них коры и переплетают одной-двумя тонкими еловыми веточками. В одном месте оставляется узкий проход, в котором в вертикальном положении ставится плетеная волосяная петля, а для того чтобы соболь не мог обойти изгородь стороной, дерево на этом месте гладко отесывается с обоих боков на четверть его толщины.

Волосяная петля свободным концом привязывается к небольшой палочке, имеющей маленький выступ, которым она и держится на особом колышке, вбитом сбоку в бревно. К другому концу этой палочки привязан камень от одного и трех десятых до двух килограммов весом.

Такие мосты устраиваются в расстоянии, примерно, двухсот метров друг от друга, для чего пользуются буреломным лесом по берегам рек. В местах, где бурелом сносится водою, корейцы ежегодно валят новые деревья для устройства соболиных мостов. Обочины речек бывают так оголены корейцами, что для устройства переправ невозможно найти ни одного дерева, которое, будучи повалено, достигло бы противоположного берега.

Хоть соболь и хорошо плавает, но в воду идет неохотно и всегда ищет переправы. Перебегая по мосту, он натыкается на изгородь, пробует обойти ее стороной, но гладко отесанные бока дерева принуждают его направиться к отверстию с петлей. Когда зверек заденет петлю (она нарочно делается малого размера) и потянет ее за собою, он непременно сдвинет палочку с упорца,—камень срывается и увлекает соболя в воду.

Корейцы говорят, что их способ поимки соболей лучше китайского и что их ловушки действуют наверняка. Нельзя с этим не согласиться. У китайцев случается иногда, что плохо придавленный соболь уходит из ловушки, перегрызая колышки по сторонам. В корейской ловушке ему нет спасенья: камень всегда его утопит. На дне речки он лежит сохранным, и кореец не боится, что шкурку соболя попортят вороны.

Неудобство корейского способа заключается в том, что ловить соболей этим способом можно только в начале зимы, пока реки не замерзнут. В Южно-Уссурийском

крае это возможно до первого декабря, но по мере движения к северу время соболевания корейским способом сокращается; в районе Советской гавани оно длится не более месяца.

В Приамурьи способ охоты на соболя с собакой почему-то не применяется. Несколько раз сюда приезжали охотники из Сибири, но все старания их, несмотря на обилие соболей, не увенчались успехом, и разочарованные соболевщики возвращались обратно на родину. Причины этого, вероятно, надо искать в чрезвычайно пересеченной местности (вследствие чего за горами часто не слышно бывает лая собаки), в густоте подлесья, среди которого много колючих растений, и в заваленности тайги буреломом, затрудняющим движения собаки и охотника, а также и в многочисленных каменистых россыпях по склонам гор.

В Уссурийском крае из русских переселенцев ловлей соболей занимались только старообрядцы, живущие по рр. Даубихэ, Улахэ и на берегу моря, около мысов Белкина, Арка и Олимпиады. Они убедились, что на одном земледелии далеко не уедешь. Они видели, как на их глазах обогащались китайцы и что главным источником обогащения их было соболевание. Староверы не ограничивались одним каким-либо способом, а использовали все приемы, какие только им были известны.

Так, осенью, пока не замерзли речки, они ловят соболей корейским способом; позже, когда в речках появляются забереги, позволяющие соболю перепрыгивать с одного края льда на другой, они пользуются китайскими плашками, и наконец во вторую половину зимы, когда выпадает глубокий снег, они начинают выслеживать соболя так, как это делают туземцы. В последнем случае в дело пускаются соболиная сетка, о которой говорилось выше, и о б м е т.

Обметом называется тоже сетка длиною в двадцать метров, шириною в один метр, с очком в два сантиметра. Этой большой сеткой окружается то место (небольшая каменистая россыпь, пень, нора бурундука и т. д.), где скрылся соболь. Обмет ставится таким образом, что верхние края его загибаются внутрь (обтягиваются шнурками), что препятствует соболю уйти, если бы он

вздумал взбираться по сетке кверху. Охотник садится в стороне и ожидает, когда соболь выйдет из своего убежища. Если сеть оставлена на ночь, то к верхнему краю ее привязываются два-три бубенчика, колокольчики или какие-нибудь побрякушки. Звон их дает знать охотнику, что соболь вышел и старается выбраться из омета. Тогда он дергает за шнурок, сетка падает внутрь и прикрывает собою зверька. Испуганный соболь начинает метаться и окончательно запутывается в сети.

ОПАСНОСТЬ СОБОЛЕВАНИЯ

Охота на соболя сопряжена с риском для жизни. Опасность является совершенно неожиданно и притом с той стороны, откуда ее, казалось бы, и ожидать нельзя.

Так, в 1904 году китаец Лю Сун-тян, с р. Санхобе, отправился на соболевание в верховья р. Кулумбе, берущей начало с западных склонов Сихотэ-Алиня.

Лю Сун-тян был добычливый охотник. Как старожил, он хорошо знал, что в Уссурийском крае первая половина зимы бедна атмосферными осадками и снега обычно выпадают лишь в феврале или в марте месяце. Рассчитывая возвратиться заблаговременно, он взял с собою столько продовольствия, сколько мог унести на себе в котомке.

Лю Сун-тяну вначале повезло. Ловушки свои он осматривал через день, и не было случая, чтобы он возвращался с пустыми руками. Через месяц он уже имел девятнадцать отборных соболей, один другого лучше.

Но вот в начале декабря ночью совершенно неожиданно разразилась жестокая пурга и выпал глубокий снег, заваливший все его ловушки. Для очистки совести Лю

Сун-тян хотел было все же обойти их, но с первых же шагов убедился, что это невозможно. Снег был глубиной по пояс. Тогда он решил прекратить соболевание и возвратиться в селение. Целый день он прокладывал себе дорогу по глубокому снегу и за весь день прошел не более полукилометра. Погода хмурилась, можно было ожидать новой пурги. и это принудило его вернуться обратно в зверовую фанзу. Между тем продовольствие быстро приходило к концу. Раньше, до снега, соболиные ловушки ежедневно давали ему рябчиков и белок, а теперь он питался тем, что захватил с собою из дому. Лю Сун-тян стал сокращать порцию, с целью растянуть продовольствие на возможно большее число дней, и от этого еще более обессилел.

Он слышал, что северные туземцы в таких случаях пользуются лыжами, но он не знал, как они делаются. Никакого другого инструмента, кроме топора, у него не было. Он вытесал две длинные доски, но сломал их с первых же шагов. Наконец настал момент, когда он израсходовал последние крошки продовольствия. Следующие дни он питался отбросами, которые выискивал в снегу около фанзы, а когда иссяк и этот источник пропитания, он принялся есть ремни от обуви. В конце концов очередь дошла и до соболей. Он опаливал их, мелко крошил, варил в котелке и эту своеобразную лапшу глотал с большой жадностью.

Время шло. Солнце поднималось все выше и выше. Пришел февраль. Снег, пригретый солнечными лучами, занастился[1]: потом опять ударил мороз с ветром. Когда Лю Сун-тян изрезал последнюю шкурку, он на глиняной стене фанзы сделал надпись углем, указал число съеденных им соболей, оделся и вышел. Недели через две его нашли другие соболевщики километрах в пяти от зверовой фанзы. Он стоял замерзшим в глубоком снегу, прислонившись к дереву. Одежда его была изодрана в клочки, а вся кожа на ногах, от ступни до колена, была ободрана острыми, режущими краями наста.

Другой трагический случай произошел в 1908 году на р. Тудагоу, притоке р. Даубихэ.

---

[1] Покрылся настом—тонкой коркой.

Кореец Чом Ба-ги отправился в тайгу устраивать соболиные ловушки.

Место для охоты он выбрал весьма удачно. Обильный водою горный ручей и густой хвойно-смешанный лес, где было много рябчиков, бурундуков и белок, обещали ему богатую добычу.

К концу недели Чом Ба-ги устроил шестьдесят девять мостов. Он решил поставить еще один последний мост и вернуться назад в селение, а с наступлением заморозков притти сюда снова и приступить к соболеванию.

Как раз в том месте, где надо было устроить последний мост, поперек ручья лежала большая старая ель, хвоя с которой уже осыпалась и все ветви были обломаны. Только один сук, как раз на том месте, где нужно было ставить петлю, торчал кверху.

Кореец острым топором отсек его, но не у самого основания, а выше. Удар пришелся наискось, вследствие чего обрубленная ветка свалилась в воду, а на стволе осталась заостренная часть ее сантиметров в сорок длиною.

Чом Ба-ги перешагнул через нее, прошел по всему бревну до комля и затем повернулся назад. В это время подгнившая кора ели не выдержала давления ноги и сорвалась с заболони[1], вследствие чего кореец, потеряв равновесие, упал.

Заостренный сук пронзил его насквозь.

Прошел месяц, другой. О Чом Ба-ги ни слуху, ни духу. Тогда сородичи пошли его искать и нашли несчастного зверолова мертвым. Он лежал поперек ели, ноги были свешены на одну сторону, конец заостренного сука торчал из спины, а по телу его, запорошенному снегом, соболь проложил себе дорогу.

Таких примеров можно было бы привести много. Я ограничусь только тремя, из которых последний ярко иллюстрирует, в какое тяжелое положение попадают иногда охотники в глухой тайге, находясь в полной зависимости от окружающего их животного мира.

Старый удэхеец Люрл, с р. Кусуна, в 1907 году рассказал мне следующий случай, который произошел с ним на р. Тахобе, когда волосы его не были так белы и глаза так плохи, как теперь.

---

[1] Заболонь—древесина ствола.

Соболевал он на р. Цзава, где у него была небольшая зверовая фанзочка, сложенная из накатника и обмазанная глиной. Она имела одно только окно, в которое были вставлены два куска стекла, склеенные узкой полоской бумаги. Окно это находилось почти на уровне земли, так как этой стороной фанза была несколько вкопана в землю. Вход прикрывался узкой дощатой дверью с ременными петлицами, надетыми на деревянные колышки. Никакого другого запора не было.

Как-то раз Люрл не пошел осматривать соболиные ловушки. С утра погода хмурилась, дул сильный ветер,—начиналась пурга. Удэхеец весь день прозел за домашними работами, но незадолго до сумерек в фанзе вдруг сразу сделалось темно. Он взглянул на окно и увидел, что кто-то заслонил его. Тогда Люрл зажег огонь и поднес его к стеклу. То, что он увидел, заставило его задрожать от страха, быстро погасить огонь, затем тихонько подойти к двери и при помощи веревок начать изнутри запирать ее как можно крепче. В окне он увидел полосатый бок тигра. Страшный зверь, видимо, искал защиты от ветра и привалился к стене фанзы, как раз к тому месту, где было окошко.

Через щели в дверях Люрл видел, как померк солнечный свет и наступила ночь. Он сидел ни жив, ни мертв и боялся пошевелиться. Как на грех, он испортил замок своего ружья и потому оставил его в селении. Первый раз в жизни он отправился в тайгу безоружным.

Когда стало светать, тигр встал, встряхнулся и отошел от окна. Люрл обрадовался, думая, что он ушел совсем. Прождав с четверть часа, таза подошел к дверям с целью снять запоры и вдруг увидел пестрое чудовище как раз против себя.

Тигр лежал на брюхе, вытянув передние лапы, и внимательно смотрел на дверь.

Безумный страх овладел звероловом. Он понял, что тигр охотится за ним. К вечеру пурга окончилась, кругом воцарилась тишина, и тогда Люрл ясно слышал, как полосатый хищник ходил вокруг фанзы, и видел лапы его в окне. Один раз тигр даже взобрался на крышу, словно желая проверить, нельзя ли как-нибудь сверху проникнуть внутрь жилища.

Еще одну ночь таза провел без сна, вздрагивая от каждого шороха и испуганно поглядывая на дверь и окно. На третьи сутки тигра совсем не было видно. Люрл хотел было открыть дверь и убежать, но когда он стал возиться около двери, страшный зверь одним прыжком опять очутился перед фанзой.

Люрл совсем потерял голову. Он голодал, потому что все продовольствие хранилось снаружи, в особом амбарчике на сваях.

К счастью, в это время послышались голоса. То были охотники из соседней зверовой фанзы.

Тигр тотчас скрылся в зарослях. Люрл вышел из своей темницы и увидел трех вооруженных удэхейцев с собаками. Они разложили три костра вокруг фанзы и сделали несколько выстрелов в воздух. Однако тигр оказался не из трусливых и ночью, перед рассветом, задавил всех собак.

На другой день удэхейцы, обсудив положение, решили возвратиться обратно.

Прошло два месяца. Когда стали таять снега, старик Люрл с одним из своих сородичей отправился осматривать ловушки. Немногие из них пустовали, большая же часть была с добычей, преимущественно с белками, колонками [1], рябчиками и сизоворонками; но шесть ловушек поймали соболей.

Долго ждали пойманные соболи своего хозяина, пока сойки и вороны не растащили их по частям. В ловушках остались кости да клочки шерсти.

По следам на стаявшем снегу видно было, что тигр продолжал посещать фанзу, часто ложился перед дверью и взбирался на крышу.

Такая настойчивость зверя напугала старика Люрла. Он бросил это место совсем и перекочевал на р. Чебязани.

I

Прежде чем попасть в какой-либо меховой магазин, шкурка соболя претерпевает много мытарств, о которых часто не знают не только покупатели, но и сами продавцы пушнины.

---

[1] Колонок—животное из семейства куниц; водится в лесах Сибири и Дальнего Востока.

С соболя шкурка снимается тотчас, как только животное убито и не успело еще окоченеть. Для этого от заднего прохода вправо и влево делается два небольших разреза по два и пять десятых сантиметра длиною каждый, и затем, осторожно действуя ножом, стараются, сколько возможно, отделить шкурку около разрезов, в особенности около корня хвоста. Потом принимаются и за самый хвост. Это процедура довольно трудная: стержень хвоста сидит очень прочно, а плотная кожа его, покрытая длинными волосами, будучи сложена вдвое, с трудом выворачивается. Чтобы совсем не оторвать хвост, действуют так: захватив одним или двумя пальцами левой руки за основание стержень хвоста, правой равномерно тянут за шкурку, пока она не сойдет. Затем берут струганую палочку такой же толщины, как стержень, и при помощи ее вновь выворачивают хвост шерстью наружу. Палочка остается в шкурке хвоста до тех пор, пока он не высохнет.

Затем тушку соболя привязывают веревкой за стержень хвоста, вешают на гвоздь (приколыш), вбитый в стену, или на ветку дерева головой книзу и снимают шкурку «чулком», препарируя[1] лапки и уши.

Орочи нос соболя оставляют на тушке. Обычай этот основан на поверьи, что соболь узнает (учует), кто именно поймал его.

Человек, позволивший себе снять нос вместе со шкуркой, навсегда лишается удачи в охоте.

Китайцы едят соболя только в том случае, если нет другого мяса, а растительная пища надоела. Обыкновенно же они бросают его около фанзы, предоставляя дальнейшую заботу о нем сойкам и воронам.

Орочи и удэхейцы, опять-таки из тех же соображений, чтобы соболь не узнал, где живет виновник его гибели, относят тушки подальше от жилища, а некоторые, наиболее суеверные, даже не приносят ее домой и бросают на месте охоты. Впрочем, в китайских зверовых фанзах приходилось иногда видеть засохшие тушки соболей, повешенные в амбарах, а также хорошо отпрепарированные собольи черепа. Покидая фанзы, ки-

[1] Препарировать—обрабатывать так, чтобы сохранился внешний вид.

тайцы не уносят их с собой, но любят собирать и нанизывать на веревочку как украшения.

Как только шкурка с соболя снята, ее тотчас же, пока она еще сырая, надевают на пялку шерстью внутрь, а кожей наружу, за исключением хвоста, который уже более не вывертывают.

Китайская и корейская пялки делаются из дерева и имеют вид меча с тупыми краями, а орочская и тунгусская—состоят из двух или трех соединенных у основания прутиков, свободные концы которых связаны ремешком. Они часто бывают украшены резьбой, причем основание обделывается в виде головы медведя, соболя, лисицы и т. д.

Русская пялка по внешнему виду такая же, как и китайская, но состоит из трех частей: двух боковых пластин, вставляемых внутрь сырой шкурки соболя, и среднего клина, который вдвигается до тех пор, пока она не растянется на желаемую ширину. Очень часто шкурку не только не растягивают, а, наоборот, «ссаживают». Тогда ее редкая темная ость сближается, отчего она кажется лучше, чем есть на самом деле.

Когда шкурка просохнет как следует и нет опасений, что мех станет подопревать, ее снимают с пялок и мнут руками до тех пор, пока она не сделается мягкой. В таком виде её и хранят в сухом месте и только для осмотра покупателем выворачивают мехом наружу; при этом ее раза два сильно встряхивают, чтобы помятая ость легла ровнее.

Собольи шкурки по качеству меха делятся на четыре сорта:

1. Головка—одиночные экземпляры высшего качества.

2. Первый сорт—имеет густую шерсть однотонного темнобурого цвета, с густым подшерстком с серым, слегка синеватым отливом; не более четырех-пяти процентов общего количества соболей в партии.

3. Второй сорт—при такой же шерсти имеет более или менее часто разбросанные по всему телу белесоватые остинки (искру)—двадцать пять—тридцать процентов всей партии.

4. Третий сорт—отличается шерстью среднего размера, темнобурого цвета на спине (как бы в виде широкого

продольного ремня) и светлобурого по бокам и на брюхе. Подшерсток довольно густой, серого цвета—сорокпятьдесят процентов всей партии.

5. Четвертый сорт—имеет светлобурый цвет, переходящий в грязножелтый, с редкой черной остинкой или без нее. Подшерсток серого цвета—пятнадцать-двадцать процентов всей партии.

6. Хвост—одиночные экземпляры худшего качества,

Скупщики пушнины соболей третьего сорта делят ее еще на две-три группы и расценивают их сообразно с качеством ости и подшерстка.

Смешанных мехов никто не продает и никто не покупает. И в самом деле, соболь с искрой, затесавшийся среди однотонно-темных, мешает, режет глаз и даже некоторым образом обесценивает последних.

То же самое можно сказать и про плохих соболей. Как бы малоценны они ни были, но в хорошо подобранной партии всегда пойдут дороже, чем в одиночку или будучи смешаны с другими.

Дешевые сорта соболей китайцы подвешивают над очагом для подкапчивания, отчего действительно их мех становится немного темнее; но зато шкурка на долгое время приобретает запах дыма, и красивое розсвато-оранжевое пятно на нижней части шеи животного блекнет, принимая грязноватый оттенок. С течением времени копоть стирается с ости, и тогда шкурка, вшитая среди настоящих темных соболей, начинает выделяться своим непривлекательным видом.

II

Раньше, до знакомства с русскими и китайцами, туземцы вовсе не занимались соболеванием; мех случайно убитого соболя шел на рукавицы, головные уборы или для наушников. Тогда туземцы больше ценили мех росомахи. Но вот прибывают маньчжуры и жадно набрасываются на соболей. Спрос на мех дорогого хищника создал промысел.

Раньше всех с маньчжурскими купцами познакомились амурские гольды и значительно позже туземцы, обитающие в Зауссурийском крае к востоку от Сихотэ-Алиня.

Обычно меха у туземцев выменивались. 1) на товары и предметы первой необходимости, как-то: железные котлы, копья, ножи, топоры, фитильные ружья, порох, свинец; 2) на наркотические вещества—спирт, табак; 3) на предметы роскоши—шелковые ткани, фарфоровую посуду, серьги, браслеты, медные украшения, нашиваемые на одежду, и 4) на продовольствие—муку, рис, чумизу, бобовое масло и пр.

Особенно высоко ценились котлы и копья. Эти вещи имели громадное значение в жизни туземцев. Они играли большую роль при рождении ребенка, при внесении калыма (т о р и) во время заключения брака, при наложении штрафов (б а й т а), а также и при снаряжении покойника в загробный мир. Они добывались с большим трудом, через третьи руки—от маньчжурских купцов или от японцев через посредничество сахалинских айнов. Любопытно, что этот меновой способ торговли держался чуть ли не до последних лет. В 1910 году туземцы кое-где начинают впервые продавать соболей на наличные деньги, но затем, во время революции, когда началось катастрофическое падение денежных знаков, снова обращаются к первобытному способу торговли.

По подсчету ороча, ему на свою семью, состоящую из него самого, его жены, старухи-матери и двух его детей (пять человек), для круглого обихода на весь год, кроме юколы и мяса, необходимо: около 165 килограммов муки, 82 килограмма рису, 16 килограммов соли и 4 кирпича чая. Кроме того он должен купить патроны, порох, спички, одежду, топор, нитки, иголки. На все это ему нужно в год около 250 рублей золотом. Эти 250 рублей он и должен добыть охотой и главным образом соболеванием. Торговля соболями в Уссурийском крае имеет, по крайней мере, столетнюю давность.

Первые свои шаги скупщики соболей начали с обманов.

Маньчжурские купцы не замедлили воспользоваться неведением туземцев. Заметив, какую ценность для них представляют котлы, они стали требовать за каждый котел столько собольих шкурок, сколько он мог вместить их до краев, уминая рукою.

Старообрядцы, поселившиеся в Зауссурийском крае, рассказывали, что, когда они впервые прибыли на

р. Амту, то соседи их, удэхейцы, не знали цены на соболий мех и охотно выменивали его на обыкновенные жестяные чашки, стоимостью в двадцать копеек, принимая их за серебряные.

Низкая цена на соболий мех и большой спрос на него заставили туземцев энергично взяться за охоту. Расхищая свои природные богатства, туземцы вели соболиный промысел без должной осмотрительности и, сдавая меха за бесценок купцам, сами от этого не делались состоятельными.

Площадь обитания соболя стала быстро сокращаться, и в конце концов дело дошло до того, что был поднят вопрос об ограждении дорогого хищника от полного его истребления.

В 1912 году был издан закон, воспрещающий охоту на соболей в течение трех лет. Закон этот имел целью дать зверьку отдых от постоянного преследования и дать возможность вновь наплодиться.

Лица, которые ко дню опубликования закона имели на руках собольи шкурки от охоты предыдущих лет, должны были явиться в канцелярию ближайшей лесной администрации для наложения на них печатей.

Составитель закона имел хорошую цель, но результат получился совершенно обратный. Дело в том, что для туземцев звероловство является столь же необходимым средством к жизни, как и рыболовство. Без соболевания они будут терпеть такую же нужду, как и земледельцы, которым запретили бы обрабатывать землю, а потому одним запретом невозможно было остановить туземцев от соболиного промысла. К тому же скупщики пушнины стали уговаривать их не обращать внимания на запрет и продолжать работу.

Китайцы прекрасно учли беспомощное положение туземцев. Они знали, что туземцы продать русским мехов не могут, держать их у себя долго не станут, и потому предлагали цены значительно меньше, чем в прежние годы, мотивируя риском потерять незаконно добытую пушнину во время перехода через русские селения, где возможны обыски и задержания лесной стражей.

Таким образом запрет охоты на соболя без субсидирования туземного населения продовольствием привел к тому, что туземцы, чтобы заработать ту сумму, кото-

рую получали ранее от охоты, должны были удвоить энергию и в действительности стали ловить соболей больше, чем прежде.

Китайцы, скупив собольи шкурки почти за бесценок, не везли их по дорогам, а пробирались в Маньчжурию тайком, минуя таможенные посты и обходя деревни. Таким образом все соболя, пойманные во время запрета, ушли в Китай, и только ничтожный процент их остался в крае.

III

Теперь посмотрим, как производилась скупка пушнины в таежных районах.

Ею занимались русские, якуты и китайцы, а позже—корейцы и японцы. Мелкие скупщики пушнины скупали пушнину на свой счет, за свой страх и риск, а потом уже перепродавали ее крупным торговым фирмам.

Русские сами соболей не ловили (за исключением старообрядцев), но охотно скупали их у туземцев, редко у корейцев и еще реже у китайцев.

Русские скупщики мехов просто отправлялись в тайгу и покупали меха за наличные деньги, при этом старались убедить туземцев, что во Владивостоке и Хабаровске цена на соболей упала и потому дорожиться не следует. Они придумывали и причины падения цен, иногда настолько наивные, что в них могли поверить разве только простодушные люди, живущие вдали от населенных пунктов.

Достойны удивления и те способы, к которым прибегали скупщики пушнины, чтобы сбить с толку туземцев. Иногда они объявляли, что новая мода требует соболей светлых, и потому темные не в цене, при этом нарочно за плохого соболя давали большие деньги. Весть о новой расценке быстро распространялась в тайге. Этого только и надо было скупщику пушнины. Потеряв в одном месте несколько десятков рублей, он в других стойбищах наверстывал потерянное сторицей.

Русские скупщики пушнины стремились использовать свое знакомство с туземцами следующим образом: они брали у них соболей без денег, не условливаясь о цене (кредит в тайге—вещь самая обыкновенная). Продав соболей в городе, скупщики объявляли туземцам

цену, какую находили для себя выгодной, и по этой цене производили расчет.

Так, в 1906 году старообрядец Леонтий Бортников, с р. Амгу, собрал у местных туземцев соболей на четыре тысячи рублей, а продал их в городе за семь тысяч рублей, заработав таким образом сразу около трех тысяч рублей золотом.

В том случае, если по настоянию охотника скупщик должен заранее договориться с ним о цене, он все-таки брал соболей, и, если ему в городе не удавалось продать их с выгодой для себя, он просто возвращал их хозяину, и сделка считалась несостоявшейся.

Особенно большие проценты имели скупщики пушнины в период с 1913 по 1920 год, когда в обращении у населения имелись «сибирские» денежные знаки, ценность которых падала не по дням, а по часам.

Скупая пушнину у туземцев, скупщики иногда убеждали их, что курс сибирских денег начал повышаться и что в свое время они достигнут своей настоящей цены на золото. Приобретенная таким образом, буквально за гроши, пушнина в городе продавалась на валюту, и притом по небывало высокой расценке.

Другие (как, например, Берсенев на Амуре и Степанов в Зауссурийском крае) снабжали туземцев оружием, огнестрельными припасами, продовольствием и предметами первой необходимости в кредит в течение целого года и только один раз, в конце зимы или ранней весной, отправлялись к своим должникам для сбора пушнины. Туземцы могли уплачивать долги и деньгами, продавая соболей на сторону, но на практике мало кто пользовался этим правом. Туземцы боялись продавать меха случайно заехавшему к ним скупщику из опасения продешевить соболей и потерять доверие своего кредитора.

Русские торговцы, собрав соболей у туземного населения Уссурийского края, отправлялись во Владивосток или Хабаровск, где у них в свою очередь приобретали собольи шкурки более крупные скупщики. Бывало и так, что эти последние иногда сами ехали к мелким скупщикам в целях предупредить конкуренцию и получить товар из первых рук.

Интересно со стороны наблюдать, как два скупщика

продавали друг другу шкурки. Мелкий скупщик, спрятав с десяток лучших соболей, показывал городскому скупщику все остальные шкурки. Та и другая сторона горячо спорила. Наконец сделка заключена, соболя приобретены, и деньги приняты. Тогда мелкий скупщик вынимал спрятанных соболей, вследствие чего покупщик оказывался поставленным в такое положение, что должен был приобрести и эту вторую партию, ибо без нее первая являлась обесцененной. Чтобы лучшие соболя не попали в руки конкурентов, он должен их иметь, хотя бы и по дорогой цене. Само собой разумеется, что мелкий скупщик пользовался безвыходным положением горожанина и запрашивал втридорога. При такой системе он иногда выигрывал на пятьдесят процентов более того, что мог бы получить, если бы предъявил к торгам всю партию сразу.

IV

Китайское соболевание в Уссурийском крае и скупка пушнины китайцами у туземцев имеют свою историю. Звероловы-китайцы прекращали свою работу, как только выпадали глубокие снега, что обыкновенно происходило для бассейна Уссури и ее притоков в январе, а для Зауссурийского края—в декабре месяце. Возвращение соболевщика в деревню становилось известным в тот же день. Тогда все другие охотники устремлялись к нему, и начинались расспросы. Пришедший не скрывал, сколько он поймал соболей, и охотно показывал свою добычу. Шкурки переходили из рук в руки, их осматривали и оценивали. Когда приходил последний звероловщик, то все уже знали, кто в текущем году имел успех и кого постигла неудача.

Лет двадцать назад китайские звероловы оставляли собольи меха в фанзах открыто. Они знали, что никто их не тронет, а если бы кто и решился позариться на чужую собственность, то его ждало страшное наказание—закапывание живым в землю. Не крали и первые русские пересленцы, попавшие в Уссурийский край в 1859 году. Но затем, после 1906 года, когда число переселенцев возросло, пропажа мехов сделалась обычным явлением. Китайцы стали укупоривать их в жестяные

банки и закапывать под земляной пол в фанзах. Скоро однако грабителям этот секрет стал известен. Тогда китайцы придумали другой способ хранения пушнины. Они стали складывать собольи шкурки в мешки и прятать их в дуплах деревьев, в стороне от жилища, а для того чтобы не протаптывать к ним тропы, подходили к дуплу каждый раз новой дорогой, иногда делая значительные обходы.

Во всякую вновь приобретенную страну всегда идет сперва элемент, который не мог ужиться у себя на родине. Людьми этими главным образом руководит алчная нажива. Великие бедствия терпит туземное население от таких завоевателей. Уссурийский край в этом случае не представлял исключения.

Как только приморская окраина стала заселяться, колонисты начали «прижимать» китайцев и под разными предлогами отбирать у них пушнину. Скоро дело перешло к открытым насилиям.

Китаец выслеживал соболя, а русский «промышленник» выслеживал китайца. Началась настоящая охота за людьми—стрельба по «лебедям», так называли одетых во все белое корейцев, и по «фазанам», т. е. по китайцы, одетым в темные цвета. И те и другие были заманчивыми «объектами» для охоты. У них всегда можно было найти жень-шень, собольи меха, кабарожью струю и панты.

Грабители стали караулить соболевщиков в то время, когда те выходили из тайги. Тогда китайцы стали делать ночные переходы горными тропами, целиною, без дорог; ночью они шли, а днем отдыхали.

В ясные светлые дни грабители взбирались на высокие горы и оттуда смотрели в долины,—не видно ли где дымка, который указал бы место привала соболевщиков.

При столкновениях дело доходило до перестрелки, в результате которой всегда были жертвы с той и с другой стороны. Грабители, расширяя свой район действий, начали делать нападения и на туземцев. Эти последние старались сперва откочевывать подальше в горы, но смерть следовала за ними по пятам. Многие из них тогда побросали веками насиженные места и ушли в Маньчжурию.

В Уссурийском крае тайга оживает зимою. Тогда китайцы, корейцы и туземцы устремляются в горы. Ради маленькой собольей шкурки они забираются в самые глухие дебри и здесь, перенося голод, холод, проводят долгую зиму, иногда в совершенном одиночестве.

Но вот возвращались китайцы, приходили с охоты и туземцы. Лихорадочная деятельность охватывала все население. Это время скупки пушнины, время расчетов расплаты с должниками. Изголодавшийся удэхеец озабочен не тем, как бы повыгоднее продать своих соболей (китайцы брали их по цене, которую находили для себя выгодной), а тем, как бы при подсчете с кредиторами они не отобрали у него жену и ребенка.

Наконец расчеты кончены. Китайцы расходились по своим фанзам и предавались азартным играм «в банковку».

В это время проявляли усиленную деятельность хунхузы. Они появлялись то здесь, то там, нападали на соболевщиков и отбирали у них меха, деньги и все, что есть ценного. Если китайцы не хотели указать, где спрятаны соболя, хунхузы прибегали к пыткам.

При царском режиме китайцы немилосердно эксплоатировали туземцев, при этом пускались в ход и обман, и насилия, и побои. Так, скупая соболей, они платили туземцам за меха номинально, хотя бы цена и была высока, но никогда не выдавали денег на руки, а списывали их с общей суммы долга, выдавая в кредит новый товар по такой расценке, которая сторицей окупала всякие затраты. Немудрено, что при этой системе туземец всегда оставался в долгу у китайцев. Так, например, в 1906 году удэхеец Чан-Лин с р. Такемы должен был китайцу три тысячи рублей. Он в два года сдал ему восемьдесят шесть соболей, и долг не только не уменьшился, а возрос еще более.

Конечно честность амурских туземцев стала падать. Теперь они уже не говорили, сколько поймали соболей. Уплачивая долги скупщикам пушнины, они отдавали им худших соболей, а двух или трех лучших старались спрятать, чтобы потом тихонько продать их где-нибудь на стороне. Туземец привык, что его обманывали на каждом шагу, и потому такой невинный обман с его стороны являлся единственным средством борьбы с хищни-

ками-торгашами. Если он не поступал бы так, то умер бы с голоду. Туземцы пускались и на другие хитрости, от которых начинали страдать сами скупщики пушнины. Так, при всяком удобном случае они старались набрать в долг побольше, в расчете затянуть его, вывести из терпения кредитора и тогда вручить ему соболей похуже и по высокой цене. Последний рад был взять хоть что-нибудь, лишь бы разделаться с обанкротившимися должниками.

V

Когда китайский скупщик пушнины отправлялся к туземцам, живущим далеко в горах, он вез с собою легкий мелочной товар, как-то: маленькие складные зеркала, перочинные ножи, бусы, шелк для вышивания, табакерки, трубки, иголки, наперстки, ножницы, бисер, серьги, кольца, браслеты и кое-какие сласти.

Прибыв к туземцам, китаец прежде всего угощает их немного спиртом и всем присутствующим делает небольшие подарки. Без подарков нечего к туземцам и ездить и никакой скупки пушнины произвести нельзя.

После угощения китаец сообщал новости из политики, рассказывал о том, что случилось у русских, в Японии и у американцев и как к этому относятся в Китае, причем во-время умело подчеркивал трудность приобретения товаров, говорил также вскользь, что все вздорожало, и тут же придумывал, почему вздорожали товары. Все это выходило у него кстати и вполне правдоподобно.

Каждый китайский купец—дипломат и психолог. Он желанный гость у туземца. Его ожидали с нетерпением. После ужина он вручал хозяину юрты заказ и лично ему делал еще какой-нибудь подарок. Вечером они курили трубки, как друзья, и вели деловой разговор.

Китаец осторожно расспрашивал туземца об охоте и здесь узнавал, сколько поймано соболей. Вслед за тем начинался осмотр пушнины и ее оценка.

Обыкновенно все соболя в тот же вечер переходили в руки китайца, а на другой день он обходил все юрты и везде таким образом собирал пушнину. Потом он опрашивал туземцев, что надо привезти им на будущий год. Заказы всегда выполнялись аккуратнейшим образом.

Все туземные районы китайцы распределили между

собою так, чтобы не мешать друг другу. И не было случая, чтобы один скупщик соболей забрался в район другого. Вследствие того, что один и тот же китаец из года в год посещал одних и тех же туземцев, он приобретал среди них друзей и старался всеми силами сделаться им необходимым.

Если китаец—скупщик пушнины—проживал от туземцев на расстоянии ста—ста пятидесяти километров (где-нибудь около устья реки, в большом селении, близ железной дороги и т. п.), то он условливался с ними, когда те должны были приехать к нему за продовольствием. Если же он жил далеко или туземцы не могли сами приехать к нему по каким-либо причинам, то по возвращении домой он снаряжал одну или две нарты для срочной доставки в их стойбище тех заказов, в которых обитатели его особенно нуждались.

В тех случаях, когда продовольствие нужно было туземцу срочно, китаец писал записку китайцу же, земледельцу, живущему поблизости (в сибирском масштабе), с просьбой отпустить за его счет муки, бобового масла, табаку, чумизы, соли и т. п. К записке прикладывалась красная мастичная печать с фамилией скупщика соболей. Туземец с этой запиской шел к адресату и получал все, что ему нужно. Не было случая, чтобы китаец-земледелец отказал своему собрату—скупщику мехов, даже если знал его только понаслышке. Отпустив товар, он делал на обратной стороне записки свою надпись о сумме, которую должен получить со скупщика пушнины и прибавлял к ней известный (установленный обычаем) процент.

Раз в год (обыкновенно дней за десять до нового года) китайцы обменивались этими векселями и подсчитывали, кто кому и сколько должен. Случалось часто, что такая записка как верный денежный знак попадала в другие руки, но в конце концов она обязательно доходила до скупщика пушнины, который и выкупал ее обратно.

VI

Люди, бывавшие по делам службы или случайно в тайге и доброжелательно настроенные к туземцам, неоднократно убеждали их игнорировать китайцев и везти

пушнину прямо в город, чтобы там самим выгодно продать соболей, минуя посредников. Этим лицам казалось все так просто: часть денег, вырученных от продажи пушнины, пойдет на уплату долга кредиторам, а на остальные туземцы закупят себе вперед на год и продовольствие и все, что необходимо для охоты.

Дававшие эти советы упускали из виду, что все мелкие китайские торговцы были тесно связаны с китайскими фирмами в городах.

Даже европеец, приехавший с партией мехов в чужой город, не сразу мог ориентироваться. Что же можно сказать про обитателя тайги, попавшего, положим, первый раз во Владивосток!

У туземцев в городе нет знакомых, а если и были, то те же самые китайцы. Им негде остановиться, и к тому же соблазны на каждом шагу.

Тем не менее попытки эти они делали, и каждая из них, как и надо было ожидать, кончалась неудачей.

В первый раз по прибытии в город туземцев на пристани встретили услужливые китайцы и предложили им остановиться у них. Вечером за ужином они уговорили подвыпивших туземцев продать им соболей за полцены и вместо хороших товаров снабдили их всякой завалью, нажив на этой операции еще сто процентов.

Во второй раз туземцы остановились в какой-то харчевне на окраине города, где их начисто обокрали.

В третий раз (в 1909 году) случилось происшествие, которое навсегда отбило у туземцев охоту ездить в город для продажи соболей. Один китаец, скупщик мехов в северной части Ольгинского района, считавший местных туземцев своими поставщиками пушнины, узнав о том, что они решили помимо него продать соболей во Владивостоке, сообщил об этом китайским купцам в городе. Эти последние тотчас же дали знать китайским агентам, бывшим в то время на службе у городской полиции, о том, что якобы привезенные туземцами собольи меха краденые.

Туземцы были арестованы. Впрочем, их скоро освободили, но пушнину задержали до выяснения ее происхождения. Бедные туземцы испугались и убежали, бросив своих соболей на произвол судьбы. Прибыв к своим сородичам, они сообщили, что туземцам в город ездить

нельзя, что и там хозяйничают всесильные китайцы и поэтому следует сдавать им пушнину на месте, как было раньше.

Незадолго до мировой войны подымался вопрос о прекращении выдачи китайцам промысловых свидетельств на право скупки пушнины у туземцев, причем исходили из тех соображений, что эти скупщики являются главными пособниками китайцев-браконьеров, снабжая их всем необходимым для незаконного промысла. Имелись в виду и другие соображения: эксплоатация туземного населения и утечка пушнины за границу.

В 1910—1912 годах были посланы отряды лесной стражи для уничтожения зверовых фанз и выселения из таежных районов китайских соболевщиков.

Как только китайцев стали «прижимать» в тайге, а крестьяне начали удалять их с заимок, они бросились на мелочную торговлю. Надо поражаться, с какой быстротой китайцы сумели сорганизоваться, покрыв своими торговыми предприятиями, как сетью, весь Уссурийский край.

Китайские купцы Владивостока, Никольска-Уссурийского и Хабаровска кредитовали купцов в урочищах и больших селах; эти посредники в свою очередь снабжали продовольствием и предметами первой необходимости мелких китайцев-торговцев, устроившихся в маленьких деревушках, расположенных на границе лесных насаждений.

В их лавках постоянно ютились искатели жень-шеня, охотники и звероловы, здесь процветали курение опиума, банковки и азартные игры.

VII

Было бы ошибочно думать, что скупка пушнины у туземного населения—дело легкое. Скупщику соболей приходится ежегодно покрывать многие сотни километров, зимой ночевать под открытым небом, часто голодать и подвергаться всевозможным случайностям, с которыми всегда связано путешествие по тайге, где иногда целыми неделями нельзя встретить ни единой души человеческой.

Скупщики соболей—это народ дошлый. Алчная на-

жива—вот тот стимул, который заставляет их рисковать жизнью.

Очень часто предприятия их рушатся, и нередко дело доходит до человеческих жертв.

Для иллюстрации приведу два примера.

Однажды, в 1905 году, два китайца (Су Лян-тэн и Чан-Сун) отправились в прибрежный (Ольгинский) район за скупкой соболей. Они захватили с собой десять ящиков ханшина[1], который намеревались выгодно променять на пушнину.

До залива Джигит свой ценный товар они доставили на пароходе. Здесь они наняли удэхейца Сале, который должен был везти их далее на лодке, вдоль берега моря, от одного селения до другого.

Первые дни плавание их было благополучным, но, когда они подходили к р. Амагу, ветер засвежел и вскоре перешел в шторм.

К самому берегу лодка подойти не могла, потому что ветром сюда нанесло много раздробленного льда. Оценив положение, Сале надел лыжи, привязал к поясу конец тонкой веревки и по волнующейся, кашеобразной массе мелкого льда бегом добрался до берега.

Вступив на твердую землю, он привязал лыжи к бечеве, которую тащил за собой, и стал китайцам кричать, чтобы они тянули их к себе.

Китайцы поняли, что Сале предлагает им проделать то же самое. Но им жалко было расстаться с ханшином. Ведь за него можно получить много соболей! Они решили не покидать лодки, взяли шесты в руки и стали делать попытки еще продвинуться к берегу. Пока они пререкались, нашла огромная волна. Сале видел, как лодка взметнулась кверху, корма ее осела, и в следующее мгновение из нее посыпались ящики... Когда волна докатилась до берега, лодка плавала среди льда дном кверху. Оба китайца погибли.

О том, каковы нравы промышленников, всегда склонных променять звероловство на охоту за человеком, свидетельствует следующий случай, имевший место в 1909 году в тайге между рр. Бикином и Иманом.

На станцию Губарево прибыли два охотника. Один из

---

[1] Ханшин—китайская водка.

них был рослый детина лет сорока, с рыжими волосами, другой—коренастый, с темнорусой окладистой бородой, лет тридцати пяти. Первый имел угрюмый характер и был молчалив, второй—степенный, но словоохотливый. Рыжеволосый говорил тихо и всегда озирался по сторонам; человек с бородой был, как говорится, себе на уме. Своими разговорами он вызывал других на откровенность и из слов собеседников делал нужные для себя выводы.

Охотники объявили в соседних деревнях, что приехали они на соболевание и намерены пробыть в тайге всю зиму.

Место, выбранное ими на р. Силане, оказалось удачным. Тут было старое зимовье. Они привели его в относительно жилой вид и затем отправились на осмотр ближайших окрестностей.

Через несколько дней они точно знали, что на р. Бейцухе соболюют тазы, на р. Хониихезе—два китайца и на Малом Силане—один кореец.

Оба охотника вели себя очень странно: ловушек на соболя не устраивали вовсе, вставали поздно, изредка ради забавы ходили на охоту за рябчиками, после обеда отдыхали и рано ложились спать.

Прошел месяц, другой. Соболевание близилось к концу. Не сегодня-завтра китайцы должны были оставить свои зверовые фанзы и с богатой добычей уйти за р. Уссури. Тогда оба промышленника проявили энергию. Они решили итти на охоту.

Дня через три они вернулись не с пустыми руками. Рыжеволосый человек принес одиннадцать соболей, сто шестьдесят девять белок и восемь колонков, а промышленник с окладистой бородой—шестнадцать соболей, сто двенадцать белок, трех выдр и одного колонка.

Как раз в это время к ним приехали два скупщика пушнины—родные братья. Они знали о существовании заброшенного зимовья и намеревались устроить здесь свою базу, чтобы отсюда делать поездки ко всем соседним зверовщикам.

Охотники обрадовались приезду скупщиков пушнины и в тот же день продали им все свои меха.

Дня через два один из братьев решил поехать на р. Си-

лан, а другой на следующий день должен был отправиться на р. Хоннихезу. Провожать первого вызвался рыжеволосый охотник.

К сумеркам последний вернулся один и на вопрос скупщика, где его брат, в свою очередь спросил: «А разве он не дома?» Получив отрицательный ответ, он выразил крайнее удивление и при этом сказал, что его спутник, почувствовал себя больным, с половины пути возвратился обратно, а сам он отправился дальше, посетил китайскую зверовую фанзу и назад к зимовью шел другой дорогой.

Скупщик пушнины встревожился за брата и просил рыжеволосого промышленника проводить его к тому месту, где он оставил больного.

Утром рано они оделись, взяли ружья и пошли по тропе на р. Силан. Дома остался охотник с окладистой бородой. Минут через двадцать после их ухода он услышал выстрел, но не обратил на это внимания.

Спустя некоторое время, он переобулся, взял свою винтовку и только что хотел выйти из зимовья, как увидел рыжеволосого промышленника, который целился в него из ружья.

Привыкший к такого рода вещам, он сразу сообразил, в чем дело, и бросился назад в зимовье. Но в это мгновение грянул выстрел, и пуля пробила ему бедро.

Раненый пробрался к окну. Рыжеволосый промышленник заметил это и спрятался в кустах. Оба боялись и следили друг за другом. Теперь все зависело от того, кто первый увидит врага. Такое осадное положение длилось несколько часов. Незадолго перед сумерками человек с окладистой бородой заметил рыжеволосую голову. Он тщательно нацелился и спустил курок. Его противник, сидевший на пне, покачнулся и вслед затем сунулся вперед—лицом в снег. Он умер в позе человека, который как бы делал земной поклон в сторону зимовья.

Человек с бородой сделался обладателем всей пушнины, но это не спасло его. Дня через три его нашли другие охотники и доставили в ближайшую деревню.

Рана, полученная им в бедро, оказалась опасной. Он получил заражение крови и вскоре умер в сильных мучениях.

Весной китайцы-зверовщики обнаружили в двух зверовых фанзах убитых китайцев, а на тропе к зимовью обоих скупщиков пушнины, застреленных в спину рыжеволосым промышленником.

Умри охотник с окладистой бородой в зимовье,—все эти убийства приписали бы китайским разбойникам.

А сколько в горах ежегодно совершается кровавых драм, о которых никто не знает...

Суровая тайга хранит такие тайны!

ВОСХОЖДЕНИЕ НА АВАЧИНСКИЙ ВУЛКАН[1]

История Авачинского вулкана

Авачинская сопка расположена в тридцати километрах к юго-западу от г. Петропавловска-на-Камчатке и в двадцати от моря.

Это четвертый с юга вулкан, высотою в 2 660 метров, находящийся в действии с отдаленнейших времен. Он принадлежит к типу Везувия и стоит в одном ряду с Кроноцкой сопкой, будучи отдален от нее расстоянием в пятнадцать километров.

Первоначальный конус Авачинского вулкана разрушен давно, вторичный также. Нынешний конус насыпан далеко не до прежних размеров. Если стоящую рядом Козельскую сопку рассматривать как остаток первона-

---

[1] Материалы для этой главы заимствованы из неизданной рукописи П. Т. Новограбленова «Вулканы Камчатки», 1922 г.

чального конуса вулкана, то кольцевой вал сопки—Сарай, Монастырь, Игореву и Южную Сомму—надо рассматривать как остатки вторичного конуса—вал вторичного кратера.

Современный конус Авачинской сопки находится в одном и том же положении с 1828 года, несмотря на целый ряд, правда небольших, извержений с того времени. Этот вулкан один из самых красивых. Внешним своим видом он весьма напоминает сахарную голову.

Центральное место занимает деятельный конус, вокруг которого находится кольцо, разорванное в трех местах. Остатки этого кольца и есть сопки: Сарай, Монастырь, Горка Фауста и Игорева. С южной стороны Соммы находится скала Кутхи (древнего божества камчадалов, обитавшего, по их преданиям, на вершинах огнедышащих гор). Здесь есть утес, имеющий форму человека в кухлянке и малахае. Это место было священным у камчадалов.

Края Козельской сопки и Соммы изборождены глубокими барранкосами[1], деятельный же конус почти гладкий. Вершина его сильно усечена. С нее вниз на юго-запад свешиваются, явственно видимые за тридцать километров, три потока лавы, которые в 1909 году застыли, дойдя только до подножья конуса. Вблизи эти потоки представляют собой чудовищные глыбы черновато-бурой лавы, хаотически нагроможденные друг на друга.

Авачинская сопка—постоянно действующий вулкан. Грозная ее деятельность наводила ужас на ительменов[2] и на русских в XVII столетии.

Извержения этого вулкана отмечены в следующих годах: 1737, 1773, 1827, 1828, 1829, 1855, 1878, 1881, 1894 и последнее—в 1909 году.

О некоторых из них сохранились довольно подробные описания. Так, 27 июля 1827 года в четыре часа утра жители Петропавловска увидали, что с севера неслось и сыпалось так много пепла и песку, что затмилось солн-

---

[1] Барранкос—рытвина, идущая от вершины сопки книзу, по которой сбегает вода от тающих ледников и лава во время извержения вулкана.

[2] Ительмены—древние обитатели Камчатки.

це. На другой день в три часа дня слышались необыкновенно сильные удары и гул наподобие грома. То же повторилось и 29 числа в восемь часов утра. Затем появился такой удушливый запах серы, что нельзя было пробыть и четверти часа на открытом воздухе. Тогда большая часть Авачинской сопки обрушилась в кратер, откуда, точно из бездны, тучами вылетал песок и камни. К утру 30 июля атмосфера немного очистилась, но запах серы стал еще более удушливым. Подземные удары были так сильны, что жители ежеминутно ждали гибели. По словам очевидца Степана Крашенинникова, Авачинский вулкан до этого извержения был много выше Корядкого (теперь обратно), но во время землетрясения он при страшном взрыве провалился.

Фирновые поля[1], накопившие в течение многих лет громадные толщи льда и снега, приняв на себя потоки лавы, мгновенно растопились. Внезапно образовавшаяся от таяния льда вода, нагретая до состояния кипятка, прорвав Сомму, страшным разрушительным потоком устремилась вниз, увлекая за собой пепел, песок и пемзу, и достигла океана, пройдя тридцать с лишним километров. За этим первым энергичным извержением последовал более спокойный период, хотя темные клубы дыма поднимались вверх из кратера и, не переставая, шел грязный дождь. Этот второй период продолжался до октября месяца.

Следующее большое извержение было 28 мая 1855 года. В этот день с семи часов утра вдруг послышался страшный грохот, и тотчас из кратера Авачинской сопки поднялось густое облако дыма и пепла, застлавшее большую часть неба; вслед за тем кверху взвился высокий столб огня. В течение многих дней продолжалось сильное извержение, от которого содрогалась земля. На сотню километров кругом вулкана было все засыпано пеплом. Так образовались сухие тундры, только последнее время начинающие зарастать кедровым стланцем[2] и можжевельником.

---

[1] Фирновые поля—начало ледников. Фирновые поля образуются из накопления атмосферных осадков в областях вечного снега, в вершинах высочайших долин.

[2] Кедровый стланец—низкая (стелющаяся по земле) поросль кедра.

Извержение 1909 года принадлежало к слабым и никаких несчастий людям не принесло. Оно продолжалось всего лишь несколько дней, но зато картина была замечательно эффектная, особенно ночью, когда лава лилась по склону, обращенному к г. Петропавловску. Внизу, вокруг вулкана, горели леса. Из кратера все время взвивались кверху длинные языки пламени и огромные снопы раскаленных добела камней. Небосклон, покрытый густочерными тучами, изрыгнутыми сопкой, освещался кровавым заревом кратерного огня. Это извержение сопровождалось сильным подземным шумом и колебаниями почвы, явственно шедшими от действующего вулкана.

С 1909 года по настоящее время извержений более не было, но тем не менее вулкан принадлежит к числу постоянно действующих. Все время из жерла его вырываются пары и газы. Деятельность сопки то усиливается, то ослабевает. Правильной периодичности между усилиями деятельности вулкана и ослаблением ее не наблюдается.

Иногда явственно виден высокий столб паров и газов, подымающийся к небу; иногда же, наоборот, сопка только чуть курится. Вследствие этого восхождение на Авачинский вулкан и в особенности спуск в его кратер сопряжены с некоторым риском.

Восхождение

Экспедиция на Авачинскую сопку вышла экспромтом. Пароход Совторгфлота «Томск» прибыл в Петропавловск 21 июля 1923 года, имея намерение простоять в гавани лишь двое суток, но, по не зависящим от него причинам, откладывая со дня на день свой выход в море, пробыл в Авачинской бухте три недели.

Так как пароход мог сняться с якоря неожиданно, то уходить от него далеко было рискованно. Но вот 1 августа стало известно, что «Томск» простоит в Петропавловской гавани до 7 числа включительно. Тотчас же был составлен план экспедиции на Авачинскую сопку.

Главное задание заключалось в том, чтобы угадать погоду так, чтобы в день поднятия на вулкан не было

дождя и тумана. Задача эта трудная, так как при всех почти ветрах, кроме западного и юго-западного, высокие горы полуострова Камчатки бывают покрыты густыми облаками, и тогда восхождение на них не только не интересно, но даже и небезопасно.

2 августа день был теплый и солнечный, но местные жители, посматривая на небо, говорили, что скоро надо будет ждать дождя.

В экспедиции на Авачинскую сопку решили принять участие автор настоящих записок, затем местный исследователь, ботаник П. Т. Новограбленов, уже совершивший дважды восхождение на тот же вулкан и один раз на Вилючинскую сопку. Потом в состав маленького отряда вошли: председатель Камчатского губревкома М. И. Савченко, оказавшийся отличным альпинистом, военный комиссар А. И. Марков, надежный товарищ во всякого рода опасных предприятиях, и фотограф Л. Е. Колмаков. Кроме того в экспедиции приняли участие еще два лица: капитан парохода «Томск» К. А. Дублицкий и Ю. Н. Кириллова, дочь известного (ныне покойного) краевого работника, врача Н. В. Кириллова. Последняя не имела намерения совершить восхождение на Авачинскую сопку и пошла вместе со всеми с тем, чтобы остаться на биваке у подножья вулкана.

Следуя советам П. Т. Новограбленова, с собою мы взяли трех вьючных лошадей, две палатки, крепкую обувь, легкую теплую одежду, один топор, компас, два фотографических аппарата и запас продовольствия на пять суток. Так как он по прежним своим восхождениям хорошо знал высоты над уровнем моря различных частей Авачинского вулкана, то решено было барометра не брать. Никакими другими инструментами экспедиция не располагала.

3 августа день был солнечный, но отправиться в дорогу не удалось. П. Т. Новограбленов настаивал на выступлении 4 августа рано утром.

Накануне вечером со стороны северо-восточной опять появился туман, что предвещало непогоду. Но на рассвете подул противоположный ветер, и туман рассеялся. Тем не менее большая часть небосклона была покрыта слоистыми облаками, которые лежали неподвижно, в

виде скатерти, и только на западе виднелись чистое небо и Коряцкий вулкан, освещенный солнцем.

В 5 часов утра все участники экспедиции были на ногах, а к 6 часам собрались на сборный пункт к дому П. Т. Новограбленова. Здесь сборы в дорогу и вьюченье лошадей отняли времени немногим более часа. В 7 часов 15 минут небольшой отряд наш, состоявший из семи человек и трех коней, тронулся в путь.

Путь к Авачинскому вулкану от Петропавловска сначала лежит по дороге к селению Завойко. Пройдя «ферму» и поднявшись на один из отрогов горы Мишенной, как раз у верстового столба, показывающего расстояние—четыре версты от города, надо свернуть вправо, на плохую проселочную дорогу, с едва заметными следами колеи, которая, впрочем, скоро переходит в тропу. Эта тропа проложена охотниками за горными баранами и идет по возвышенному плато, покрытому редколесьем, почти исключительно состоящим из эрмановой березы (дровяного характера).

Верстах в трех от поворота тропа разделяется: левая—торная, много хоженная, идет к Корякской сопке, правая—слабая, едва заметная,—к Авачинскому вулкану. Последняя придерживается все время северо-восточного направления и на пути своем пересекает четыре увала и четыре заболоченных распадка между ними, но не очень топких и вполне доступных для лошадей.

Здесь кончается лес, и тропа выходит на обширную тундру, покрытую зарослями кедрового стланца. Охотники, хорошо знающие эти места, проложили путь вьючным коням, искусно лавируя между кустарниками и пуская в дело топоры там, где одна полянка отделялась от другой только узкой полосой кустарника. Тем не менее за тропой нужно внимательно следить, чтобы не сбиться на «тракт», протоптанный медведями.

Теперь до подножья Авачинской сопки было не более десяти километров. В ясную погоду она вся как на ладони. Отсюда можно было проследить и тот путь, по которому нам надлежало совершить восхождение на вулкан, но туман и густые облака, как стеной, закрывали его.

Чем ближе мы приближались к вулкану, тем сумрачнее становилось небо. Солнце проглядывало реже; по-

года как будто начала портиться. Скоро все разъяснилось: мы медленно поднимались и в то же время приближались к облакам, которые, сгустившись около ледников наподобие туманной скатерти, неподвижно лежали в полгоры. Выше них было чистое небо, и порой сквозь прорывы в тучах ясно и отчетливо виднелись: Сомма, Козельская сопка и вершина Авачи.

Наша тропа пересекала тундру наискось и затем опять вошла в редколесье, состоящее из березы, ольхи, тополя и кедрового стланца. Здесь уже начали попадаться громадные глыбы лавы с округленными краями, заброшенные сюда последним извержением в 1909 году. Еще два километра хода по едва заметной тропке, заросшей довольно густыми травами,—мы увидели первые явные признаки близости вулкана.

Это была балка, доверху наполненная рыхлыми изверженными продуктами, нанесенными водою девяносто семь лет тому назад.

Направление балки на северо-запад; длина ее—километра два. Чем дальше, тем края ее выше, и сама она становится извилистее и уже. Когда она кончилась, тропа стала лавировать в кустах между деревьями, подымаясь на высокую гряду, сложенную во время наводнений из тех же рыхлых продуктов.

Еще двести метров—и перед нами открылся поразительный вид на так называемую «Сухую реку», вполне оправдывающую свое название.

«Сухая река» представляет собой ложе шириною от одного до полутора километров, по которому шла вода. Потоки лавы во время извержения вулкана растопили ледники, покрывающие склоны его, и все это громадное количество воды хлынуло по распадку между деятельным конусом и Соммой. Вода несла с собой песок, пемзу, шлаки в таком громадном количестве, что местами образовала из них целые завалы в несколько десятков метров высотою. По свидетельству местных жителей, поток горячей воды двигался по руслу «Сухой реки» с такой стремительностью, что катил большие камни и местами представлял собой жидкую кашеобразную массу.

Достигнув увала, на который мы теперь поднялись, поток нагромоздил здесь кучу камней, засыпал их пес-

ком, перешел через самый увал и заполнил обе балки, о которых говорилось выше. Отсюда он повернул к востоку и, пройдя километров тридцать, вылился в океан, на значительном протяжении от берега окрасив морскую воду в грязножелтый цвет.

Показания местных жителей о двигательной силе воды не преувеличены. О ней можно судить по окатанным краям громадных глыб лавы, находящихся в русле «Сухой реки».

Разрушения, произведенные здесь водою, носили более страшный характер, чем обычные наводнения. Их нельзя передать словами, едва ли сможет их передать и фотография. Только личные наблюдения на месте могут дать полное представление о катастрофах, разразившихся при извержениях Авачинского вулкана в 1827 и 1828 годах.

От гряды, на которой мы стояли, до подножья Авачинской сопки еще пять километров. Тот, кто пожелает подойти к ней вплотную, должен итти по руслу «Сухой реки», придерживаясь правого ее края (левой стороны, если стоять к истокам).

Теперь древесная растительность осталась сзади, и потому кажется, будто движение с вьюками происходит легче, но, с другой стороны, рыхлые пески и обилие обломков лавы скоро утомляют как лошадей, так и пешеходов.

Камчадалы говорят, что в предгорьях Авачинского вулкана имеется много горных баранов. Быть может, это и так, но в общем ближайшие окрестности «Сухой реки» пустынны. За два дня мы встретили только один медвежий след, нигде не видно было птиц, не видно и насекомых. Все это создает полное впечатление пустыни.

Глубокая тишина нарушается только глухими звуками оседающей почвы, похожими на подземные вздохи, изредка журчаньем ручья, который то появляется на дневную поверхность, то вновь исчезает в песках, да шумом скатывающейся по склонам гальки в тех местах, где подготовляется обвал.

Вода, стекающая по руслу «Сухой реки» во время дождей, грязножелтого цвета и негодна для питья. Она легко размывает дно и образует овраги, края которых,

чем дальше, тем становятся все отвеснее и выше и наконец превращаются в настоящие каньоны. Поэтому очень важно перейти через ручей заблаговременно, дабы потом не попасть в тупик, из которого нет выхода.

Вот почему рекомендуется придерживаться правого берега реки. Следует остерегаться подходить к краям обрывов во избежание обвалов. Даже в тех случаях, когда нужно бывает спуститься с террасы высотою в полметра,—пески сползают всей массой сразу, лошади теряют почву под ногами, пугаются, прыгают, отчего вьюки у них съезжают вперед.

Изверженные продукты, заполнившие русло «Сухой реки», состоят из крупного песка (мелкий песок и пепел унесены водою), гравия, величиною с орех, окатанных мелких обломков андезита и трахита (размерами в кулак), сильно обожженной пористой лавы, имеющей вид окалины красно-кирпичного цвета, кусков стекловидных шлаков, сильно портящих обувь, пемзы и наконец крупных обломков нейтральной лавы [1], слабо насыщенной газами.

В стороне от балки есть древесная растительность, состоящая из ольховника и кедрового стланца, а на песках—типичные представители альпийской флоры, но растут они как-то странно—маленькими группами, изолированными друг от друга.

На высоте девятисот метров над уровнем моря кустарники сразу исчезают. Переход к мхам чрезвычайно резок,—словно кто провел линию, перешагнуть через которую ни в ту, ни в другую сторону не дано ни мхам, ни цветковой растительности.

Здесь надо становиться биваком. Но это не так легко сделать. Надо, чтобы под рукой были вода, дрова и корм для лошадей. Нам повезло. Мы расположились у правого края «Сухой реки», по границе ольхового стланца, где была еще кое-какая трава, а воду нашли в местах обвалов, у тающего фирнового льда.

Лишь только солнце склонилось к горизонту, как туман начал рассеиваться, и перед нами во всей велича-

---

[1] Нейтральная лава—лава, не обладающая ни кислыми, ни щелочными свойствами.

вой красоте появился деятельный конус Авачинского вулкана.

Он казался в непосредственной к нам близости. Но П. Т. Новограбленов разочаровал нас, сказав, что до вулкана еще не менее пяти километров.

К сумеркам в высших слоях атмосферы установилось равновесие. Даже наверху, у самого кратера, был штиль. Газы, окрашенные лучами заходящего солнца в золотисто-оранжевый цвет, казались пламенем, медленно поднимающимся в высь неба.

Отсутствие растительности, фирновый лед, который издали кажется пятнами снега, глубокие каньоны, рытвины, барранкосы и грохот обвалов в горах—все это вместе создавало картину чрезвычайно унылую. Словно это был другой мир, на который пахнуло дыхание смерти. Немудрено, что первобытное население Камчатки боялись подходить к вулканам и считало их место обитанием «пихлачей» (маленьких горных духов—детей Кутхи), из-за козней которых люди часто блуждают в тумане и не могут найти дорогу.

На общем совещании решено было после ужина лечь спать пораньше, с тем чтобы завтра встать еще до рассвета, дабы успеть совершить восхождение на вулкан и возвратиться на бивак к началу сумерек.

На другой день все поднялись в три часа утра, а в четыре выступили с бивака, захватив с собой на всякий случай продовольствия на двое суток.

За ночь погода изменилась к худшему; сзади, насколько хватал глаз, все было покрыто густым туманом. Этот туман казался наводнением, а вершины Вилючинской сопки (2 170 метров) и Мутновской (2 417 метров)—разобщенными островами.

Верхние слои атмосферы были затянуты паутиной перистых облаков, сквозь которые светило солнце, а вокруг было большое галло... Плохой признак!

Сразу от бивака начался ступенчатый подъем, наподобие гигантских террас[1], в тридцать-сорок метров высоты, до четырехсот метров ширины, и каждая в километр длиною.

---

[1] Терраса—горизонтально срезанный склон горы или широкий уступ.

Таких террасообразных плато[1] четыре. Это огромные толщи фирнового льда, засыпанные сверху песком и заваленные камнями.

Здесь же находятся и языки лавы, вылившиеся из жерла вулкана в 1909 году.

Мы решили дойти до подножья деятельного конуса, затем подняться на седловину между ним и Соммой, а оттуда повернуть влево и итти к кратеру. Для этого надо было оставить правый край «Сухой реки» и перейти на левую ее сторону. Теперь уже мы были на высоте 1 525 метров, в области лавовых каскадов. То, что издали казалось нам легко выполнимым, на месте представляло невероятные трудности.

При подъеме в седловину встречаются серьезные препятствия в виде неширокиx, но очень глубоких трещин в фирновом льду. Они непрямые, имеют изгибы по вертикали, и потому конца их не видно; слышно только, как где-то далеко внизу шумит вода. Нередко трещины идут вниз под углом по отношению к поверхности льда, бывают запорошены снегом или засыпаны песком, отчего нависший край их становится тоньше, а противоположный—получает уклон. Неосторожный путник легко может его обломить и свалиться в пропасть.

Иногда на поверхности песка встречаются впадины, покрытые сетью мелких трещин. Возможно, что под ними произошло подтаивание льда и образовались галлереи, прикрытые сверху тончайшей ледяной корой. Удары палкой по песку издают звук, свидетельствующий о том, что под нею находятся большие пустоты.

Немного не доходя до лавовых каскадов, К. А. Дублицкий почувствовал себя не совсем здоровым и решил возвратиться назад, опасаясь своим присутствием связать остальных товарищей и тем помешать им достигнуть вершины вулкана. Нет худа без добра. Возвращение К. А. Дублицкого на бивак было как нельзя кстати. У палаток с тремя лошадьми осталась одна Ю. Н. Кириллова. К. А. Дублицкий застал лошадей запутавшимися в веревках, что могло кончиться весьма печально.

---

[1] Плато—плоскогорье, возвышенная равнина, поднятая над уровнем моря на высоту от 300 метров и выше. Плоскогорье Тибет поднято на 4 500 метров.

Дальнейшее восхождение на вулкан продолжали пять человек: автор настоящих записок, М. И. Савченко, А. И. Марков, П. Т. Новограбленов и Л. Е. Колмаков.

Снег, который издали мы принимали за белые пятна, оказался большими фирновыми полями до трех километров длиною. Сверху он покрыт слоем пепла, отчего многих фирнов издали вовсе не видно. Часто мы сами не знали, что шли по льду, это обнаруживалось только тогда, когда кто-нибудь, поскользнувшись, срывал ногой защитную окраску глетчера[1].

Вероятно, вследствие непривычки ходить по наклонному льду (уклон в десять-двадцать градусов), а главным образом вследствие того, что обувь наша была неподходящей, мы все с первых шагов стали сильно уставать.

Автор записок, по неведению, начал глотать фирновый снег и от этого сразу обессилел. Пришлось сделать небольшой привал, подкрепиться едой и напиться воды как следует. После этого восхождение наше на сопку пошло значительно успешнее.

Приблизительно на трети пути между подножьем деятельного конуса и Соммой виднелись впереди два широких фирновых языка с крутизной падения в тридцать градусов, разобщенных громадным потоком базальтовой лавы.

Мы выбрали левый ледопад и начали взбираться на него, придерживаясь мест, занесенных песками. При этом восхождении большую помощь нам оказали длинные палки, захваченные с собой по совету П. Т. Новограбленова.

Дальше барранкосы имеют вид очень глубоких оврагов, по которым бежит кристаллически чистая вода, образовавшаяся от тающего снега.

Чем выше, тем итти становилось труднее: фирновый лед сделался рыхлым. Поэтому мы решили не подыматься до края седловины, а повернуть влево и начать подъем прямо на конус.

Странным казалось такое состояние фирна, но вскоре разгадка была найдена. Деятельный конус Авачинского вулкана был нагрет. Уже снизу, глядя наверх по скло-

---

[1] Глетчер—ледник.

ну его, можно было видеть, как всюду над камнями реет горячий воздух.

На подъем от фирнового поля в седловине до кратера мы употребили пять часов.

Эта часть пути оказалась самой трудной. Дело в том, что весь конус состоит из свеженасыпанных рыхлых вулканических продуктов. Куски лавы, пемза, стекловые шлаки, будучи выброшены из кратера в раскаленном состоянии и мягкими, скатываясь по склону конуса, приняли более или менее шарообразную форму, величиной от ореха до размеров человеческой головы.

Любопытно, что кругляки эти не перемешаны между собою, а как бы отсортированы: то встречаешь целую площадь, засыпанную мелкими лапилли, то несколько десятков квадратных метров, покрытых камнями величиной с кулак, то участки, заполненные крупными окатанными глыбами.

Все камни держатся непрочно, и достаточно малейшего толчка, чтобы они покатились вниз под уклон горы градусов в тридцать, развивая все большую и большую скорость и делая гигантские прыжки. Мы следили за ними глазами до тех пор, пока они за дальностью расстояния не скрывались из вида совсем.

М. И. Савченко ушел вперед, значительно опередив остальных товарищей. Должно быть, из-под ног его вырвался один крупный камень и покатился вниз. К счастью, он обо что-то ударился впереди нас и, наподобие пушечного ядра, с шумом пронесся над нашими головами.

Можно представить себе, сколько нужно физических усилий на подъем по такого рода осыпям. Сплошь и рядом работа, затраченная на подъем в течение получаса, вследствие одного неосторожного шага сводилась на-нет: путник возвращался к исходной точке, если на старом месте ему удавалось задержаться. Здесь в буквальном смысле слова применимо выражение: «три шага вперед и два назад».

На продвижение каких-нибудь четырех-пяти метров затрачивалось столько усилий и времени, что потом являлась необходимость в более или менее продолжительном отдыхе.

Спуск в кратер

Уже на половине высоты конуса стало заметно наощупь, что почва сильно нагрета. Часов в десять утра мы находились в 200 метрах от кратера. Отсюда ясно были видны струи газов, вырывающиеся из-под камней.

Близость цели заставляла нас напрягать все усилия. В течение двух часов мы карабкались по склону конуса, то подвигаясь вперед, то вновь сползая книзу. Можно сказать, что по трудности пути эти последние двести метров равнялись всему пройденному за день пути.

Ровно в двенадцать часов мы наконец достигли вершины вулкана. Как ни заманчиво было заглянуть в его кратер,—мы должны были сделать привал.

Теперь мы были значительно выше облаков. Тучи ползли по долине «Сухой реки» и подбирались к тому месту, где был наш бивак. Там, внизу, вероятно, шел дождь. Не было сомнений, что туман доберется и до нас. Грозные признаки его уже были налицо: вершины Мутновской и Вилючинской сопок уже покрылись шапками дождевых облаков. По соседству с Авачинским вулканом к юго-западу высился конус Коряцкой сопки, высотою в 3 605 метров, а к северо-востоку—Жупановский вулкан с кипящим озером в кратере, абсолютной высотой 2 700 метров. На них тоже кое-где появились клочья тумана. Это принудило нас подняться и итти дальше.

Около кратера, к которому мы стремились, было так много мелких фумарол [1], что являлось впечатление, будто вся сопка внутри горит и дым вырывается через щели наружу.

В сущности это так и было, только вместо дыма, вырывались пары, слегка окрашенные в желтый цвет.

Самая крупная фумарола Авачинского вулкана находится вне кратера с южной его стороны. Из нее с ревом вырывается громадный столб газов. По краям фумаролы видны мощные желто-зеленые отложения серы.

Теперь ясно был слышен глухой подземный гул и ощущалось дрожание горы.

С 1731 года Авачинская сопка имела один большой

---

[1] Фумаролы—трещины, из которых вырываются струи газов, водяного пара и дыма.

кратер с воронкой в середине, но после извержения 1828 года образовался новый кратер, занявший около двух третей старого, с действующими фумаролами у северо-западного его края, т. е. около или даже на месте прежней воронки.

Таким образом ныне на вершине Авачинского вулкана имеется два кратера: новый—объемлемый, круглой формы, с воротами к юго-западу, и старый—объемлющий, подковообразный, но широкий, с заостренными краями и с воротами к северо-востоку.

Края старого кратера разрушены, спускаются внутрь полого и в общем имеют вид неправильной треугольной пирамиды, обращенной вершиной вниз, основанием кверху. Глубина кратера невелика (метров пятьдесят); дно его покрыто обломками лавы, величиной с конскую голову. Отовсюду подымается бесчисленное множество мелких струй серных газов. Создается впечатление, будто кратер недавно еще был мокрым и не успел просохнуть как следует, отчего со дна его и подымается пар.

По всей внутренней поверхности кратера видны многочисленные белесовато-желтые пятна серы. Почва на дне его нагрета настолько сильно, что долго сидеть на одном месте нельзя. На глубине нескольких сантиметров под камнями рука не выдерживает температуры в течение трех-четырех секунд.

Новый кратер представляет собою зрелище, которое оставляет впечатление на всю жизнь. Представьте себе громадную воронку, с километр в окружности и глубиною в сто метров, у которой северный и западный края совершенно отвесные, а южный и восточный, хотя и крутые, но дающие возможность по глыбам лавы спуститься внутрь. Со дна воронки с грохотом, от которого содрогается воздух, выделяются огромные столбы сильно удушливых газов и паров. На юго-западном обрыве бросается в глаза очень большое зеленовато-оранжевое пятно, из середины которого с сильным шипением выходит газ, окрашенный в желто-зеленый цвет.

Дно кратера закрыто лавовой «пробкой». Оно загромождено большими глыбами базальта, имеющего весьма причудливые очертания. В общей массе они кажутся развалинами горящего замка. В воротах кратера стоят

три одиноких лавовых столба, из которых средний имеет вид загнутого пальца, обращенного концом к кратеру. Тут же, поблизости от ворот, находятся две трещины, из которых вырываются зеленовато-желтые газы. Еще левее—множество мелких фумарол и всюду продукты возгонки и выцветы серы.

Автор этих записок, М. И. Савченко и А. И. Марков дважды пробовали приблизиться к центральной фумароле, но удушливые газы и высокая температура каждый раз принуждали их к отступлению.

Иногда сквозь просветы в газах внизу видно было какое-то отверстие неправильной формы, покрытое налетами всех цветов радуги, начиная с оранжевого, красного и кончая изумрудным; отсутствовал только фиолетовый цвет. Иногда появлялись синие перебегающие огоньки, которые вспыхивали на пластах серы, но тотчас же гасли, как только появлялся какой-то газ, от которого сильно першило в горле и кружилась голова.

Обойдя кратер с другой стороны, нам все же удалось подойти несколько ближе к главной фумароле, из которой вырывались с необычайно сильным шумом желтозеленый газ и клубы пара, температура которого равнялась 101 градусу по Цельсию. Неизвестно, следует ли считать эту температуру абсолютной, или надо включать к ней поправку на высоту вулкана (2 660 метров). Здесь дно кратера было настолько накалено, что камни во многих местах растрескались от жара. Брошенный скомканный кусок бумаги тотчас обугливался и, вероятно, вспыхнул бы пламенем, если бы не наличие угольной кислоты [1].

Пробыть в кратере Авачинского вулкана нам удалось только один час сорок минут. Грозные признаки перемены погоды к худшему заставляли нас торопиться. Со стороны Козельской сопки с поразительной быстротой по направлению к Авачинскому вулкану двигались большие клубы пара. Они крутились наподобие вихря, увеличиваясь в размерах, и захватывали все большее и большее пространство.

Туман, безобидный внизу, представляет страшную опасность на высоких камчатских горах. Около кратера

[1] Угольная кислота не поддерживает горения.

он разряжается снегом, и тогда на склонах вулкана свирепствует пурга. Самый опытный альпинист наверняка собьется с дороги и попадет в такое место, откуда выбраться будет не в состоянии. Перед ним неожиданно открывается щель во льду или отвесный обрыв. Тогда ему снова приходится карабкаться вверх. Имея под ногами подвижную россыпь, он будет не в силах бороться с порывами ветра и вместе с грудой камней скатится вниз.

Обратный путь

Как ни заманчиво было еще остаться в кратере действующего вулкана, но благоразумие требовало прекратить исследование и начать спуск. Тогда мы перешли в старый кратер, наскоро закусили и выпили воды, принесенной с собой во фляжках. В это время налетел жестокий шквал, и котловина кратера стала наполняться удушливыми газами. Захватив свои вещи, мы выбежали на край его. Сильным порывом ветра чуть не опрокинуло нас обратно в воронку. Температура начала быстро падать; стал накрапывать дождь. Ветер поднял с земли крупный песок и с силой хлестал им по рукам и лицу, вызывая нестерпимую боль.

Спуск наш с деятельного конуса Авачинского вулкана произошел с невероятной быстротой. Насколько альпинистские палки нужны при восхождении на гору, настолько они еще более необходимы при спуске. Даже больше—без палок спуск совершенно невозможен. Глядя на нас со стороны, можно было подумать, что мы все спускаемся на лыжах, только вместо снега имеем под ногами крупный гравий и круглые камни.

При спуске надо опереться на палку, держа ее, как правило, назад и несколько в сторону от себя; нужно в то же время перебирать ногами и, создавая искусственную лавину, вместе с нею съезжать книзу. Впереди под ногами образуется вал из катящихся камней: одни камни отстают, другие обгоняют, вал то уменьшается, то увеличивается в размерах, он то движется быстрее, то несколько медленнее, что зависит от величины обломков. Чем быстрее спуск, тем сильнее надо наваливаться на палку. В таких случаях корпус человека по отношению к склону горы находится под таким ост-

рым углом, что спина и локти иногда задевают за поверхность земли. Это самое опасное положение, при котором догоняющий сзади камень может разбить голову.

Время от времени около какой-нибудь глыбы мы останавливались, чтобы передохнуть. Расстояние, на подъем которого было употреблено пять часов, мы прошли, спускаясь вниз, за сорок минут, считая в том числе и остановки на отдых.

В три часа дня мы были у подножья конуса. Здесь стало немного тише, а вверху слышно было, как ревел ветер. Теперь начался спуск по фирну. Опираясь на палки, мы скользили по рыхлому льду, хотя и не так быстро, как с деятельного конуса. Чтобы не провалиться в какую-нибудь трещину, мы придерживались старых следов. Далеко впереди, у правого края «Сухой реки» виднелись наши палатки, а сзади—Авачинский вулкан, закрытый тяжелыми дождевыми облаками. Теперь там свирепствовала пурга, а внизу шел дождь.

Часам к четырем пополудни мы дотащились до бивака, измученные, усталые и с пораненными ногами. У троих обувь была в таком состоянии, что пришлось ее бросить, а у остальных настолько испорчена, что являлось сомнение, выдержит ли она обратный путь до Петропавловска. Мы хотели пить, но усталость взяла свое. Не дождавшись, когда вскипит вода, все залезли в палатки и тотчас же заснули крепким сном.

На другой день к рассвету дождь перестал, но погода была хмурая. Надежда на то, что с восходом солнца погода разгуляется, не оправдалась.

К девяти часам лошади были навьючены, и мы тронулись в обратный путь. Чтобы не заблудиться в тумане и не потерять тропу, впереди пошли М. И. Савченко и А. И. Марков, которым вменено было в обязанность смотреть на песке следы, оставленные позавчера нашими лошадьми. Примятая трава еще не успела подняться, и, тем не менее, на тундре один раз мы чуть было не потеряли дорогу, но во-время спохватились и вернулись назад. Вскоре после полудня мы дошли до последней релки, где сделали большой привал и накормили лошадей, а в пять часов сорок пять минут прибыли в город Петропавловск.

ЛЕСНЫЕ
ЛЮДИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Если дикая и девственная страна подвергается колонизации, то влияние ее сказывается прежде всего не на флоре фауне, а на человеке».

Л. Шренк

Автор очерков «Лесные люди—удэхейцы» имел возможность познакомиться с туземцами, которые называли себя удэ(he), в то время, когда страна не подвергалась еще колонизации. Туземцы эти обитают в лесах по правым притокам Уссури и на побережье Японского моря по ту сторону водораздела. На юге большое влияние имели на них русские и китайцы, но в центральной части горной области Сихотэ-Алиня, куда трудно было проникнуть, удэхейцы еще долго сохраняли свои обычаи и нравы.

Но потом под влиянием культур, надвигающихся на них с юга и с запада, началась коренная ломка их общественного строя. Не выдерживая конкуренции корейцев, китайцев и русских, туземцы оставляли веками насиженные места и отходили подальше в горы.

Если бы кто-нибудь из читателей пожелал теперь увидеть удэхейцев такими, какими они описаны в этих очерках, ему пришлось бы совершить большое путешествие и забраться в самые истоки Хунгари, Анюя, Хора, Бикина и Копи. Но и там уже сказалось влияние цивилизации. В настоящее время удэхейцы сделали много заимствований у «завоевателей» и многое утратили в своем укладе жизни, которая была так же безыскусственна и проста, как просты они сами.

Настоящие очерки есть краткое и популярное изложение большого труда «Страна удэ(he)», над которым автор работает более двадцати пяти лет и к изданию которого он намерен приступить в ближайшем будущем.

Так как очерки популярные и имеют в виду широкого читателя, туземные названия, которые встречаются в тексте, изображены русскими буквами (с допуском некоторых искажений), потому что транскрипция звуков, не имеющих в русском алфавите соответствующих знаков, довольно сложна. Эти материалы (фольклор, грамматика и словарь) автор оставляет до специального изложения во втором томе «Страна удэ(he)».

Владивосток.

4 апреля 1926 г.

ВНЕШНИЙ БЫТ УДЭХЕЙЦЕВ

Тазы, удэхейцы. — Первоначальная родина. — Причины вымирания.—Физический тип.—Характер.—Одежда— Язык. — Жилища.—Приспособляемость к окружающей среде.

Лесные люди — удэхейцы — занимают центральную часть горной области Сихотэ-Алиня. По переписи 1926 года численность их определяют, примерно, в 1 360 человек (обоего пола). Раньше они распространялись далеко на юг. Наши зверопромышленники Худяковы и старообрядцы из селения Красный Яр в начале семидесятых годов прошлого столетия видели их около Посьета, куда они спускались ради охоты за дорогими пантами. К западу от Сихотэ-Алиня удэхейцы жили по правым притокам Улахе. С течением времени они частью вымерли, частью, потесненные китайцами, отошли на север. Оставшиеся же подверглись совершенному ассимилированию со стороны пришлого китайского населения и получили название тазов.

Китайцы, обитавшие в Уссурийском крае, называли себя ман-цзы, что значит полный или свободный сын; русских звали мао-цзы, т. е. люди, носящие шапки, а всех туземцев—да-цзы, т. е. аборигены, туземцы. Так, да-цзами считались и гольды, и гиляки, и маньчжуры. Отсюда—солон-да-цзы (солоны), мунгу-да-цзы (монголы), ю-пи-да-цзы (туземцы, одетые в рыбью кожу) и т. д.

Теперь в Уссурийском крае почти невозможно отличить таза от китайца ни по языку, ни по религии, ни по одежде. Они совершенно утратили свой первоначальный облик.

Первых тазов единичными личностями мы находим по рр. Сучану и Судзухе, но чем дальше подвигаться по побережью моря на север, тем они встречаются чаще и чаще. Все тазы—природные охотники. Охота—единственная страсть, которую из их натуры не могли вытеснить манзы. Поэтому им разрешено было носить оружие. К тому же они имели право и на надел земли. Китайцы пользовались такой двойственностью, при удобном случае называли себя также тазами, лишь бы остаться на месте и не быть изгнанными из Приморья.

Вот почему при наделе туземцев землею часто бывали случаи, когда бывший удэхеец должен был уступить свое место китайцу только потому, что последний сумел втереться в доверие к чиновнику. Подобные случаи ошибок, к сожалению, были не единичными.

С другой стороны, и наши переселенцы не хотят признавать за тазами такого же права на проживание в Уссурийском крае, как и за русскими колонистами. Переселенцы совершенно не были подготовлены к встрече с туземцами, и потому с первых же дней между теми и другими создались отношения враждебные. В особенно тяжелом положении очутились южно-уссурийские тазы, которые волею судеб и на несчастье свое сделались оседлыми, и потому без клочка земли, годной для хлебопашества, они теперь более существовать уже не могут.

Название орочи, орочоны, постоянно даваемое удэхейцам, неправильное и относится только к туземцам, обитающим в северо-восточной части Уссурийского края по рр. Копи, Хади, Тумнин и по верхнему течению Хунгари. Следует всех тазов и так называемых «уссу-

рийских орочей» объединить под одним именем удэ(hе), как сами себя они и называют. Вся суть в том, что одни в большей, а другие в меньшей степени подвергались ассимиляции со стороны культурных соседей, преимущественно китайцев.

Отдаленна и незапамятна та эпоха, когда удэхейцы появились в Уссурийском крае. Хотя они живут на берегу Великого океана, но боятся моря. У них нет морской лодки, нет своего паруса. Все это указывает, что в места нынешнего своего обитания они пришли сухопутьем. В сказках их чувствуется влияние юга. Это народ континентальный, и первоначальной родиной его, по всей вероятности, была юго-восточная Маньчжурия.

Китайских женщин в крае очень мало. В большинстве случаев манзы берут себе в жены тазок силою или сманивают их различными подарками. Такой китаец, женившийся на туземной женщине, убежденно считает себя тазой. Однако это ему нисколько не мешает, как только он накопит денег, уехать на родину и там снова назвать себя китайцем. Тазку с детьми, если она молодая, обыкновенно они передают друг другу, а в худшем случае, если она старая, бросают вместе с детьми на произвол судьбы без всякого сожаления.

Справедливость требует, чтобы такое потомство, оставшееся от смешанного брака китайца с тазкой, было причислено к туземному населению страны и чтобы ему было предоставлено право на надел земли наравне с прочими туземцами. К северу границей распространения этих окитаянных удэхейцев является долина р. Ното и на побережье моря—бухта Терней (р. Санхобе).

Тазы эти очень бедны, имеют нрав тихий, живут в маленьких фанзочках китайского типа где-нибудь в стороне около гор и занимаются хлебопашеством. Они ни слова не понимают по-удэхейски, говорят исключительно по-китайски, не умеют ходить на лыжах и плавать по горным речкам и не могут делать лодок.

Дальше к северу по побережью моря от бухты Терней до р. Амагу живут те же тазы, но меньше подвергшиеся влиянию китайцев. Одежда их состоит из смеси китайского костюма с удэхейским. Многие из них знают отдельные удэхейские слова, но говорят по-китайски. Некоторые старики умеют делать лодки, с грехом пополам

плавают по рекам и плохо ходят на лыжах. Эти тазы живут в китайских фанзах, занимаются летом хлебопашеством, а зимою—соболеванием. Китайцы называют их чжагубай, что значит кровосмешанные.

Еще дальше от мыса Белкина вплоть до р. Нахтоху и к западу от Сихотэ-Алиня, в бассейне Имана и р. Ваку встречаются уже такие туземцы, которые называют себя удэ(he).

Одеваются они в свои пестрые костюмы, но говорят по-китайски и только в том случае, если хотят между собою переговорить по секрету, объясняются на своем родном наречии. Живут они все же в фанзах, имеют у себя небольшие огороды, хлебопашеством не занимаются и проводят большую часть времени на охоте и рыбной ловле. Это первые удэхейцы, которые не держат у себя лошадей и рогатого скота. Способы передвижения у них обычные для туземцев: на собаках с нартами зимой и на лодках в остальное время года. Это первые удэхейцы, которые делают себе запасы юколы на год.

Еще выше, вплоть до мыса Аку, по верхнему течению Копи, по всему Бикину, Хору, по рр. Мухеню, Анюю и по низовьям Хунгари живут настоящие удэхейцы. Мы видим, что эти последние занимают большую часть Уссурийского края и в численном отношении превосходят всех своих сородичей, взятых вместе, живущих от них и к северу, и к югу. Одеваются они в свои национальные костюмы, знают выделку рыбьей кожи. Фанз у них нет, живут в юртах и занимаются исключительно охотой и рыболовством. Между собой говорят на родном языке, а счет да некоторые отдельные слова знают по-китайски.

Тазы русских имен не имеют и называют себя китайскими, например Сун-Цай, Чан-Лин, Бао-Ин и т. д. Удэхейцы вместо фамилии называют свой род (ёо сэеш), который отмечает местность, где исстари жили их отцы и деды, например Намука—от слова Наму, что значит море, Копинка—от р. Копи, Куанка—от р. Куи, Аукапка—от бухты Аука и т. д.

В атласе исторических карт Маньчжурии[1] мы нахо-

---

[1] Составлен П. В. Шкуркиным и И. Г. Барановым в 1925 г. на основании китайских источников. Этот атлас представляет собой большую ценность; будем надеяться, что он все же появится в печати.

дим, что в 1115 году нашей эры в бассейне правых притоков Уссури появляются две народности: цзирамин и удага. В первых мы узнаем тиляков (цзи-ли-ми, ги-леми, гилями), впоследствии оттесненных к устью Амура. Вторые распространяются по всему Уссурийскому краю и сохраняют свое самоназвание удэ(he) по сие время.

В Маньчжурии в это время расширяет границы и укрепляется чжурчженское государство Цзинь. В 1284 году орды великого завоевателя Чингис-хана докатились до берегов Великого океана и разрушили самобытное существование чжурчженей. Оставшиеся тунгусские племена понизились в культурном уровне и превратились в охотников и рыболовов.

В XVII столетии владетельный князь одного из аймаков, Нурхаци, объединяет разрозненные маньчжурские племена.

Сын его Тайцзун овладевает Пекином и на китайский престол сажает свою династию. С 1607 по 1615 год он предпринимает ряд походов к берегам Великого океана и завоевывает земли Воцзи.

В Уссурийском крае в это время обитало четыре народа: дитайцы—главным образом в южной части, китайцы—по Уссури, орочи—по рр. Копи и Тумнину, удэ(he)—в бассейне правых притоков Уссури по рр. Анюю и Хингари, впадающим в нижний Амур справа, и в прибрежном районе к северу от залива Ольги до р. Ботчи включительно. Эти последние удэ(he) подверглись влиянию культур, надвинувшихся на них с запада, и только те, что жили в глубине гор и лесов, куда китайцы и русские не успели проникнуть, сохранили в большей чистоте свои обычаи и нравы.

Если этнографические карты 1881 года (академика Л. Шренка) и 1894 года (приложенную к трудам Приамурского русского географического общества) сравним с современным расселением удэхейцев, то увидим, что перемены произошли главным образом на побережье моря, в Южно-Уссурийском крае и по низовьям рр. Имана, Бикина и Хора. В Уссурийском крае в миниатюре повторилось то же, что и при передвижении бурят, якутов, тунгусов к северу от Амура. Сначала китайцы потеснили туземцев, потом русские переселенцы потеснили китайцев. Последние отодвинулись в горы и в

свою очередь снова потеснили удэхейцев. Центральная же часть горной области Сихотэ-Алиня и все северные районы изменений не претерпели.

По рассказам самих удэхейцев, раньше их было так много, что лебеди, пока летели вдоль берега моря до залива Ольги, от дыма, подымавшегося от множества юрт, из белых становились черными. Так говорили они о многочисленности своих поселений.

Какие же были причины их вымирания? Таких причин много. Раньше они жили лучше. Природа снабжала их всем в изобилии, и они совершенно не знали денег. Теперь же потребности жизни увеличились, а тайга стала давать все меньше. Расход не стал уравновешиваться с приходом, а тут еще появились скупщики пушнины со спиртом и со своими дорогими товарами. Усваивая только внешнюю сторону цивилизации, занесенной к ним русскими и китайцами, удэхейцы не успевали за ними в борьбе за существование и начали все больше и больше отставать от пришельцев.

Чужеземцы занесли к удэхейцам много новых болезней. Особенно сильно свирепствует среди них оспа, от которой они вымирают с изумительной быстротой. В течение нескольких суток от целого стойбища не остается ни одного человека. Не менее опасна для них также и корь. Она страшна своими осложнениями, от которых они гибнут во множестве. Есть зарегистрированные случаи смерти от трахомы, когда целая семья охотников, потеряв зрение, не только не могла добывать средств для существования, но не имела возможности выбраться из тайги и гибла от голода. Главными распространителями заразы являются питьевая вода, грязь в жилище, грязь на теле и то обстоятельство, что здоровые люди находятся под одной кровлей с заразными больными и имеют с ними постоянное и тесное общение.

Физический тип лесного обитателя-удэхейца близок к тунгусскому. Средний рост мужчин—166 сантиметров, женщин—145 сантиметров. Фигура стройная, сухощавая. Среди них нет ни толстых, ни тонких; они все одинаковы и как бы вылиты из одной формы. Небольшая величина рук и ног бросается в глаза. Череп круглый, лоб несколько скошенный назад. Монгольская складка век развита в детстве (у женщин часто она сохраняется

и во взрослом состоянии), нос плоский, с низкой переносицей и большею частью выгнутый. Впрочем, на р. Кусуне и севернее до р. Самарги (в особенности на р. Един) можно найти и горбоносых. Растительность на лице редкая. Волосы длинные, черные и прямые. Очень часто среди южно-уссурийских тазов можно встретить темнорусых, а детей—блондинов. Цвет глаз—карий. Кожа—грязносмуглая, со слабым оттенком желтизны. Особенно поражает сильно развитая скуластость у женщин, так что лицо в действительности шире черепа и имеет форму пятиугольника. Этой скуластости нет у мужчин, она не выражена и у детей и, повидимому, развивается только по женской линии с возрастом.

Осторожные, молчаливые и скрытные удэхейцы обладают удивительной выдержкой характера. Они говорят тихо, лаконически и никогда не спорят. Выражение лица бесстрастное. Ни один мускул не дрогнет и не выдаст его душевного настроения. Старики держат себя всегда с достоинством. Удэхейцы вместе с тем экспансивны и впечатлительны. Переход от мысли к делу очень быстрый. Иногда же, наоборот, задуманное дело откладывается в долгий ящик, если оно не является необходимостью или должно быть выполнено по принуждению.

Одежда мужчин состоит из халата (тэга́), узких штанов (хэйги), наколенников (амуhи), нарукавников (адакты), головного покрывала (помпу) и маленькой шапочки (богдо́). Халат—маньчжурского покроя, застегивается с правой стороны почти подмышкой и подпоясывается узким ременным поясом, так чтобы вокруг талии был небольшой напуск. Штаны и наколенники тоже привязываются к ремню. Нарукавники надеваются для того, чтобы в рукава не залезала мошка и не задувал ветер. Головное покрывало—всегда белого цвета—имеет вид капюшона такого размера, чтобы оно закрывало плечи и сзади опускалось углом до середины спины. Шапочка обычно делается из козьих лапок и оторочена узкой полоской меха выдры. Наверху в стоячем положении на ней прикреплен беличий или соболий хвостик. Летняя обувь—кожаные унты, а зимой—цыты того же покроя, но сшитые из рыбьей кожи.

Весь костюм удэхейца, от головного убора до обуви, богато разукрашен орнаментами, вышитыми цветными нитками. Раньше одежда их шилась из выделанных звериных шкур и рыбьей кожи. В настоящее время они стали покупать различные материи у русских и китайцев, и красивые вышивки свои заменять полосками дешевого ситца. Зимой одежда шьется из ровдуги.

Особенной пестротой костюма отличается одежда женщин. Помимо того, что вся она сшита из отдельных цветных полос и сплошь разукрашена узорными вышивками, она вся увешана мелкими раковинами (кяхта), бубенчиками и медными побрякушками (абду) так, что при всяком движении издает мелодичный шелестящий шум.

Обыкновенно женщины носят две-три рубашки, одну поверх другой, короткие панталоны, наколенники, а на голове—платок или полотенце, в носу серебряные украшения (тематыни), в ушах серьги в виде больших колец с цветными бусами (уайга) по одной или по нескольку пар, вследствие чего мочка уха несколько оттянута. Ушные серьги раньше носили также и мужчины, но теперь обычай этот почти вышел из употребления. Зато они большие любители колец и браслетов.

Выше было сказано, что по окраинам территории, занятой удэхейцами, они смешались с соседними народами и сделали у них много заимствований. На юге на них имели влияние манзы, на севере—орочи, на западе—русские и гольды. Получился ряд наслоений, под которым уже трудно видеть прежнего удэхейца. Этим объясняется такое обилие в их языке наречий. На каждой реке они имеют свой особый говор. Прибрежные намука говорят языком, отличным от своих сородичей на Бикине, удэхейцы с р. Имана едва могут объясняться с людьми на р. Анюе и Хунгари и т. д.

Язык удэхейцев богат гласными звуками, иногда с удвоениями и утроениями одной и той же буквы. Например, ая—хорошо, ып—это, уо—гора, ули—вода, инап—собака, уа—туман, Яап—название реки, ейниая—очень хорошо, кяаса—орел, эымо—моллюск, куан—баклан, васса-адианан—погоди немного и т. д. Вследствие обилия гласных звуков речь их полна интонации, которая иногда принимает певучие оттенки, например,

ананá-ананá, т. е. давно-давно. Для образца приведем две фразы: Ыи бязá сюгзаá би? — В этой речке рыба есть? Мангá. Ули сагды: давá би—нянгá нянгá!—Трудно. Вода большая, кета есть, но мало.

У удэхейцев нет никакой письменности, нет даже знаков, которые изображали бы цифры, но есть свои условные таежные знаки. Например, воткнутая заструганная палочка есть обращение внимания прохожего, что это дело рук человека. Если же рядом с нею воткнут надломленный и согнутый прутик, то он указывает направление, куда пошел человек, ставивший эти сигналы. Положенный на ветку дерева мох или пучок сухой травы означает, что охотники здесь не задерживались и прошли мимо. Положенная на землю стрела говорит, что немного дальше через дорогу насторожен самострел и потому следует быть осмотрительным.

Теперь попытаемся сделать краткое описание жилища лесных людей. Когда вы подходите к юрте, вам прежде всего бросается в глаза множество жердей, стеллажей и палок, на которые вешается рыба. Тут же на берегу сушатся развешанные на кольях сети и лежат опрокинутые вверх дном лодки. Завидев незнакомого человека, десятка два собак подымают неистовый лай. Недалеко от жилой юрты высится свайная постройка. Это амбар (цзали), куда складывается сухая рыба, мясо, а также все, что есть ценного.

В настоящее время южно-уссурийские тазы обзавелись фанзами китайского типа, но жить в этих домах им приходится мало, потому что летом они ловят рыбу и все время проводят в берестяных балаганах (каунва), а осенью уходят на охоту, с которой возвращаются только в марте месяце.

Юрты удэхейцев сделаны из древесного корья и представляют собой двускатную крышу, непосредственно поставленную на землю. Чтобы корье не коробилось от сухости и чтобы его не сорвало ветром, его снаружи прижимают лесом; часто щели не заделываются вовсе— их просто засыпают снегом. Входы в юрту иногда бывают с обеих сторон и завешиваются кусками бересты, растянутыми на палках. Вверху в крыше оставляется отверстие для выхода дыма.

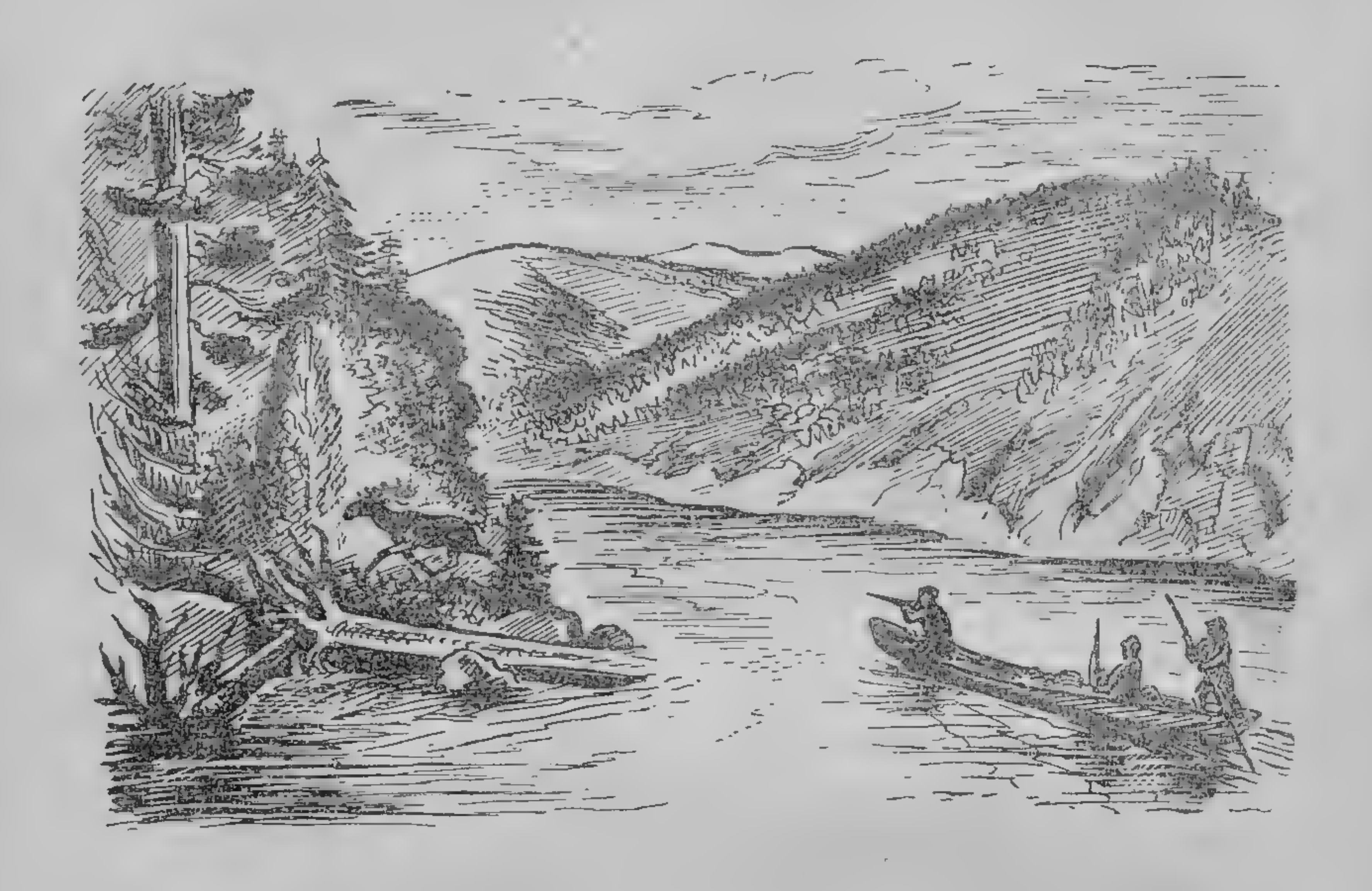
Как только вы войдете в дверь, вы непременно дол-

жны согнуться и пролезть вправо или влево, иначе вы прямо попадете в огонь. Костер расположен посредине жилища. Стоять в юрте нельзя, надо или лежать, или сидеть. По обе стороны вдоль огня положены берестяные подстилки, устланные звериными шкурами. В головах — коробочки, сундучки и свертки с различным имуществом. Тут же, где-нибудь за корье, заткнуты шаманский бубен, ружье, копье, самострелы и прочие охотничьи принадлежности. Женщины и дети помещаются около дверей, в одной стороне юрты, мужчины—с другой стороны. Если в юрте живут несколько семей, то каждая чета имеет свой угол. В той же стороне, где помещаются женщины, на грубо связанных полках сложена вся кухонная утварь, сделанная из дерева или бересты, и один или два котла, купленные у китайцев. Над огнем на деревянном крючке висит чайник.

Это жилище со всем его скарбом столь несложно, что удэхеец, когда убьет какого-нибудь крупного зверя, вроде лося, предпочитает не зверя тащить к дому, а вместе с семьей перекочевать к тому месту, где лежит убитое им животное. Вот чем объясняются частые находки в тайге покинутых юрт. Они строятся из материала, находящегося под рукой. Высокой температурой юрты удэхейцев похвастаться не могут. Люди согреваются только лучистой теплотой костра. И в этой температуре живут и женщины и дети. Почти все время они сидят на корточках у очага и греют свои руки. На ночь, во избежание пожара, огонь гасится. Сквозь открытое дымовое отверстие в крыше видны звезды на небе, и тогда температура в жилище сравнивается с наружною.

Привыкая с детства к холоду, удэхейцы приобретают закал и потому легко переносят стужу. Не редкость видеть зимой, как маленькие дети в легкой одежонке, с непокрытой головой таскают из амбара мороженую рыбу. Так работают они целый день, несмотря ни на ветер, ни на сильную стужу, только время от времени бегают в юрту, чтобы погреть у огня свои озябшие ручонки. Однажды зимой, в 1907 году, на р. Кусуне я с тремя своими спутниками ловил подо льдом рыбу. Погода стояла холодная и ветреная. На реке была сло-

жена солома для факелов. Покончив с ловлей, мы все забрались в балаган, оставленный японцами, и стали греться у огня. Не пришел только удэхеец Логада. Обеспокоенные его отсутствием, мы пошли его разыскивать. Велико было наше изумление, когда мы нашли его спящим на соломе под открытым небом. Волосы его заиндевели и кожаную куртку кое-где занесло снегом. Я разбудил Логаду, он сел, стал очищать от инея смерзшиеся ресницы и спросил, что случилось. Он не озяб, это видно было по тому, что он не шевелил плечами. Я уговорил его итти в балаган. Напившись чаю, Логада стал шутить, и когда кто-то из моих спутников спросил его, почему ему не холодно, он шутливо отвечал: «Я грел спину на месяц».

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Разделение труда между мужчиной и женщиной.—Рождение ребенка. Воспитание детей.—Выезд на охоту за соболем.— Брак. — Родовые отношения.—Кровавая месть.—Суд.

Общественный строй удэхейцев весьма оригинален. У них власть отсутствует. Никому в голову не приходит мысль главенствовать над другими. И вместе с тем развито почитание старших. Так, молодой человек предпримет что-либо только в случае, если получит одобрение стариков. Но это до тех пор, пока сам старик не почувствует свою дряхлость. Тогда все права в семье переходят к старшему сыну. Глубокие старики, как и старые женщины, становятся хранителями традиций, старых обычаев и обрядов.

Во всяком деле руководителями являются свои же. Идут ли удэхейцы на охоту—во главе становится наиболее опытный; он распоряжается, все подчиняются его указаниям, и все знают, что это его дело; едут ли они по морю в лодке, голос остается за человеком, кото-

рого все знают как хорошего морехода. Русские учредили среди них административных старшин. Удэхейцы исполнили это требование: они назначили старшин с глубоким убеждением, что это нужно не для них, а для русских, а сами остались жить по своим законам и обычаям.

На стойбище каждая семья живет своей жизнью; тут уже строй патриархальный. В семье распоряжается старший. Все это выходит просто, само собой. Ни разу я не слыхал, чтобы младший вступал в пререкания со старшим, и ни разу не было случая, чтобы старший не выслушивал младшего, и не единичны примеры, когда решения большого собрания изменялись по реплике десятилетнего подростка.

Удэхейцу незнакомо чувство эгоизма. Дайте ему какого-нибудь лакомства, он ни за что не будет его есть один, он попробует и поделится со всеми его окружающими. Убьет ли он на охоте оленя, поймает ли рыбу, привезет ли муку,—он не отдаст все это только своей семье, но поделится и со всеми соседями.

Внимание к чужим интересам, к чужой нужде в нем так же развито, как и забота о своей семье. Если у удэхейца нехватило продовольствия, он просто идет к соседу, зная, что ему никогда не будет отказа. Не раз я видел, как жены, у которых мужья уехали на охоту и запоздали с лишним на месяц, ежедневно брали продовольствие у соседа. Сколько раз случалось, что удэхейцы присылали мне лосиного мяса ровно столько же, сколько оставляли себе и сколько рассылали своим ближайшим сородичам. Вот почему семья умершего никогда не остается без средств к жизни. Если нет близких родственников, ее будет содержать весь род, если она другого рода, ее будут содержать чужеродцы. При этом не делается никакого различия между нею и своими женами, между ее детьми и своими. Смерть человека вне его вины. Не поддерживать чужую семью—великий грех. Опасность одному человеку есть опасность всему роду, всему народу.

Нельзя также обойти молчанием гостеприимство. Этот обычай требует оказывать внимание всякому путнику. Прежде всего гостю предлагается чай, юкола и сушеное мясо; ему не надо заботиться о собаках—их накормят

как следует. Вечером, после ужина, женщины высушат ему одежду, осмотрят обувь и, где нужно, сделают починку или дадут новые унты, а самая младшая из женщин набьет их свежей травой и приготовит одежду.

Забота о соседях, хотя бы они были и инородцы, сказывается во всех мелочах. Например, если о соседях, живущих на той же реке, они долго не имеют известий, то посылают к ним кого-нибудь из своей семьи справиться, здоровы ли те, не случилось ли чего-нибудь и не нуждаются ли они в помощи.

Раздел земли они так же не понимают, как раздел воды и воздуха, которыми пользуются наравне и люди, и звери, и птицы. Кто где хочет, тот там и селится. За последние сорок лет часть орочей перекочевала на Хунгари, и никто из удэхейцев, живущих на этой реке, не протестовал против этого.

Обратное явление—несколько семей удэхейцев перешло на Копи, и копийские орочи отнеслись к этому так, как будто эти удэхейцы живут здесь исстари. Так как удэхеец всегда найдет у своего собрата все, в чем он нуждается, равно и сам он отдаст соседу то, что нужно последнему, краж среди них нет. Им в голову не приходит мысль, что они могут что-то украсть. Вор по их понятиям—урод, сумасшедший. Зачем красть, когда сородич и так даст просимое, если только у него оно имеется. Поэтому их жилища и амбары никогда не запираются. Замков ни у кого нет. Только входная дверь в балаган припирается колом или палкой, чтобы ветер ее не открыл и чтобы туда случайно не зашла собака.

Наивная честность их прямо-таки трогательна. Однажды на р. Кусуне один удэхеец обратился ко мне с жалобой на старообрядцев. Дело было в том, что приехавшие в Уссурийский край на р. Тахобе староверы отобрали у него соболиные ловушки и воспретили ему заниматься охотою в местах своих поселений. Я уговорил старообрядцев, чтобы они уплатили ему за ловушки. В разговоре старообрядцы сами рассказывали мне, что этот же самый удэхеец, проходя однажды по тропке, где были его ловушки, которые уже отошли к русским, случайно увидел, что одна из них упала и задавила соболя. Он поднял ловушку, вынул соболя, завернул его в бересту и повесил на дерево, пока не придет хо-

зяин, а ловушку наладил опять, чтобы она не пустовала. Даже и тут оказалось внимание к чужому интересу, внимание к интересу обидчика.

Надо поражаться, насколько удэхейцы приспособлены к борьбе с природою. Охота на хищных зверей—обычное их занятие. Снежные бури, частые наводнения, постоянный риск жизнью—все это развило в них находчивость и инициативу. Этот «дикарь» в трудную минуту не потеряет рассудка и с честью сумеет выйти из затруднительного положения. В тайге европейцу за ним не угоняться. Не раз мне приходилось видеть, как, ругая сына, когда тот сделал что-нибудь неладное, старик всердцах говорил ему: «омуты лоца», т. е. «все равно, как русский».

В основе питания удэхейцев лежит рыба. Юкола (или—катали-намихта) для них то же самое, что для земледельцев хлеб. Без юколы они терпят такую же нужду, как и русский пахарь в неурожайные годы. Юколой удэхеец кормится сам, кормит свою семью и всех своих собак. Даже при самой лучшей и обильной пище они скучают по юколе и всегда предпочитают ее рису, до которого, кстати сказать, они тоже большие охотники. Удэхейцы едят сырую рыбу не только зимою, но и летом. Самое большое лакомство—головные хрящи кеты или горбуши. Они очень часто употребляют в пищу и сырое мясо. Как-то раз мы убили лося. Удэхейцы тотчас бросились к животному, вырезали у него ноздри и тут же съели их сырыми. Затем они стали есть сырую печень, потом разбили топором кости ног и стали высасывать из них костный жир.

Самым замечательным блюдом является «сяйни». Две женщины жуют: одна рыбу, другая—сырые ягоды и обе сплевывают жвачку в одну чашку. Затем эта смесь размешивается, к ней добавляется немного нерпичьего жира и преподносится гостю, как знак особого к нему внимания. Гость освобождается от жевания: ему остается только глотать.

Труд между мужчиной и женщиной строго разграничен. На мужчинах лежит охота, рыболовство и соболевание (так сказать, добывающая промышленность). На женщине—вся домашняя работа, работа около юрты и шитье одежды (обрабатывающая промышленность). Де-

ло мужчины поймать рыбу, дело женщины выпотрошить ее, сварить или приготовить юколу. Как бы много ни было работы у женщины, помогать ей мужчины, если они дома, не станут. Они лежат, равнодушно поглядывают на женщин и курят свои трубки. Поэтому и кажется, будто женщина работает больше, чем мужчина. Зато, когда последний пошел следить соболя, он гоняет его по следу подряд двое-трое суток, голодает и выбивается из сил.

Было бы ошибочно думать, что удэхейская женщина, будучи привязана к дому, лишена инициативы и не приспособлена к борьбе с природою. В этом отношении она нисколько не уступает своему мужу. Один раз я был свидетелем такой сцены. Мужчина возвратился с охоты и сообщил жене, что убил кабана и что зверя надо перенести к дому, а сам ушел снова на охоту. Когда женщина отправилась в горы, я пошел с нею. Скоро по следам она нашла убитое животное и принялась за работу. Я любовался, с какой ловкостью она освежевала зверя. Видно было, что эта работа для нее была не впервые. В несколько минут она вырубила сошки, быстро, без проволочек наладила их для носки на спине и в три приема перенесла все мясо к юрте. Сколько раз случалось видеть, как девушка без всякой посторонней помощи на быстрине реки перевозила на лодке моих спутников и только просила их, чтобы они не мешали ей работать и сидели спокойно.

Это разделение труда между мужчиной и женщиной сказывается и в положении ее в семье. Она дома держится особняком, ест отдельно от мужчин и не участвует в празднествах медведя. Вот почему женщина более угрюма, более молчалива, чем мужчина. Она ведет обособленный и замкнутый образ жизни.

Женщина в период родов считается нечистой. Ей в то время нет места в общей юрте. За несколько дней до родов шагах в полутораста от жилого помещения муж делает жене маленькую юрточку, похожую на собачью конуру. Там, несмотря ни на какой мороз, помещается роженица. Муж жену не навещает, только одна какая-нибудь старая женщина подает роженице через дверь дрова и пищу, но сама к ней тоже не входит. Как толь-

ко родится ребенок, ему перевязывают пуповину и обмывают чистой речной водой, заворачивают мальчика в медвежий мех, девочку—в мех рыси, белки или молодой кабарги; затем ребенка передают матери. После этого женщина переползает в другую такую же маленькую юрточку, построенную рядом. В этой второй юрточке мать с ребенком проводит еще девять суток и только после такого карантина может перейти в общее жилище. С точки зрения европейца это обычай варварский, но если в него вникнуть глубже, то мы увидим, что он весьма разумен. Женщина в период родов чрезвычайно подвержена всякого рода заболеваниям. Туземцы заметили, что в тех случаях, когда роды происходили в жилой юрте, дело часто кончалось смертью матери. Не понимая роли бактерий, но инстинктивно чувствуя опасность, муж, чтобы спасти жену от родильной горячки, стал ей делать временное жилище подальше от общей юрты, на незагрязненной земле, из нового корья с подстилкой из хвои и свежей травы. Туда никто не должен ходить, чтобы не занести заразу. После перехода в жилую юрту мать кладет ребенка в берестяную зыбку, наполненную стружками гнилого тальника, растертого в порошок. Как только тальник намокнет, его заменяют новым.

Иногда мне случалось видеть, как новорожденного ребенка, чтобы он впредь был спокойным и некрикливым, обмывали холодной, ключевой водой или обтирали снегом на открытом воздухе. Имелись в виду и другие соображения—желание закалить его и сделать выносливым и здоровым.

Когда ребенок немного подрастет, его сажают в другую люльку, сделанную из двух лубковых половин под углом в сто двадцать градусов. Под люльку подвешиваются вместо побрякушек бубенчики, пустые гильзы и кости рыси. Поверх ребенка кладется узорчатое одеяльце, украшенное бисером и цветными пуговицами, а сверх одеяльца, крест-накрест и сквозь боковые отверстия зыбки, протягиваются тонкие ремешки; в этом и заключается все пеленание ребенка. Если ребенок плачет, мать ставит люльку на поперечное ребро и, качая ее, монотонно под шум побрякушек припевает: «ба-а-ба! ба-а-ба!»

Приспособляемость к борьбе с природою развивается с малого возраста. Едва мальчик начинает вставать на ноги, как к его поясу привязывают два ножа. Не беда, если он обрежется, зато он приучится владеть ими в совершенстве. С десяти лет он уже помогает отцу на охоте и рыбной ловле.

В 1907 г. на р. Самарге я был свидетелем, как три мальчика семи, девяти и десяти лет лучили ночью рыбу на такой быстрине реки, где я не рискнул бы ехать и днем.

Вот еще одна особенность—мальчику в трудную минуту редко приходят на помощь. Ему предоставляют самому выходить из затруднительного положения. Однажды я наблюдал на р. Кусуне, как один мальчуган, заметив, что мышь постоянно ходит по одному и тому же месту, решил ее поймать и стал настораживать самострел. Но это ему не удавалось. Ребенок начал нервничать и готов был заплакать. Я хотел ему помочь, но отец остановил меня. «Пусть сам думает», сказал он мне. Мальчик действительно додумался, приспособился, и мышь была поймана. То же самое и девочки. С малых лет они помогают матери, таскают дрова, носят воду, чистят рыбу, выделывают кожу и приучаются владеть иголкой.

Все удэхейцы—и мужчины и женщины, и взрослые и малые—курят табак. Все дети имеют трубки. Кормление грудью весьма продолжительно и затягивается иногда до трех и четырех лет. Иногда случается видеть мальчика, которого мать только что отогнала от груди. Он чувствует себя обиженным, из глаз его текут слезы, он садится к огню, достает трубку, набивает ее табаком и, всхлипывая, раскуривает угольками.

Удэхейцы—удивительные мастера плавать по рекам на своих долбленых челноках. Кому случалось видеть горные реки, тот может себе представить, насколько опасно по ним плавание. Быстрота течения доходит до десяти километров в час. В области порогов от шума пенящейся воды нельзя говорить, надо кричать друг другу на ухо. И вот по таким-то местам плавают удэхейцы на своих челноках. Управляют лодкой два человека: один стоит на носу, другой—на корме сзади. Тут нужны отвага, ловкость, глазомер и физическая сила.

Малейший промах, малейшая оплошность — и все погибло.

Каждый раз, глядя на удэхейцев, невольно удивляешься их бесстрашию и привычке рисковать жизнью. Тем более это удивительно, что среди них редко кто умеет плавать. Вот почему они никогда не купаются, они боятся. Удэхейца никогда нельзя уговорить итти в реку, если ее надо перейти в брод и она более или менее глубока. А между тем на быстрине реки в лодке, когда и хороший, опытный пловец почувствовал бы страх, они вовсе не замечают опасности и работают шестами с таким видом, как-будто под ногами у них твердая почва.

Все удэхейцы замечательные мастера бить острогою рыбу. Если она проходит далеко от лодки и достать ее нельзя, они бросают в нее острогою и почти всегда без промаха. Так же они бьют и плавающих птиц, когда они, прячась от людей, ныряют в воду и стараются пройти мимо лодки незамеченными.

Лесные люди—страстные охотники и отличные следопыты. Если удэхеец нашел след соболя, китаец платит ему за шкурку вперед, как будто этот соболь уже у него в кармане. Если пойманный соболь окажется высокого качества, китаец ему доплачивает, сколько следует. В пути от зоркого глаза удэхейца ничто не ускользнет. Он знает, какой зверь и когда прошел, молодой или старый. Оставленный бивак он осматривает с особым вниманием и точно определяет, кто ночевал, сколько людей, какой национальности, чем они занимаются и куда направились.

В тайге кругозор ограничен. Таинственная лесная тишина, полная опасности, окружает охотника и заставляет его быть всегда настороже. Он не столько боится диких зверей, сколько человека. Поэтому удэхеец идет так, чтобы не оставить после себя следов. Он никогда не выйдет на открытую поляну, а обойдет ее стороною по опушке леса. Когда удэхеец плывет по реке на оморочке[1], то держится глухих проток или скрывается у берегов под кустами. На повороте, когда нужно переехать на другую сторону, удэхеец придержит лодку и

[1] Омо—один, ороч—человек.

посмотрит вперед, нет ли кого-либо на реке, и только убедившись, что она пустынна, он быстро переплывает ее и опять скрывается под кустами. Завидев издали чужую лодку, он остановится и прежде всего старается определить, с кем имеет дело. Если это не сородичи, он притаится в зарослях ближайшей протоки или, выйдя на берег, ложится в траву и наблюдает за проплывающей мимо лодкой.

Лесные обитатели Уссурийского края самые искусные охотники в мире. Они знают повадки всех зверей, знают, где и когда их можно найти, и в этом отношении на всем Дальнем Востоке не имеют себе равных.

Один из самых интересных их промыслов—охота на лося в ночное время.

В начале июля в тайге появляется такое количество мошкары, что все звери покидают низменные места и взбираются на гольцы, где ночной ветер дает им прохладу. Только один лось остается внизу и держится около реки. Время от времени он залезает в воду, затем выходит на берег и пасется, пока шерсть его мокрая. Но вот он начинает обсыхать. Укусы крылатых кровопийц в пахах ног становятся все чувствительнее. Лось жмется, лягается и продолжает кормиться: но и его терпению есть предел. Тогда он с шумом бросается в реку и весь погружается в воду, оставляя на поверхности только ноздри, глаза и уши, как раз места наиболее уязвимые. Он фыркает, мотает головой и своими большими ушами хлопает по воде, обдавая голову целым потоком брызг.

Зная эту повадку зверя, два удэхейца садятся в небольшую лодочку и плывут по течению. У переднего в руках ружье, у заднего—весло. Для удачной охоты нужна темная тихая ночь, надо, чтобы ветер тянул вверх по реке, навстречу лодке, иначе лось далеко почует приближение человека и убежит. При этом следует соблюдать величайшую тишину и так работать веслом, чтобы не было слышно всплесков. Разговаривать нельзя. Удэхейцы объясняются условными знаками: легкий толчок в правый борт лодки означает остановку, такой же толчок в левый борт—можно двигаться вперед, два толчка—увидел зверя и т. д.

В тихом ночном воздухе слышно, как лось купается.

Легкий челнок, увлекаемый течением и управляемый искусной рукой охотника, все ближе и ближе подплывает к животному. На гладкой поверхности воды, в которой отражаются звезды, чуть-чуть виден силуэт громадного зверя. Еще мгновение—и лодка с ним поровнялась. Слышно, как лось дышит, как каплет вода с его морды, слышно, как он глотает водяной лютик—лакомая пища, которую он добывает около берега. В это мгновение красноватая короткая молния прорезывает ночную мглу. Раскатистое эхо подхватывает звук выстрела. Раненый зверь метнулся в ту сторону, куда стоял головой. Охотник, сидящий в корме, одним ударом весла быстро вывел лодку на середину реки и задержал ее против течения. Лось шарахнулся в сторону. Слышно, как он со стонами барахтается в кустах. Через несколько минут шум стихает совсем. Тогда удэхейцы подходят к берегу, вытаскивают на отмель лодку, чтобы ее не унесло течением и разводят огонь, а затем отправляются к месту, где лежит убитое ими животное.

Все удэхейцы отличные бегуны на лыжах. Нынешняя молодежь уже не проходит таких расстояний, как старики в прежнее время. Весной, когда снег занастится, ходоки пробегают по сто километров в день. Искусство ходить на лыжах у них развито до виртуозности. Например, спускаясь по склону горы к реке, которая еще не замерзла, и опираясь на правило, ловкачи около самой воды описывают окружность и опять поворачивают лицом к горе.

Все лето удэхейцы заняты рыболовством. Надо поймать рыбы столько, чтобы обеспечить семью на весь год, надо заготовить юколу и для собак. Недолов рыбы расстраивает все планы и вынуждает кредитоваться у скупщиков пушнины, преимущественно у китайцев.

Но вот кончается рыбная ловля, и удэхеец начинает собираться на соболевание. Он готовит лыжи, кует стрелы; женщины шьют обувь и починяют одежду. Накануне отъезда все молятся и просят бога эндули даровать удачную охоту. Всю ночь напролет они шаманят. Звуки бубна, резкий лязг металлических трубок, украшающих пояс шамана, и дикие завывания, похожие на стон и плач, слышны во всех юртах... Наконец настает желанный день... Мужчины веселы, они ликуют

и радуются... Запряженные собаки выказывают нетерпение. Женщины выходят провожать своих мужей и братьев. Охотники садятся в нарты, и вмиг вся свора, спущенная с привязи, с лаем мчится по льду реки. Женщины машут руками, посылая приветствия мужьям и братьям. Через мгновение нарты исчезают за поворотом.

Прибыв на место, удэхейцы тотчас вынимают из нарт деревянные изображения духов, ставят их поблизости, кормят их кашей и салом и просят помощи на охоте. Затем каша разбрасывается по тайге: это жертва богу онку, охраняющему леса и горы. После этого каждый из них, налив в маленькую чашечку спирта, мочит в нем указательный палец и по капле бросает во все стороны, немного пьет сам, остальное выливает в огонь. При этом они снова обращаются к богу с просьбой дать им удачный улов и счастливую охоту. Затем удэхейцы надевают свое рабочее платье и приступают к работе.

Редко удэхейцы соболюют в компании, редко даже по два человека—в большинстве случаев они охотятся в одиночку. У каждого свой район, свое место, доставшееся ему в наследство от отца и деда. Здесь, в горах, в маленькой юрточке проводит он долгие зимние месяцы. Вся окружающая природа полна чудес—создания его собственной фантазии и воображения. Всюду он видит козни злых духов, мешающих ему спать спокойно. Вот почему каждый удэхеец всегда имеет при себе изображение духа-покровителя, который может оградить его от бед и несчастий. Он мажет ему губы кровью соболя и просит защитить его от происков чорта.

Застанет удэхейца ночь в дороге, он остановится, осмотрится и где-нибудь тут же расположится под деревом. Как зверь в тайге! Где застала его ночь—тут он и заснул, а наутро пошел опять дальше. Помню, один раз мы нашли место, над которым остановились в недоумении. Человек здесь спал или зверь? Во время наводнения вода подмыла берег и образовала пустоту под яром, сверху нависла дерновина; ни следов огня, ни травы, ни подстилки не было видно, а между тем все говорило за то, что тут кто-то спал. Подошедший проводник рассеял наше недоумение: ремешок, струганая

палочка и кусочек выделанной кожи свидетельствовали о том, что здесь ночевал охотник.

Во время охоты на соболя, когда зверек настигнут и загнан в дупло дерева, приходится иногда ночевать без огня.

Стоит только представить себе одинокого охотника, ночующего в лесу в морозную ночь без костра, чтобы понять, с каким трудом и с какими физическими лишениями добывается соболий мех—этот предмет городской роскоши, ценимый высоко, но далеко не оплачивающий труды зверолова.

У удэхейцев сохранились яркие пережитки группового брака, заключающегося в том, что мужчины одного рода берут себе женщин только из рода матери и ни в коем случае не из рода отца.

Групповой брак удэхейцев в настоящее время сменился простым обменом детьми между разными родами или приобретением жены с уплатой калыма из другого рода. Все опасения заключаются лишь в том, чтобы не взять жену своему сыну из отцовского рода. Причинами этой замены строго группового брака браком со смешением родов были: дробление родовых групп и эпидемические болезни, унесшие в могилу не только многих женщин, но и уничтожившие целые роды, не оставив от них ни одного человека. При таком положении удэхейцам пришлось искать себе жен не только на стороне, но и брать их у тунгусов и у гольдов. Едва родится мальчик, как родители начинают подыскивать ему жену. Отец часто совершает для этого длинные путешествия. Родители жениха сперва наводят справки о родителях невесты: какого они рода, как живут, хорошо или худо. Делается это больше ради обычая, потому что ныне удэхейцев так немного, что все они наперечет знают материальное положение каждого сородича. Спрашивают также, далеко ли живет род зятя и какой предлагается выкуп (тори). Если условия подходящие, то вопрос разрешается тотчас же. Согласия детей не спрашивают—судьбу их решают родители. В виде задатка свекор или сам жених дает тестю один или два серебряных рубля и железный котел. Выкуп уплачивается согласно уговору тотчас или частями впоследствии. Обыкновенно калым состоит из двух или

трех котлов, нескольких расшитых рубашек и одного или двух копий.

Тори—котел и копья—является отголоском того далекого прошлого, когда удэхейцы доставали эти вещи через десятые руки с большим трудом и ценили очень дорого. Привозили их айны или гиляки кружным путем через Сахалин из Японии или китайцы из Маньчжурии. Обычай этот сохранился, и по сие время он имеет место и на празднестве медведя, и при уплате штрафа, и на похоронах при снаряжении покойника в загробный мир.

Малолетняя невеста остается жить у родителей до двенадцатилетнего возраста, а потом уже переходит в дом мужа или же сразу перевозится свекром в свою семью. Это тоже зависит от уговора. И в том и в другом случае девочка живет и играет вместе со своим маленьким мужем. Родители за их половой жизнью не следят, и супружеская жизнь начинается у них естественно, сама собой, как только они физически разовьются и поймут значение брака.

Если у удэхейца есть сын и дочь, то он подыскивает в другом роде такую же семью, где есть мальчик и девочка. Родители обмениваются дочерьми, и вопрос к обоюдному удовольствию их разрешается без всякого выкупа.

Общий строй рода агнатный. Переход сына в дом деверя считается унизительным и вызывает насмешки со стороны других удэхейцев. При заключении брака особых церемоний нет. Брат выносит сестру из юрты на плечах и передает ее жениху. Новый зять увозит невесту—и тем все дело кончается. В браке нет ничего необычного, и потому брак разрешается просто, естественно.

Отголоски группового брака сохранились еще в следующем: мужчины с женщинами одного с ними рода не могут заигрывать и шутить. Поэтому по отношениям между мужчиной и женщиной можно судить, к каким они принадлежат родам. Если отношения эти сдержанные, если мужчина и женщина между собою мало говорят, это значит, что они одного отцовского рода, и чем суше эти отношения, тем родство ближе. Брат с сестрой почти не разговаривает.

Если отношения развязны: мужчина заигрывает, а женщина ему отвечает—это значит, она из рода матери, а потому все женщины этого рода не запретны.

У удэхейцев нет целомудрия ни до брака, ни после брака. Случаи общности жен как пережитки еще бывают. Лет сорок назад можно было найти у двух братьев одну жену. Официально она была женою одного брата, а на самом деле с ее согласия жил с нею и второй брат, равно каждый из братьев мог пользоваться ласками жен и других своих братьев. Но эти отношения строго распределялись по соответствующим поколениям. Например, свекор не мог рассчитывать на внимание своей невестки.

Однако это не дает права заключить, что удэхейцы безнравственны. Наоборот, они высоконравственны: у них совершенно нет проституции. Венерические болезни среди них появились лишь в последнее время и занесены русскими и китайцами.

При таком общественном строе, при такой заботе о человеке вообще и при таком внимании к чужим интересам у удэхейцев ничто нас так не поражает своим диссонансом, как обычай кровавой мести. Теперь этот страшный обычай едва ли сохранился даже у туземцев, живущих у самых истоков рек, куда еще русские не успели проникнуть.

Случилось несчастье — охотник убил другого, убил, может быть, нечаянно. Ужасная весть сразу облетела все окрестности. Особенная опасность грозит той семье, к которой принадлежит виновник убийства. За смерть насильственную нельзя не мстить, ибо душа убитого никогда не попадет в царство теней и потому будет вечно странствовать по земле, вопиять о мщении и наконец, озлобленная, перейдет к чорту. Вот почему месть—святое дело. О бегстве никто и не думает. Тут может быть один только выход—вооруженное столкновение. Страшный закон тайги «к р о в ь з а к р о в ь» встает во всем своем мрачном величии. Мстители с холодным оружием в руках (огнестрельное брать нельзя) идут к юртам виновных. Последние со всех ближайших рек собираются в одно место. Женщины, старики и дети неприкосновенным. Детьми и стариками считаются все неспособные ловить соболей и вообще заниматься охо-

той. Тогда женщины несут караульную службу. С палками в руках они обходят окрестности и обшаривают кусты. Мстители стараются проникнуть незамеченными, а женщины несут сторожевую службу. Беда, если они проглядели. Тогда атакующие врываются, и вопрос разрешается оружием. Со стороны виновных должен пасть один самый молодой, самый сильный и здоровый мужчина. Если же потери были с той и с другой стороны, то у виновных должно быть одним убитым больше. Если же атакующие понесли большие потери— конфликт углубляется[1].

Обычай не позволяет пить воду из реки, где живут обороняющиеся, рубить дрова, ловить рыбу, заниматься охотой. Поэтому атакующие несут с собою и воду, и продовольствие. Можно атаковать враждебный род, но нельзя устраивать осаду. Это ограничивает время на месть и заставляет враждующие стороны итти на примирение.

Для разбора конфликта с той и с другой стороны выбирается по одному лицу, принадлежащему непременно к нейтральному роду. Это судебные защитники (манга)[2].

Каждый тяжущийся род старается выбрать такого защитника, который силой своей логики и силой красноречия мог бы защитить их интересы. Собравшись в условное место, два тяжущихся рода садятся так, чтобы не видеть и не слышать друг друга. Между ними протягивается ремень.

В руках у каждого из манг жезлы (тыдю), на нижних концах которых деревянные копья, а на верхних— изображения человеческих голов. В таком жезле таится божественная сила, помогающая оратору *уговорить враждующие стороны*. От этих защитников зависит решение судьбы виновных. Беда, если

---

[1] В 1908 г. на побережьи моря один раз кровавая месть была остановлена только благодаря энергичному вмешательству братьев Степановых. Чтобы спасти удэхейца Ян-Гуя от смерти, автор настоящей статьи должен быть взять его с собою. Впоследствии Ян-Гуй поселился в другом месте.

[2] В слове *манга* буквы нг произносятся вместе, с явственным носовым звуком.

они будут несговорчивы и не пойдут на уступки. Виновный в убийстве во избежание нового кровопролития совсем не присутствует на суде.

Тяжущиеся не могут говорить между собою. Свои требования и свои оправдания они передают через своих избранников.

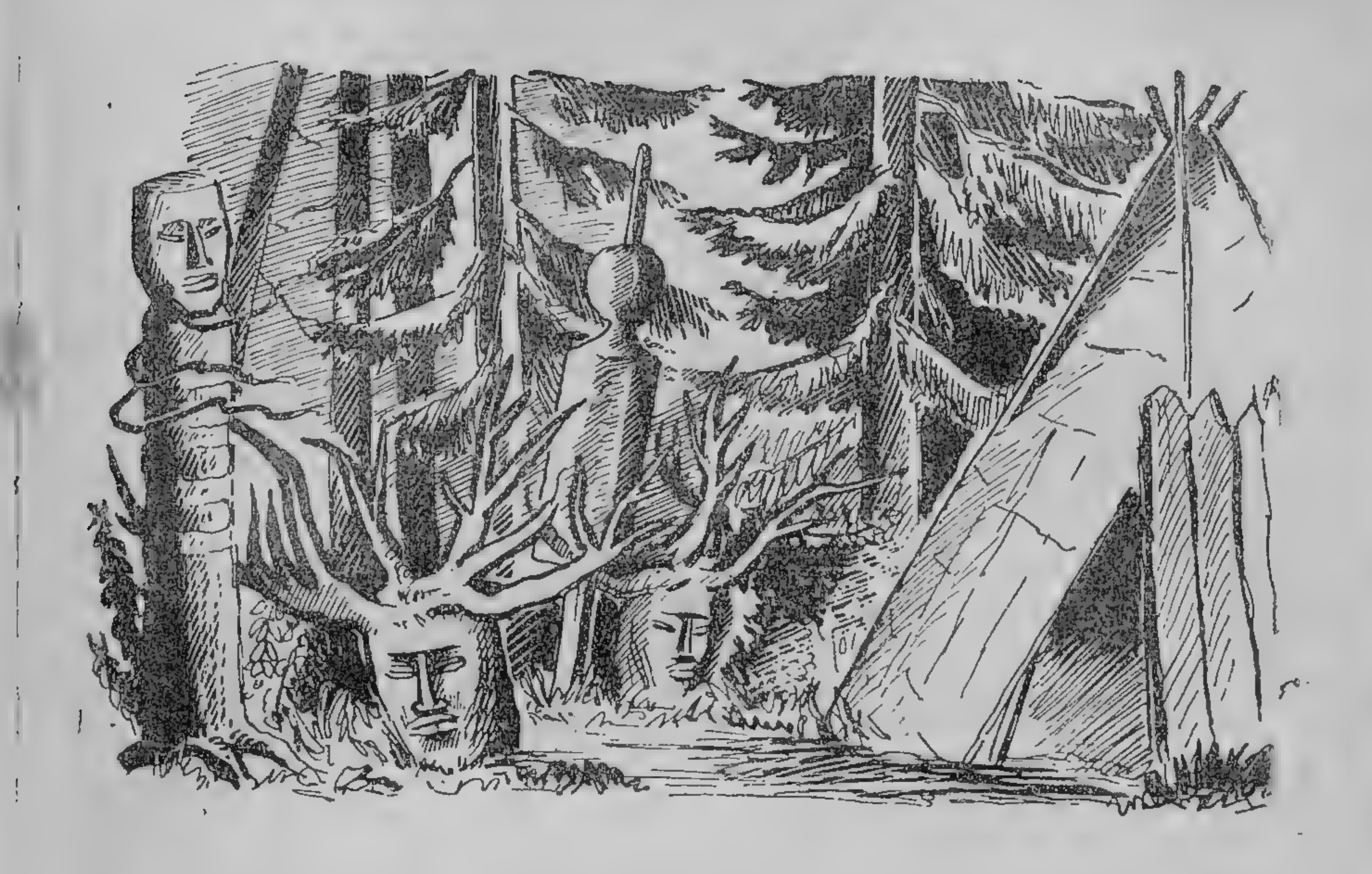
Разбор дела начинает самый уважаемый и почтенный старик всей области (чжангé). Он идет сначала к стороне, к которой принадлежит виновный, и в кратких словах говорит о происшествии, а затем приглашает их защитника итти вместе с ним к обиженным. Перейдя к этим последним, чжангé предлагает им выслушать его и выслать с своей стороны оратора. Первый начинает излагать обстоятельства, уменьшающие вину преступника. По уходе его защитник обиженной стороны идет к виновной стороне и старается убедить их в ошибочности взглядов. Так переходят эти ораторы от одной стороны к другой и защищают интересы своих клиентов. Один старается выговорить штраф побольше, другой уменьшить его.

Во время процесса в случае неуступок одной из сторон ораторы-защитники грозят прервать переговоры. Все же обычай требует, чтобы такое пререкание было возможно длительнее и чтобы ораторы несколько раз делали вид, будто хотят ломать жезлы, что должно повлечь за собою снова открытие военных действий.

Наконец обе стороны приходят к обоюдному соглашению. Виновный в убийстве, а если он не в состоянии, то вся его семья или весь род должны заплатить семье потерпевшего примерно: восемь котлов, шесть копий, тридцать расшитых одежд и тридцать соболей. После этого со стороны виновных для того, чтобы все же кровь была пролита, убивается несколько собак, и инцидент считается исчерпанным. Так у них теперь разбираются и все дела, все тяжбы, нарушающие их патриархально-коммунистический строй, например случаи похищения женщин, захват чужого места охоты и т. п.

Штрафы (байта) имеют более широкое применение в жизни удэхейцев, чем можно это думать. Всякие мелкие нарушения принципа родового строя, патриархальности семьи, единства крови или культа предков

разрешаются самими удэхейцами без всякого суда, и ни одной из сторон не приходит в голову оспаривать эти обычаи, освященные предками и веками. Например, штраф платится за опрокинутый берестовый ковш с водой в юрте хозяина, за забытое оружие, за взятый по рассеянности чужой кисет, за то, что гость нечаянно упадет в чужом доме, а также, если удэхеец, проходя мимо, видит открытую дверь в юрте и не зайдет в нее. За все платится штраф не более одного котла или одной расшитой рубашки. За похищенную девушку—десять рубашек и один котел, помимо калыма (тори) по уговору, причем девушка остается женой похитителя, если нет нарушения принципа единства крови. За похищение замужней женщины или насилие платится десять рубашек, три копья и два котла; женщина возвращается к мужу, а виновного бьют палками.

МИРОСОЗЕРЦАНИЕ

Сказание о происхождении удэхейцев. — Тотемные животные. — Месть медведю. — Хозяин морей. — Небесные светила. — Шаманство. — Севоны. — Душа — тень. — Загробный мир. — Похороны.

Все удэхейцы—анимисты. По их воззрениям, в природе нет ничего неорганического—все органическое, все живое и все человекоподобное. Сама по себе земля есть колоссально живое существо (муцелянп). Голова земли находится на северо-востоке, а ноги — на юго-западе. С этой точки зрения им понятны землетрясения. Вот почему удэхейцы никогда не задаются мыслью искать на земле начало жизни. Земля сама жизнь, и потому все на ней должно быть живое и все человекоподобное.

По воззрениям удэхейцев, утесы и отдельные скалы—тоже люди, жившие раньше, но окаменевшие. Глядя на быстро бегущую воду в реке, удэхейцы видят в ней живую силу: то тихую, то бурную, то бешеную, то

покойно несущую на своих волнах хрупкую лодку, то размывающую скалы и ломающую вековые деревья.

Когда удэхейцы плывут на лодке или идут по тайге, они все время рассказывают друг другу, с кем что случилось, кто что видел, и по прихоти своего суеверия населяют тайгу разными чудесными существами.

Они кругом видят жизнь. Смерти нет. Она возможна только от козней злых духов. Вот почему охотник, найдя в тайге мертвого соболя, не тронет его и поспешно уйдет на другое место.

Лодку можно долбить из живого дерева, при этом и рубят его с особыми заклинаниями. Дерево, принесенное водою, мертво. Великая опасность грозит человеку, который позарится на плавник и сделает из него себе лодку.

Глядя на следы соболя, лисицы или выдры, удэхеец видит, как каждое животное, спасаясь от преследования охотника, хитрит, путает свои следы и старается обмануть человека. Глядя, как бурундук в ясный день выносит на солнышко орехи, грибы и корешки, сушит их и снова уносит в норку, он задумывается и видит в каждом животном разум и волю, и потому оно нисколько не ниже человека. Оно человекоподобно, только наружная оболочка его другая. Высшее божество—бо эндули. Оно бессмертно. Кроме него, есть еще и второстепенные боги. Это будут: 1) хэгуху эндули, он ведает всей природой на земле в том числе и растениями; 2) буй эндулини—покровитель животного царства. Последнему подчинены два лесных духа: буй адзани—хозяин зверей, которого удэхейцы представляют в человекообразном виде, но со звериной головой, с густой шерстью на плечах и на шее и с хвостом; другой дух—онку — это страшный дух, преследующий охотников. Место обитания его можно сразу узнать. Здесь, на сопке, часто кричит заяц, днем ухает филин или лает собака. В тихую погоду завывает ветер и слышно, как шумят лыжи, кто-то свистит и бросается камнями, там слышны удары топора, скрип полозьев нарт и человеческие голоса. Тогда охотник заболевает. Надо как можно скорее уходить подальше от проклятого места, скорее устраивать бивак и с помощью особых заклинаний изгонять злого духа. Чем дольше держать его в

себе, тем труднее потом будет освободиться от болезни. Кусунские удэхейцы говорят, что онку является начальником всех зверей и птиц. Он же посылает людям соболей на охоте. Они изображали его так, что нижняя часть тела его—пень с корнями, а верхняя человекообразная. Это человек пожилых лет с копьем и стрелами в руках. Людям он не делал зла.

Богом моря является седой старик гинихи. Он хозяин рыб и морских животных (сюгзаа́-адзани). Он посылает касатку нагонять рыб в реки и т. д.

Перед началом рыбной ловли удэхейцы где-нибудь на песчаной отмели ставят палку, которую раскалывают немного сверху. В расщелину ее втискивают плоский камень, на который кладут горящие угли, сало, нос и рыбий хвост. Это жертва сюгзаа́-адзани.

После этих трех добрых богов следует целый сонм злых духов, которые мешают людям жить спокойно. Горный дух—какзаму. Удэхейцы представляют его себе худотелым великаном, на тонких кривых ногах и с головой редькообразной, обращенной тонким концом кверху.

Какзаму обитает в самых истоках рек среди скал и осыпей. Он хватает людей, превращает их в камни (када́-ни) и заставляет окарауливать сопки.

Нам понятны тот страх и волнение, которые охватывают удэхейца, когда он случайно попадает в скалистое ущелье. В руках у него факел из бересты. При малейшем намеке на опасность он зажигает его и торопливо проходит страшное место, оглядываясь на утесы, имеющие человекоподобную форму.

Чорт—бокó—это горбатый карлик, на одной ноге и с одной рукой. Он живет в болоте. Благодаря его козням, люди часто блуждают в лесу и не могут найти дороги.

В глухом лесу среди гор живет багди—дух небольшого роста. Он весь в волосах, покрыт шерстью. Особого зла он людям не делает, но всегда устраивает разные каверзы. Каждый знает, что, если с ним случилась какая-нибудь новость, значит, это дело рук багди.

Самый ужасный злой дух—окзó. В виде страшной птицы с железными крыльями, с железным клювом и

с железными зубами, он с быстротой молнии летает по всему свету.

Великие несчастья он причиняет людям.

Злые духи стараются напасть на шамана и ворваться в его дом. Для защиты от них он делает тун. Тун—это лиственное дерево, лишенное мелких ветвей. С него снимаются кора и древесина, правильными чередующимися кольцами. Это лестница, по которой взбирается севон (дух) шамана, чтобы сверху посмотреть, не видно ли где окзо. По середине ствола обычно вырезается человеческое лицо. Оно означает, что внутри дерева сидит дух, помогающий шаману, и как бы через отверстие смотрит наружу. На вершинах ветвей укрепляются деревянные изображения человека, зверей и птиц.

Если случилось несчастье и шаман погиб со всею семьей, в жилище его поселяется чорт. Тогда он овладевает деревом тун и сам взбирается по стволу наверх для осмотра окрестностей. У туземцев в прибрежном районе между рр. Такемой и Кусуном тун ставился специально для того, чтобы окзо не вторгся в жилище шамана. Вот почему удэхейцы боятся мест, где стоят покинутые тун. Они не ходят туда ночью, да и днем стараются обойти их стороною.

Гром—агды, это дух, изрыгающий пламя изо рта и имеющий вид змеи с лапами и с крыльями. Если окзо долго находится в одной местности, эндули посылает агды, и гром гонит чорта. Окзо в страхе убегает. Вот почему на футлярах шаманского бубна всегда изображен гром в виде дракона с огненной пастью.

Сидит ли удэхеец у огня, он смотрит, как двигаются языки пламени, колеблющиеся и замирающие, то короткие, то длинные. Он видит, как из углей образуются фантастические гроты и скалы, как все это быстро меняется, принимает другую форму и рушится. Он задумывается и приходит к убеждению, что огонь есть тоже жизнь. В каждом роде—свой огонь. В каждом костре сидит старуха огня—жудзá мамасá. Иногда слышно, как она поет тоненьким голосом. Гнев ее выражается ожогами и пожаром. Поэтому огонь нельзя резать ножом, ворошить палкой, рубить топором, заливать водою, можно только поправлять щипцами, и во-

обще с ним следует обращаться осторожно. Уносить огонь из юрты разрешается только мужчине-сородичу. У стариков хранится родовое огниво, которое передается в наследие из поколения в поколение. В этом огниве скрыта чудесная сила огня. Покойному в гроб также кладется огниво, которое он и уносит с собою в царство теней.

Среди зверей есть запретные (тотемные) животные. Впереди стоят медведь и тигр. Это очень отдаленные сородичи.

Чрезвычайно интересно сказание о происхождении удэхейцев.

Некогда жил на земле один человек Егда со своею сестрою. Других людей не было. Однажды сестра говорит брату: «Ступай, поищи себе жену». Брат пошел. Шел он долго и вдруг увидел юрту. Войдя в нее, он увидел голую женщину, очень похожую на его сестру. «Ты моя сестра?» спросил Егда. «Нет», отвечала она. Егда пошел назад. Придя домой, он рассказал сестре все, что с ним случилось. Сестра ответила, что виденная им женщина чужая и в этом нет ничего удивительного, потому что все женщины похожи друг на друга. Брат снова пошел. Сестра сказала, что и она пойдет в другую сторону искать себе мужа. Но окружной тропой обогнала брата, прибежала в ту же юрту, разделась и села опять на прежнее место голая. Брат пришел, женился на этой девушке и стал с нею жить. От этого брака родились у них мальчик и девочка. Однажды в отсутствии отца мальчик играл на улице и ранил стрелою маленькую птичку чинзипи. Она отлетела в сторону, села на ветку дерева и сказала: «Зачем ты меня ранил?» Мальчик отвечал: «Потому что я человек, а ты птица». Тогда чинзипи сказала: «Напрасно ты думаешь, что ты человек. Ты родился от брата и сестры, и потому ты такое же животное, как и все прочие...» Мальчик вернулся домой и стал рассказывать об этом своей матери. Последняя испугалась и велела сыну ничего не говорить отцу, иначе он их обоих бросит в реку... Когда вернулся отец, мальчик начал было говорить о случившемся, но мать закричала на него: «Что ты болтаешь? Отец пришел усталый, а ты говоришь глупости!..» Мальчик замолчал.

Ночью, когда все легли спать, отец стал расспрашивать сына, что с ним случилось... Мальчик рассказал все. Тогда Егда понял, что сестра его обманула. На утро он на лыжах пошел в лес, нашел крутой овраг, раскатал дорогу и на самой лыжнице насторожил стрелу. Вернувшись домой, он сказал сестре: «Я убил сохатого, ступай по моему следу, спустись в овраг и принеси мясо...» Сестра одела лыжи, пошла, скатилась в овраг и убила сама себя стрелою. Тогда Егда взял сына и дочь и понес их в лес. Скоро в лесу он нашел дорогу, по которой всегда ходил медведь, и бросил здесь девочку. Дальше он нашел дорогу, где ходила тигрица, и бросил там мальчика, а сам пошел к реке и бросился в воду. Девочку подобрал медведь и стал с ней жить, как с женою, а мальчика подобрала тигрица и стала жить с ним, как с мужем. От первого брака произошли все удэхейцы. Второй брак был бездетным. Вот почему все удэхейцы считают медведя своим родоначальником, вот почему оба эти животные и стали тотемными. Медведь дал людям законы для жизни, тигрица научила мальчика, где находить зверя и как охотиться на него.

По другим сказаниям, медведь воспитал девочку и нашел ей мужа—человека. Мальчика же вскормила тигрица. Когда он подрос, она стала учить его охоте на зверя. Однажды он принес убитого им кабана. Тогда тигрица сказала ему: «Теперь ты можешь сам жить, я вскормила тебя. Поэтому на будущее время никогда не трогай тигров». Сказание говорит дальше. Как-то раз на охоте юноша, воспитанный тигром, увидел медведя и смертельно ранил его стрелою. Умирая, медведь сказал ему, что он был мужем его сестры и сделал завещание: чтобы на будущее время никогда не давать сестре есть мясо медведя, убитого братом, чтобы женщина никогда не спала на шкуре его. Все это до сего времени строго соблюдается удэхейцами.

Теперь перейдем к празднику съедения головы медведя. Если медведь был убит далеко, то непременно надо взять его голову. Бросить голову—великий грех. Охотник, убивший медведя, собирает всех окрестных удэхейцев в свою юрту; иные приезжают издалека.

Дня за два до праздника женщины приготовляют во

множестве разные яства. Надо кормить всех гостей до-отвала. Сваренную голову медведя завертывают в его же шкуру, шерстью наружу, и перевязывают тонкой веревкой. На этом празднике не должно быть спирта— это грех.

Когда гости все в сборе, охотник, убивший медведя, передает голову зверя любимому зятю. Последний, приняв ее, ставит перед собою на нары. Обычай требует, чтобы принявший голову некоторое время отказывался от сделанной ему чести. Его долго уговаривают. Наконец, уступив просьбам гостей, он подымает голову и прижимает к своей груди, затем ставит ее на прежнее место и разрезает ножом веревки. Развернув шкуру, он отделяет возможно большой ломоть мяса от щеки с наружной стороны головы, делит его на столько равных частей, сколько гостей присутствует на празднике. После этого он берет длинную заостренную палочку, надевает на нее мясо по одному кусочку и подает его по очереди каждому гостю, обходя хозяина.

У кусунских удэхейцев самый старший в роде подает кусочек мяса на острие ножа, и первый кусок подается самому охотнику. При этом старик говорит свои пожелания счастливой охоты и на будущее время.

После этого медвежью голову едят все, кроме охотника и женщин. Великий грех уронить на пол мясо. Если хоть капля сала упадет на дерево, место это выскабливается ножами и выжигается огнем. Когда череп будет совершенно очищен, хозяин опускается на одно колено. Против него, тоже на одно колено, становится тот, кто свежевал голову и раздавал гостям на палочке мясо. Этот последний, взяв в руки теперь уже голый череп медведя, с рычанием, изображающим рев зверя, быстро передает его в руки хозяину.

Хозяин, приняв череп, прижимает его к своей груди, выносит на улицу и укрепляет его на шесте так, чтобы не достали собаки.

Женщинам воспрещается присутствовать на празднике. Они уходят к соседям и возвращаются домой только тогда, когда голова будет вынесена из юрты.

Раз медведь олицетворяет сородича, то к нему, следовательно, применимы и все обычаи людей. Например, кости его хоронят, для чего делается особый гроб в

виде сруба. Впоследствии удэхейцы стали медвежьи кости складывать в дупла деревьев и топить в реке. В тайге черепа медведей закладывают в развилки деревьев, повыше от земли, предварительно обвязав их мелкими хвойными ветками. Ветки эти имеют двоякое назначение: они изображают кожу с шерстью на голове зверя и замаскировывают череп от глаз хищных птиц.

Медведю, покусившемуся на жизнь охотника, полагается мстить так же, как и человеку. Если медведь растерзает охотника, то удэхейцы не успокоятся до тех пор, пока не убьют виновного зверя. Только тогда душа усопшего попадает в царство теней. Догнав животное, охотники выкалывают ему глаза и обрубают когти, мясо его бросают на съедение воронам и собакам. Шкура также бросается в лесу. Люди вырезают у него сердце, поджаривают его на огне, разрезают на части и разбрасывают по сторонам. Это знак высшего пренебрежения и ненависти. Череп пробивается и вешается на дерево, поставленное для чорта окзо́.

Третьим тотемным животным будет касатка тему (Orca gladiator)[1]. Тему боятся все морские обитатели. Перед ней все трепещут, от нее нет спасения, и ластоногие (сивучи и нерпы) бегут и натыкаются на охотника. Вот почему удэхейцы, как только завидят касатку, молятся ей, просят не трогать их и бросают в воду спички, листочек табаку или кусочек сахару в виде жертвы. Они очень боятся пустых лодок, выброшенных волнением на берег. Это одежда, внешняя оболочка тему. Он сбросил ее с себя и пошел бродить по лесу. Величайшей опасности подвергается человек, если вздумает присвоить себе такую лодку.

У удэхейцев много предрассудков и разных примет. Эти предрассудки пугают их, заставляют всего остерегаться, всего бояться. Например, нельзя носить унты из бычьей кожи—обидится сохатый. Белку можно жарить только вверх головою, а рыбу, обратно, вниз головою. Нельзя играть костями кита, выброшенными на берег,—море будет сердиться. Нож, которым пришлось освежевать сивуча, нельзя носить при себе во время

[1] Крупный вид дельфина, один из самых страшных хищников северных морей. (Ред.)

охоты на медведя. Нос соболя, при снимании шкурки, надо оставлять на теле животного; то же самое относится и к нерпе. Ранения и язвы нельзя показывать женщинам и т. д.

Ночное небо со множеством светил заставило лесных людей распределить все звезды на созвездия и создать свой зодиак: млечный путь—Буа-гидыни. Это следы лыж старого Канда и молодого Егда. Раньше небо было низко; Канда и Егда отправились, шли много лет; вдруг небо стало медленно подниматься и ушло ввысь, а охотники так и не вернулись на землю. Удэхейцы знают о том, что полярная звезда—Буа-наммини—неподвижна и находится на севере. Большая медведица—Цзали-бангани — состоит из семи звезд: четыре образуют амбар (цзали), медведь идет красть рыбу, а люди его преследуют. Кассиопея (Орбэ)—сохатый. Весы (Куhи)—лебедь. Плеяды (Нада́-одега́)—семь девиц и т. д.

Высшее божество (бо эндули) никогда не снисходит к людям. Удэхейцу приходится иметь дело только с низшими богами. Если у него идет жизнь благополучно, значит, ему помогают родовые боги. Но иногда в его жизнь вторгаются злые духи и нарушают спокойствие.

Вот почему при всяком несчастьи, при всякой неудаче удэхеец забывает о существовании своего доброго бога и прежде всего старается изгнать чорта. Иногда это удается ему сделать самостоятельно, но если чорт силен и изгнать его он сам не может, то прибегает к помощи шамана (сама). Вот почему во всякой почти семье есть бубен, вот почему в каждой почти семье есть кто-нибудь, кто хоть немного умеет камланить. Но это далеко не шаманы. Шаманов очень мало; они все наперечет. «Он мало-мало шаман», говорит удэхеец. «Он большой, крепкий шаман (сагды-самани)», говорит он про настоящего шамана.

Шаманство не есть религия, это особая форма психоза, которая должна исчезнуть вместе с той почвой религиозного миросозерцания, на которой она зародилась.

С нашей точки зрения, все шаманы неврастеники и дар свой получают наследственно.

На р. Амуре и вообще в сфере влияния русских и китайцев шаманство стало быстро подвергаться разложению, и уже недалеко то время, «когда этнографы, лишившись живых видимых источников, должны будут, подобно историкам и археологам, пользоваться вещественными остатками для воссоздания быта, уже не существующего» [1]. В глубине гор и лесов, в стороне от больших водных путей и грунтовых дорог, шаманство еще сохранилось. На Амуре шаманы пляшут для забавы по заказу, смеются сами и над ними смеются. Это ловкие люди, часто ленивые и не верящие тому, что сами прорицают во время к а м л а н и я. В истоках рек, у самого подножья Сихотэ-Алиня, где удэхейцы сохранились в большей чистоте, там мы видим совсем иное отношение к шаманству.

Шаманство — это страдание, которое будет сопровождать человека всю жизнь. Настоящий шаман глубоко убежден, что духи являются ему во сне и указывают, что надо сделать, чтобы помочь людям, как изгнать чорта, как найти пропажу, дать добычливую охоту или исцелить тот или иной недуг.

Если молодой человек, еще не достигший полного физического развития, становится молчаливым, начинает задумываться, тосковать, худеть и плакать по ночам, его жалеют, ибо знают, что он будет шаманом.

В 1907 году в прибрежном районе на р. Кусуне я имел возможность видеть, как один юноша сделался шаманом. Когда родители поняли, каким тяжким и неизлечимым недугом он заболел, они послали за шаманом на р. Уленгоу. Если этого не сделать, человек будет худеть до тех пор, пока не умрет. Прибывший шаман в тот же вечер стал камланить и вызвал другого шамана с р. Нахтоху. По прибытии последнего они вдвоем вызвали третьего шамана с р. Такемы. Вот все три шамана в сборе. Ночь они провели в бодрствовании, а перед рассветом после камлания погрузились в сон. Их никто не будил до тех пор, пока они сами не проснулись. Когда встал последний шаман, они стали

---

[1] В. М. Михайловский, «Шаманство». Сравнительно-этнографические очерки. Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, том XII, 1892 г., стр. 4.

рассказывать друг другу свои сны. Один видел кости кита, другой—красную скалу, третий—сухостойный лес, много раковин, холодный источник, голую сопку и т. д Сопоставляя виденное во сне, они старались угадать, где в ближайшем районе все это находится. В совещании принимали участие все старики и охотники, хорошо знающие окрестности. Наконец такое место было найдено. Это устье р. Суданэрл около мыса Арка. На следующий день шаманы отправились туда, захватив с собою больного. Там ежедневно на рассвете, до восхода солнца, и вечером, после заката его, они силой заставляли юношу камланить. Один шаман держал его за плечи, второй втискивал ему в руку колотушку и третий заставлял бить в бубен. С юношей в это время происходили сильные припадки, он в корчах кричал, метался и впадал в глубокие обмороки. Наконец после одного из таких насильственных камланий он погрузился в долгий и глубокий сон. Он спал и (по его словам) видел во сне духа, который сказал ему: «Ты будешь служить мне, а я стану помогать тебе». Когда юноша проснулся, он попросил бубен, сам стал бить в него колотушкой и запел шаманскую песню. Болезнь его прошла, и с этого момента он сделался шаманом.

Севон — это дух; севохи — изображение духа. Название их бурханами, идолами совершенно неправильное.

Обычно чорт принимает вид какого-нибудь живого существа и в таком виде входит в человека и мучает его. Например: удушье по ночам, истерика, нервные припадки и т. д. Из всех болезней самая страшная— падучая с судорогами. Это лисица-чигали. Видеть ее нельзя. Она севохи злого духа. Проникнув в тело человека, чигали тянет жилы. Не всякий шаман может изгнать эту лисицу. Это делается в полночь, при затушенном костре. Заблаговременно из сухой травы по указанию шамана делается изображение лисицы, которое называется фуданку. После камлания при криках: Эhe-э-э, чучело выносится наружу, ставится где-нибудь подальше в стороне; иногда фуданку разрывают на части и развеивают по ветру. Так делал шаман на р. Такеме в 1907 году.

В случае, если удэхеец имел несколько раз подряд неудачу на охоте, он идет к шаману и рассказывает ему о происшествиях. Во время камлания, когда шаман находится в состоянии автогипноза, он видит, как перед ним проходят разные духи в образе зверей, людей и птиц. Он погружается в сон и, очнувшись, комбинирует виденное в одном образе. Вот почему каждый раз необходимо точно расспросить как самого шамана, так и больного, для чего сделан тот или иной севохи или фуданку и какое значение имеют те или другие его особенности. Например: севохи, имеющий вид человека с медвежьей головой, с железными зубами и крыльями. Крылья у него для того, чтобы севохи мог летать и догнать чорта, железные зубы затем, чтобы он мог вступить в борьбу. Охотничьи принадлежности привязаны к поясу, так как севохи в поисках за чортом придется совершать длинное путешествие по тайге и ночевать биваками и т. д.

Кроме того у удэхейцев есть еще мяонки. Это тоже нечто вроде севохи, но малого размера. Делаются они против разных болезней, но не ставятся в юрте, а пришиваются к одежде с внутренней стороны. Мяонки делаются по указанию шамана и представляют собою изображения людей, зверей, птиц, змей, рыб, насекомых, а чаще всего это какие-нибудь отвлеченные предметы: пуля с кусочком красной тряпочки, три шпильки, нашитые на лоскуток кожи, пружина от ружейного замка, зашитая в беличий мех, и т. д.

Жилище шамана обставляется особыми севонами. На самом видном месте стоит огромный севохи мангни[1], именно тот, которому служит шаман и который помогает шаману в камлании. У него на груди сделаны изображения металлических зеркал (толи). В них отражаются злые духи, приближающиеся к дому шамана. Мангни пустотелый, что означает голод. Он должен пожрать чорта. Сердце у него сделано в виде птицы. Оно должно трепетать так, как бьется привязанная птица. Сбоку изображение жабы. Без этого знака севохи будет безжизненным куском дерева. На ногах вы-

[1] В слове м э н г н и буквы нг произносятся вместе с носовым звуком.

резаны ящерицы (эhелля)—символы быстрого движения. Ноги должны двигаться так же быстро, как бегают ящерицы в теплый солнечный день. Руки обернуты змеями, чтобы они не были ломкими; на руках шесть пальцев, чтобы крепче держать копье, и т. д. Рядом с мангни стоят два его помощника об одной ноге. На голове у них прикреплены огромные пешни в роде мечей. Они без рук, чтобы всю силу удара могли сосредоточить в голову.

Множество изображений медведей, тигров, людей разбросано там и сям по земле. Черепа медведей, медвежьи лапы повешены на деревья и т. д. Перед юртой стоят выкорчеванные пни, воткнутые в землю стволами и вверх корнями (накасэ). На этих пнях вырезаны грубые подобия человеческих лиц, самые корни изображают волосы. Тут же, где-нибудь поблизости, стоят две или три лиственницы без сучьев и с кольцевыми вырезами по коре. Иногда на лиственницах укреплены деревянные птицы—куан[1]. На дороге, ведущей к юрте, поставлены колья с изображением человеческих голов (цзайгда); они тоже отражают жилища шамана от посягательств чорта.

Необходимой принадлежностью шаманского костюма является короткая юбка из нерпичьей кожи, отороченная по подолу цветной полосой, на которой опять-таки нашиты люди, звери и птицы.

Чорта надо запугать сильным шумом, для чего шаман одевает тяжелый пояс, увешанный множеством железных трубок, подымающих во время пляски неистовый лязг. Его надо запугать страшным видом, для чего служит маска, отороченная мехом медведя. Чорта может прогнать только гром. Этот гром шаман изображает с помощью бубна (ункту). Бубен представляет собой обруч, обтянутый с одной стороны кожей, а с другой имеются веревочные крестовины в виде змей, обращенных в разные стороны головами. Шаман держит бубен в одной руке за крестовины, а в другой колотушку в виде тоненького загнутого валька, обтянутую мехом выдры, с изображением быстроногих ящериц.

[1] Куан произносится не с носовым звуком.

В бубне таится великая сила—гром. Когда она оставляет бубен, кожа с треском лопается. Это великое несчастье. Шаману угрожает смертельная опасность. Тогда чорт имеет свободный доступ в его жилище. Для предохранения бубна от порчи его держат в берестяном футляре, на котором изображены змея с крыльями (агды), медведь (мафá), тигр (амбá), бездна (сунктá) и властитель морей (тему).

Удэхейцы полагают, что у каждого человека есть две тени: одна световая, другая астральная. Последняя имеет вид того человека, которому она принадлежит. Если тень его оставит, он теряет рассудок и становится сумасшедшим. Тень удаляется в загробный мир. Не всякий шаман может вернуть ее обратно.

Это чрезвычайно трудное дело и под силу только очень сильному шаману.

В 1909 году, зимой, когда я шел по р. Анюю около притока ее Тормасунь, мне удалось присутствовать при одном таком камлании. Дело было так. Один молодой удэхеец шел при луне по льду реки и вдруг увидал, что от него отделился такой же человек, как он сам, и бросился в сторону. Больной страшно испугался, еле добрался до своей юрты, лег на пол и стал заговариваться.

Тотчас родные послали за шаманом, который оказался живущим недалеко. Всю ночь и весь следующий день больной метался в бреду. Вид у него был дикий, испуганный...

На третий день, когда на западе угасли последние отблески вечерней зари, пришел шаман, и начались приготовления к камланию. Женщины взяли листья багульника, зажгли их так, чтобы они не горели, а тлели, и поставили к ногам шамана. По всей юрте распространился едкий ароматический дым смолистого растения. Затем два удэхейца взяли в руки тлеющие листья багульника и стали ими обтирать одежду шамана, начиная от головы и кончая подошвами его обуви. Пока делались эти приготовления, одна старуха нагревала кожу бубна над огнем и слабыми ударами колотушки пробовала, достаточно ли она натянулась.

Огонь в юрте был притушен, в очаге оставались одни тлеющие угольья. Наконец очищения были кончены.

Шаман надел юбку, нагрудник, на голову нацепил длинные ленты из стружек (куаптэля) и подвязал позвонки к поясу. Он сел у огня и, прислонив лицо к коже бубна, начал петь свою песню. Пение его было похоже на плач и чрезвычайно напоминало причитывание, которое в детстве мне приходилось слышать в деревне у русских женщин на могилах их родственников. Наконец началось и самое камлание. Шаман встал, начал сильно бить в бубен, он как будто пел и плакал в то же время. Он сильно потрясал позвонками и плясал вокруг угасавшего костра. Пение его становилось громче, удар в бубен сильнее и пляска неистовее. От музыки его становилось жутко. Он говорил неясные и не всем понятные слова. Шаман летел в загробный мир. Севон, которому он служил, помогал ему в этом трудном путешествии. На дороге встречалось ему много препятствий. Он блуждал в горах, попадал в болота, шел по лесу во время тумана, то переплывал реки, то встречал тигра и т. д. Глаза шамана были закрыты, лицо покрылось потом и имело изможденный вид. Но вот он достиг царства теней. Пение его стало тихим, печальным. Теперь шаман стоял на коленях. На минуту он замолчал. Присутствующие сообщили, что сейчас шаман приступит к отыскиванию тени. Перед ним много теней; это души умерших, и все они похожи друг на друга, только травматические повреждения, которые когда-либо человек получил в бытность его на земле, сохраняются и по ту сторону смерти. Шаман должен среди этих теней отыскать пропавшую. Вдруг он заговорил: «Больной десять лет назад порезал ногу, у него шрам на правой ступне». Родственники не подтвердили. «У него на правом плече родимое пятно...»—«Неверно», отвечала мать.—«На левой ноге раньше мизинец был отморожен...»—«Да, это было», сказал отец. «На охоте медведь помял его, следы когтей остались у него около бедра».—«Тоже было».—«Ребенком он ушиб колено» и т. д. По этим признакам шаман нашел душу. Тогда он поднялся и стал подходить к больному с пляской. Сумасшедший пришел в большое волнение: он бился и царапал себе грудь, но не вставал с земли. Шаман вытянул над огнем свой бубен, и вдруг я увидел на нем какое-то небольшое черное животное, похожее на мышь.

Зверек быстро бегал по кругу и, несмотря на то, что шаман наклонял бубен, маленькое животное царапалось по коже и взбиралось к обручу, не падая на землю. Тогда шаман направился к душевнобольному и сбросил черное животное на раскрытую грудь бесноватого. Женщины быстро запахнули халат. После этого шаман взял прутик, привязал к нему обрывок бересты, намазанной сажей, и стал читать свои заклинания, несколько раз проводя этой берестой по лежащему на земле больному, от головы до ног и обратно. Обряд был кончен—тень найдена и возвращена человеку.

Теперь шаману предстояло спуститься на землю. Иногда спуск бывает медленный и тихий, иногда на пути встречаются опять препятствия. Иногда же спуск бывает быстрым и похож на падение. В данном случае шаман метался, кружился, затем прыгнул в самую середину огня и ногами разметал уголья в разные стороны. Шаман упал на землю в изнеможении. Больной спал тоже. На другое утро он выздоровел совершенно.

Вне всякого сомнения, что целый ряд нервных заболеваний шаманы могут излечивать с помощью гипноза. Допустим, шаман знал больного и, вероятно, уже не один раз излечивал его от недуга. Болезнь протекала каждый раз в одном и том же порядке, и он вперед знал, чем все это кончится.

Но черный зверек, которого я видел? Очевидно и я попал под влияние общего гипноза.

По представлениям удэхейца, все живое на земле имеет душу.

Со смертью душа оставляет тело, но не уходит далеко, а витает некоторое время около юрты, ожидая, когда шаман отведет ее в загробный мир. Это тоже очень трудное дело. Только настоящий шаман может выполнить эту миссию. Шаман на пути также встречает неимоверные трудности, нередко возвращается обратно и на другой день вновь начинает странствование. Если шаман не доставит душу на тот свет, она будет скитаться по земле и перейдет во власть чорта, сама сделается чортом и будет вечно мстить своему роду.

Загробный мир (буни) находится очень далеко, в той стране, где солнце во время заката скрывается за горизонтом.

Там душа в течение одного поколения живет такою же жизнью, как и на земле, люди так же ловят рыбу, так же охотятся, женятся и снова умирают. После второй смерти душа становится меньше и уносится еще дальше на запад, где снова живет одно поколение, опять умирает и опять летит на запад, становится все меньше и меньше, пока и совсем не исчезнет. Вот почему на могилу покойного кладутся все его вещи. Все они должны быть поломаны, изорваны и вообще испорчены. Вещи эти будут нужны покойному так же на том свете, как и на этом.

Удэхейцы особенно тщательно рассматривают мелких насекомых, например тлю. Она мала, ничтожна, и, следовательно, находится накануне полного исчезновения. Где-то есть другой мир, где тля была огромным животным. Ныне земля для нее—последняя стадия жизни.

Как только человек начинает умирать, его предоставляют самому себе. Все люди уходят из юрты и не возвращаются до тех пор, пока умирающий не испустит последнего вздоха. Тогда покойника начинают одевать: мужчин одевают в нечетное число пар одежд, женщин в четное.

После смерти умершего тотчас же выносят из дому через пролом в стене, но не через дверь. Над усопшим спешно ставится маленькая юрта, которая со всех сторон окружается стружками, прикрепленными к жердям. Эти стружки охраняют душу от посягательств злого духа. Со смерти покойника в доме его родственников бессменно должны быть посторонние люди, которые непременно должны говорить, в противном случае в юрте умершего найдет себе пристанище чорт окзо́.

Отца хоронить должен непременно старший сын, в отсутствие его—младший, наконец кто-либо из родичей и только в отсутствие этих последних—чужеродцы. Хоронят безотлагательно и тотчас же, как все будет готово. Покойника кладут в гроб, сделанный в виде лодки, потому что душе придется переплывать моря и реки, а голова обкладывается мхом, высушенным на огне. В ноги кладут разбитый котел, а в изголовье и по сторонам спички, ложку, разбитую чашку, трубку и маленькую котомку для загробного путешествия. Покойника обертывают материей, если есть таковая, и кла-

дут в гроб, который сверху забивается досками, обвертывается берестой, обвязывается ремнями и ставится на два пня на три четверти метра от поверхности земли. Над гробом делается крыша из досок или корья, чтобы дождевая вода не могла туда проникнуть. Под крышу кладутся нарты, лыжи, копье, стрелы, оморочка, сетка, острога, весла и т. д. Ружье посылать нельзя, потому что с этим оружием душа не попадает в царство теней.

Гроб ставится так, чтобы покойник головою лежал на запад, а ногами к востоку, лицом к восходящему солнцу. Впереди гробницы нередко выставляются севохи, опять-таки как результат снов шамана или снов ближайших родственников, а в особенности в том случае, если во сне снился сам покойник.

Во все время от момента смерти до окончания похорон, что занимает около двух суток, необходимо время от времени камланить и отгонять чорта от души усопшего.

Если появится оспа или какая-нибудь другая заразная болезнь, удэхейцы торопятся хоронить покойников и всех без исключения закапывают в землю.

Детей всегда хоронят на воздухе, но гробы не ставят под крышу, а укрепляют в развилках между двумя деревьями.

Если гроб ребенка закопать в землю, женщина более не будет иметь детей.

Как только обряд погребения совершен, все люди, кто прикасался к покойнику, совершают омовение головы и рук и бросают в огонь всю свою одежду, равно бросаются также и все предметы, которые употреблялись при работе: топоры, пилы, нарты и лодка, если на ней перевозили гроб за реку.

На могилы своих родственников удэхейцы никогда не ходят, вблизи их они не охотятся, не стреляют, не рубят деревьев, не мнут траву и не собирают ягод.

Вся семья усопшего, а равно и все родственники носят траур.

Женщины распускают свои косы и нашивают на одежду белые полоски.

Мужчины, вместо двух кос, носят одну и тоже вплетают в нее белую тесемку.

В юрте на том месте, где жил усопший, вешается его

совершенно неодеванная одежда, и около нее ставятся новые унты, набитые травою. В течение семи дней, каждый раз при еде, на то место, где жил раньше покойник, ставится чашка с пищею. Когда поедят все люди, чашка выносится и пища, находящаяся в ней, разбрасывается по тайге. Затем начинают привыкать, что человека этого нет в доме, и об умершем мало-помалу забывают. Место усопшего в юрте занимает кто-либо из членов семьи, и все попрежнему входит в колею обычной жизни.

СКВОЗЬ
ТАЙГУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1927 году Дальневосточное переселенческое управление снарядило экспедицию по маршруту Советская гавань—город Хабаровск. Лиц, интересующихся вопросами колонизации, автор отсылает к специальному отчету, сданному им по месту службы в городе Хабаровске. Настоящая же книга представляет собой его обработанный путевой дневник, в котором читатель найдет описания природы северной части страны, известной в географии под именем Уссурийского края. Значительное место в ней он уделяет туземцам. Читатель также увидит, до какой степени жизнь орочей и удэхейцев проникнута целым рядом запретов. В самом деле! Живут они в глухой тайге, где кругозор весьма ограничен, где опасность караулит охотника на каждом шагу и заставляет его быть настороже. Все это должно было сказаться на их миросозерцании, проникнутом демонологией и разными предрассудками.

Если автор во время путешествия и достиг некоторых успехов, то этим он чувствует себя обязанным высоко добросовестной службе «лесных людей», бывших его спутниками во время экспедиции; фамилии их указаны в тексте.

В то время во главе Дальневосточного переселенческого дела стоял В. И. Мартьянов. Ему принадлежит инициатива снаряжения экспедиции по маршруту Хабаровск—Советская гавань. Все геоботанические работы выполнены профессором В. М. Савичем и его учениками, студентами Дальневосточного государственного университета: Н. Е. Кабановым, К. К. Высоцким, Г. И. Каревым и Г. П. Гончаровым. Материал по при-

кладной зоологии, касающийся промысловых животных, собрал А. И. Кардаков.

Автор считает нужным отметить услуги, оказанные ему инженером путей сообщения П. Н. Мазуровым и чинами лесной стражи К. И. Надеждиным и К. Г. Осиповым.

Страницы, посвященные описанию растительности, редактированы В. М. Савичем, а в части зоологической—Г. Н. Гассовским. Научные названия рыб дал Г. У. Линдберг, а паука определил А. И. Шмидт.

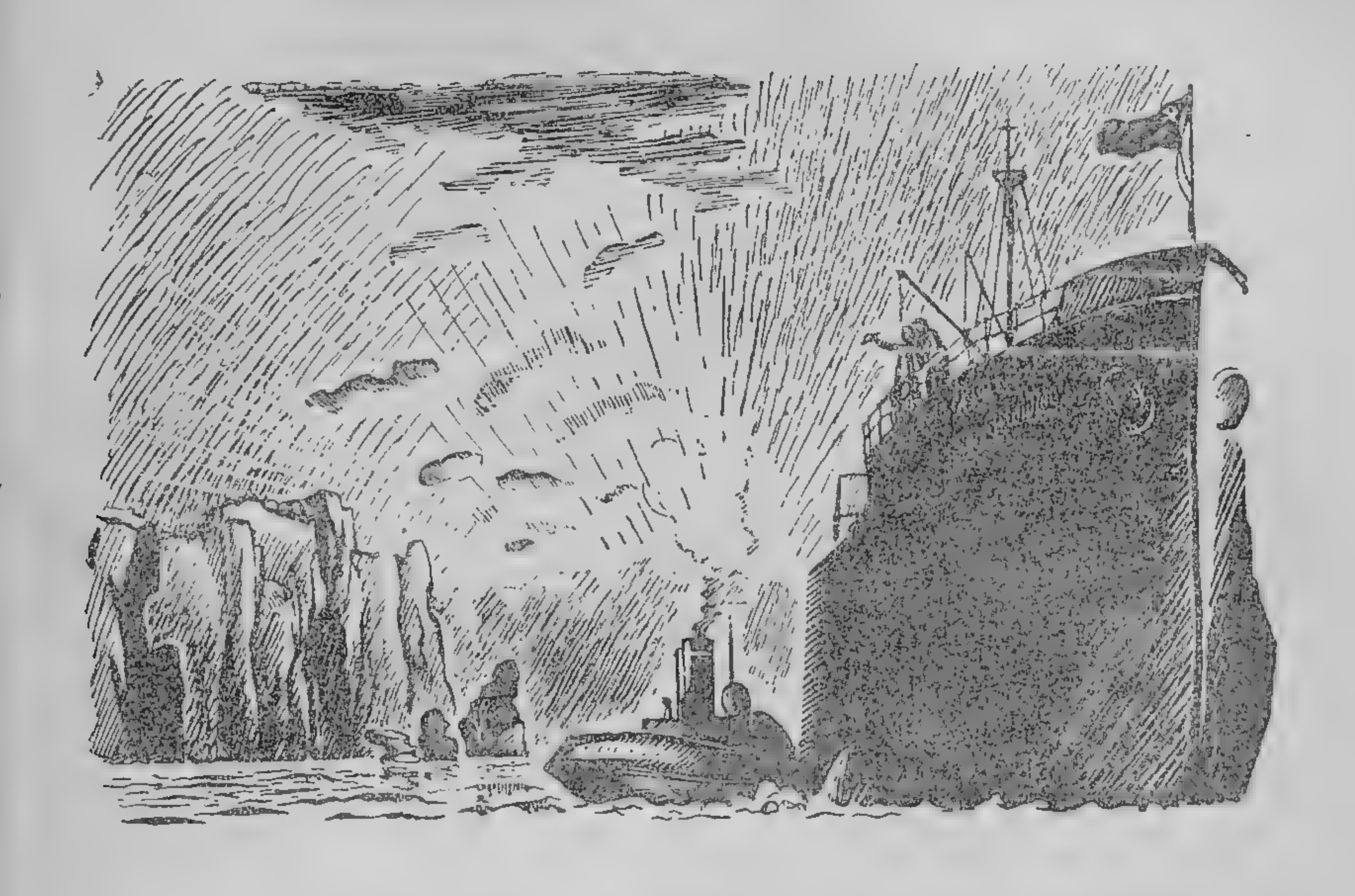
В Советской гавани экспедиция остановилась в доме К. И. Копотева, на пути во время наводнения нашла приют в жилище удэхейца Инси Амуленка, а в селе Анастасьевка—на квартире производителя работ В. И. Двиганцева. Посланные па Амур туземцы получили большую помощь со стороны заведующего Троицким отделением Дальгосторга Г. П. Ермошина.

Всех перечисленных выше лиц автор благодарит за участие в совместной с ним работе в экспедиции 1927 года и за услуги, облегчившие его предприятие.

Наблюдение за печатанием данной книги любезно взял па себя профессор Ф. Ф. Аристов, за что автор приносит ему свою искреннюю благодарность.

Владивосток.
20 января 1929 г.

Автор

СБОРЫ И ОТЪЕЗД

Вопрос о географическом обследовании Уссурийского края в границах: Нижний Амур—озеро Кизи, Татарский пролив и р. Хор—был поднят еще в 1908 году. Тогда Приамурским отделом Русского географического общества была снаряжена экспедиция под моим начальством, работавшая подряд в течение двух лет в северной части горной области Сихотэ-Алиня.

В 1926 и 1927 годах дальневосточные власти решили снарядить ряд специальных экспедиций с заданиями осветить бассейны рек: Хора, Анюя, Копи и Хади в дендрологическом, геологическом, экономическом и колонизационном отношениях.

В ноябре 1927 года Дальневосточное районное переселенческое управление предложило мне сорганизовать экспедицию по маршруту г. Хабаровск—Советская гавань с целью выяснить, что представляют собой в колонизационном отношении лежащие на этом пути местности,.

На эту экспедицию было ассигновано двенадцать тысяч рублей, выступление ее предполагалось ранней весной, как только спадут снега и вскроются реки.

Так как путь экспедиции должен был пролегать по местности, совершенно пустынной и только изредка касающейся границ обитания туземного населения внутри страны, то он мог быть выполнен лишь при наличии питательных баз, заранее устроенных в верховьях рек: Тутто, Хади, Копи, Анюя, Хора, Пихцы, Мухеня и Немпту.

Завоз грузов на эти базы предполагалось произвести заранее, пока реки были еще скованы льдом и имелось нартовое сообщение; но вследствие недоразумений деньги переведены были в мое распоряжение лишь в конце апреля.

Только с этого момента экспедиция фактически приступила к снаряжению в далекий путь. Однако время было упущено, реки вскрылись ото льда, и потому завоз грузов на питательные базы надо было производить на лодках, что было несравненно труднее и стоило значительно дороже.

Экспедиции в пути надлежало перейти четыре горных хребта, где возможно было встретить большие каменистые россыпи, предстояли переправы через быстры горные реки с высокими обрывистыми берегами и через зыбучие болота.

Поэтому я решил отказаться от вьючных животных и весь маршрут построить так, чтобы большую часть пути можно было пользовася лодками, и только через водоразделы из одного бассейна в другой итти пешком с котомками за плечами.

Надо сказать, что в это же время и в тех же местах по изысканию железнодорожного пути работали две партии: одна под руководством инженера путей сообщения Н. Н. Мазурова, другая возглавлялась инженером Н. М. Львовым.

Первоначально я предполагал итти от Хабаровска на Советскую гавань и в состав экспедиционного отряда пригласил профессора ботаники В. М. Савича и сотрудника Хабаровского краевого музея А. И. Кардакова.

Позднее ассигнование денег вынудило нас перестроить весь маршрут в обратном порядке и разделить-

ся на два отряда. В. М. Савич со студентами К. К. Высоцким, Г. И. Каревым и Г. П. Гончаровым должны были произвести обследование верховьев рр. Немпту, Мухеня и Пихцы, затем перевалить на р. Хор и спуститься по этой последней до Уссурийской железной дороги. Я же с А. И. Кардаковым и студентом-геоботаником Н. Е. Кабановым должен был начать свое путешествие от Советской гавани, итти вверх по р. Хади к истокам р. Копи, потом через хребет Сихотэ-Алинь на р. Анюй, затем перейти на р. Хор, а с Хора на Пихцу и держать курс на Хабаровск. Словом, пока я буду работать на восточной стороне Сихотэ-Алиня, В. М. Савич тем временем устроит в указанных местах три питательных базы.

Сообразно этому плану и денежные средства были распределены на три части: 1 000 рублей оставлены забронированными для отчетных камеральных работ по возвращении экспедиции; мой отряд, совершивший весь маршрут от моря до р. Амура, располагал 7 060 рублями и отряд В. М. Савича—4 545 рублями.

Маршрут от г. Хабаровска к Советской гавани можно было начинать в любой день. Это направление давало целый ряд преимуществ, от которых мы теперь вынуждены были отказаться. Путешествие от моря к Хабаровску зависело не только от расписания пароходных рейсов, но и от других причин, которые нельзя было предвидеть заранее.

Казалось, будто все наладилось, но вдруг совершенно неожиданно выплыла новая неприятность. Совторгфлот грузы экспедиции вместо Советской гавани заслал на остров Сахалин. Ничего более не оставалось, как дожидаться их возвращения в г. Владивосток, чтобы со следующим рейсом их вновь доставить куда следует.

Обязанности между участниками экспедиции распределились следующим образом. Лично я взял на себя: 1) руководство экспедицией, 2) подготовительные, организационные и ликвидационные работы, 3) производство маршрутной съемки и 4) обследование пути в колонизационном и естественно-историческом отношениях. А. И. Кардаков выполнял все поручения, связанные со званием помощника начальника экспедиции. Кроме того на него же были возложены обследование

охотничьего и промыслового хозяйства туземцев и фотографическая съемка в пути. Студент - геоботаник Н. Е. Кабанов собирал гербарный и почвенный материал и вел наблюдения по своей специальности.

Кроме научных сотрудников, в состав экспедиции еще входили туземцы. Я умышленно взял только одних орочей, потому что: 1) они знали хорошо окрестности и служили одновременно рабочими и проводниками; 2) умели долбить лодки и управляться с ними на перекатах; 3) снабжали нас рыбой и мясом. Ныне, оглядываясь назад, в прошлое, я вижу, что поступил правильно. Во время наводнения многие экспедиции потерпели аварии, только в моем отряде не было несчастий, и мы благополучно дошли до г. Хабаровска.

Я взял сначала девять туземцев. Троих я вернул еще с р. Тутто, двое должны были сопровождать Н. Е. Кабанова при спуске по р. Копи, а остальные четверо: Прокопий Хутунка, Федор Мулинка, Александр Памука и Сунцай Геонка совершили со мной весь маршрут. Последние два работали со мной еще в 1907, 1908 и 1909 годах и имели награды от Русского географического общества.

По окончании экспедиции из Хабаровска в г. Владивосток они были отправлены по железной дороге, а затем на пароходе Совторгфлота к месту своего жительства—в Советскую гавань и на р. Нахтоху.

В пути мы должны были пересечь четыре горных складки и, следовательно, все имущество (походное, научное, личное) и продовольствие нести на себе в котомках. Поэтому с собой взято было только то, без чего никак обойтись нельзя. Все лишнее отброшено: был взвешен каждый золотник и учтена всякая мелочь.

Научное снаряжение состояло: из фотографического аппарата, секундомера, буссоли Шмалькальдера, пикетажных тетрадей для съемок, дневников, гербарной папки, бумаги, маленькой рулетки, половинки небольшого бинокля, барометра-анероида, термометра, пращи, термометра для воды, минимального термометра, небольшой шанцевой лопатки, маленьких монолитных ящичков для образцов почв, почвенных мешочков, фотографических пластинок, ботанических ножей, цветных и обыкновенных карандашей, резинки и т. д.

Бивачное снаряжение составляли: комарники-палатки (по одной на научного работника и по одной большего размера на двух рабочих), тенты для защиты их от дождя, три алюминиевые котелка, входящие один в другой, с крышками (чайников не брали вовсе), козьи шкурки как подстилки для спанья, три топора и пр.

Походным снаряжением были: легкие дождевики и куски клеенки для укрытия котомок от дождя, веревки для увязки тех же котомок, поясные ножи, сигнальные ракеты для розысков заблудившихся людей, острога, инструменты для долбления лодок. Сюда же надо отнести огнестрельное оружие, состоящее из одной магазинной винтовки и одного дробового ружья, патронташи, запас пороха, дроби, ружейных гильз и инструментов для снаряжения патронов, рыболовные удочки, блесны и т. п.

Личное имущество каждого участника экспедиции состояло: из легкого одеяла, двух смен белья, запасной пары унтов, полотенца, которое было использовано для лямок к котомке, мыльницы, зубной щетки, гребенки, игольника с нитками, кусочков материи для заплат и прочей мелочи.

Все имущество без исключения—как то, что отправлялось на питательные базы, так равно и то, что мы везли с собою,—было уложено в жестяные банки, запаянные и укупоренные в ящики керосинового типа. Такая упаковка очень удобна. На базах продовольствие предохраняется от расхищения грызунами, большие звери тоже боятся шума, издаваемого жестяными банками, да и в походе в ненастную погоду оно не нуждается в укрывании брезентами.

На базах груз хранился в особых амбарчиках на сваях, сделанных из накатника и крытых древесным корьем. Места для баз были заранее указаны. Пройти их мимо мы не могли. Туземцы по целому ряду мелких, едва заметных признаков сразу определяли их местонахождение.

Первого июня я закончил последние формальности, подал телеграммы и в три часа дня взошел на пароход «Син-пин-ган». Когда окончилась погрузка лошадей для геологической экспедиции, направлявшейся на остров Сахалин, были уже полные сумерки; накрапывал

дождь... В девять часов вечера «Син-пин-ган» снялся с якоря и вышел в море. Несмотря на ненастье, пассажиры еще долго находились на палубе и любовались Владивостоком, который при вечернем освещении действительно имел эффектный вид. Дома города, расположенные по склонам гор, взбирались до самых вершин, отчего все сопки казались иллюминованными. Множество огней как бы повисло в воздухе; они расходились, перемещались, сливались вместе—и все разом отражались в воде.

Когда «Син-пин-ган» вышел из бухты Золотой Рог, красивая панорама исчезла, и пароход очутился в непроницаемой тьме. На небе не видно было ни звезд, ни луны; шел мелкий дождь. При слабом свете, который вырывался из иллюминаторов, виднелись иногда темные силуэты матросов, проходивших по мокрой палубе, и вахтенный начальник на капитанском мостике. Утомленный за день, я спустился в свою каюту и постарался забыться сном.

На пароходе было людно и тесно, а в каютах душно. Поэтому, как только стало светать, я оделся и вышел на палубу. Первое, что мне бросилось в глаза, были чистое, безоблачное небо и широкая гладь спокойного моря. «Син-пин-ган» шел вдоль берега, держа курс к северо-востоку. Я сел на скамейку и стал любоваться картиной, которая, подобно панораме, развертывалась передо мною. Вдали виднелись задернутые дымкой зубчатые кряжи гор, прорезанные узкими долинами. К востоку от них тянулись длинные отроги, падающие в море отвесными скалами. Это—типичный продольный берег, который тянется на многие сотни километров в направлении от юго-юго-запада к северо-северо-востоку. Читателю, быть может, интересно узнать, что надо понимать под этим названием. Продольный берег тянется параллельно горным складкам, которые в тех местах, где они близко подходят к морю, отмыты вдоль оси своего простирания, вследствие чего здесь совершенно отсутствуют какие бы то ни было бухты и заливы. Вот почему к северу от мыса Мосолова высадка на берег весьма затруднительна, в особенности в летнее время, когда ветер дует с моря и создает сильный прибой.

Многочисленные мысы, стойко выдерживающие натиск волн, образовали тип берега, который в географии принято называть «кулисным». И действительно, словно кулисы в театре, они выдвигаются вперед один за другим. Первый мыс виден ясно, отчетливо, второй—слегка затянут синеватой дымкой, следующий виден еще слабее, а дальше они совсем тонут во мгле и кажутся повисшими в воздухе и как бы отделившимися от воды. Неопытный мореплаватель может подумать, что между двумя мысами есть бухта, где судно могло бы найти укрытие от непогоды. На самом деле это лишь небольшой выгиб скалистого берега, иногда даже лишенного намывной полосы прибоя.

От мыса Песчаного берег Уссурийского края делает поворот к северу и дальше идет в меридиональном направлении. Таким образом часть побережья, прилегающая к означенному мысу, является местом, где пересекаются две тектонических линии. Вот почему поблизости образовался глубокий провал, именуемый Советской гаванью; вот почему здесь чаще всего бывают землетрясения, о которых у туземцев сохранилось много интересных рассказов.

СОВЕТСКАЯ ГАВАНЬ

Пароход наш прибыл в Советскую гавань 4 июня. Поздно вечером мы высадились на берег, а на другой день получили свой багаж.

Мои спутники занялись разборкой имущества, а я отправился в районный исполнительный комитет для выполнения некоторых служебных формальностей.

Советская гавань, о которой здесь идет речь, состоит из огромной юго-западной бухты в двенадцать километров и изломанного залива Константиновского в десять километров длиною. Кроме того у берегов ее образовалось еще несколько второстепенных бухточек, из которых заслуживают внимания: Маячная, откуда идет грунтовая дорога на Маяк, затем Японская, где больше всего поселилось русских колонистов, потом бухта Концессии, где находятся ныне все государственные и административные учреждения, и наконец бухта Хади, в которую впадает река того же имени.

В заливе Константиновском есть бухта Постовая, где был потоплен воспетый Гончаровым фрегат «Паллада» и где до сих пор сохранились развалины укреплений, построенных еще в 1854 году. Большой остров Милютина недавно соединился с материком узким песчаным перешейком, по обе стороны которого образовались две бухты, не имеющие русских названий.

Таких гаваней, как Советская, немного на земле. Большая, закрытая со всех сторон, она может вместить любой флот в мире. Берега ее настолько приглубы, что большие океанские пароходы могут приставать к ним вплотную, как в благоустроенном порту. Единственным недостатком гавани является изолированность ее от населенных пунктов страны.

Берега Советской гавани состоят из базальтов, которые имеют не столбчатую, а матрацевую отдельность. От моря с юго-восточной стороны Советская гавань отделяется довольно высоким горным хребтом Доко, слагающимся из пород массивно-кристаллических. На оконечности этого хребта после гибели парохода Добровольного флота «Владивосток» в 1897 году поставлен Николаевский маяк (48° 58′ с. ш. и 140° 25′ в. д.).

К Советской гавани нам еще придется возвратиться, когда будем говорить об устройстве поверхности в бассейнах рек, в нее впадающих.

Все население Советской гавани делится на три группы: администрацию, обывателей и туземцев.

Первые являются служащими девятнадцати государственных учреждений. Администрация обслуживает не только одну Советскую гавань, но все побережье моря от устья Тумнина до р. Самарги.

Что делают жители Советской гавани и откуда добывают средства к жизни? Земледелием занимаются очень немногие. Обитатели Советской гавани имеют прямые и косвенные заработки в Дальлесе и немного рыбачат. Некоторые эксплоатируют лошадей, отдавая их как бы «на прокат» по тридцать рублей в месяц с головы. Живут они на берегу в ожидании каких-либо заработков по выгрузке, разгрузке, перевозке, переноске грузов, прибывающих на пароходах. Кое-какие плотничные, столярные и слесарные работы они имеют в административных учреждениях. Случается, в Советскую гавань

прибудет какая-нибудь экспедиция — опять перепадут деньги.

Не все даже домохозяева имеют огороды; вот почему овощи так дорого ценятся. Обитатели Советской гавани—не крестьяне; это просто «жители», которые живут сегодняшним днем в надежде на какие-то материальные улучшения (какие, они сами не знают), которые неизвестно откуда и неизвестно когда «свалятся с неба». Они предвидят конец их жизни, при которой «не сеют, не жнут, не собирают в житницы», но питаются и по-своему счастливы.

Надо отдать им справедливость, что, несмотря на то, что все здесь выпивают, нигде не слышишь площадной ругани, среди них нет краж, ссор, драк, и если вы видите где-нибудь замок на двери, то больше для того, чтобы дать знать посетителю, что хозяев нет дома. С этой стороны «совгаванцы» безупречны.

Третью группу населения составляют орочи—народность маньчжурского племени. В отдаленном прошлом они обитали где-то на севере и неизвестно когда появились на берегах Великого океана. Своей родной колыбелью они все же считают Советскую гавань, которую они называют Хади. Но с тех пор, как в окрестных лесах зазвучали топоры лесорубов, орочи покинули свои прежние поселения и ушли частью на Тумнин и приток его Хуту, а частью за водораздельный хребет Сихотэ-Алинь в верховья р. Хунгари, куда к ним трудно проникнуть не только от моря, но и со стороны р. Амура.

В три дня мы закончили все подготовительные работы, разобрали имущество и часть грузов отправили на Копи для питательной базы.

Как раз к этому времени прибыли туземцы со своими лодками.

Самым старшим из них был ороч Александр Намука—человек невысокого роста, лет сорока пяти, молчаливый и спокойный. Он имел мелкие черты лица; волосы его на голове уже начали седеть. Когда Намука говорил по-русски, то все твердые согласные буквы произносил, как мягкие. Если он делал что-нибудь неудачно, то конфузился, и на лице его появлялась растерянная улыбка.

Вторым по возрасту был удэхеец Сунцай Геонка, мужчина сорока лет, сухощавого сложения и роста ниже среднего. Это был человек порывистый; с деньгами он обращался, как с вещью совершенно бесполезной, и тратил их на всякие пустяки, покупая все, что попадалось на глаза. Когда он хотел в чем-нибудь убедить меня, то лицо его принимало такое выражение, как будто он испытывал большие физические страдания.

Сунцай был незаурядный шаман и этот дар наследовал от своего покойного отца.

Затем в порядке возраста следует ороч Федор Мулинка, тоже среднего роста, лет тридцати шести. Природа наградила его золотыми руками. Он был хорошим кузнецом, хорошим звероловом, ловко бил острогой рыбу, считался лучшим специалистом по изготовлению лодок. Федор Мулинка говорил мало. Когда он старался что-нибудь запомнить и напрягал свое мышление, то морщил лоб. Это был самый суеверный человек в отряде.

Четвертым моим спутником был Прокопий Хутунка— ороч в возрасте тридцати лет, роста ниже среднего. Я его знал еще мальчиком. От природы любознательный, он сам научился читать по-русски. Хутунка был человек умный, трудолюбивый, с покладистым характером. Несмотря на свою худобу и некоторую кривоногость, он мог нести большие тяжести и совершать длинные переходы.

В данном случае сказывалась не столько его физическая сила, сколько втянутость в работу. Хутунка еще молодой был шаманом.

Все четверо имели черные волосы, темнокарие глаза, желтовато-смуглую кожу, маленькие руки и ноги. Одеты были в смешанные костюмы, состоящие из частей одежд русских и орочских. Обувь все они, да и мы с А. И. Кардаковым, носили туземную, сшитую наподобие олоч из выделанной сохатиной кожи. В дальнейшем изложении я буду называть их сокращенно по родам: Намука, Мулинка, Хутунка и Геонка.

Орочи привезли неприятное известие, что устье р. Хади, по которой нам надлежало подыматься в горы, загромождено плавниковым лесом. Последние дни были

сильно ненастные—все время шли дожди, перемежавшиеся со снегом. Вода в реках поднялась значительно выше своего уровня. Как раз на р. Хади Дальлес производил порубки. Вода, вышедшая из берегов, подхватила этот лес, понесла его вниз по течению. Недалеко от устья, где Хади разбивается на протоки, образовался большой затор, который грозил задержать нас на неопределенное время.

На другой день я поднялся чуть свет и поспешил на улицу. Было прохладно. Солнце еще скрывалось за горами, но уже чувствовалось благотворное влияние его живительных лучей. Над Советской гаванью стоял туман. Он медленно двигался к морю. Все говорило за то, что день будет ясный, светлый и теплый...

В десять часов утра на четырех лодках мы вышли из Японской бухты и направились в залив Константиновский, где я должен был связаться с астрономическим пунктом и от него уже начать свои съемки.

В Советской гавани в 1855 году соединенная англо-французская эскадра выжгла старый лес артиллерийским огнем. На месте его вырос другой лес, но его затем сожгли русские. Потом опять стал появляться совсем молодой лесок, состоящий из лиственницы и березы.

Сухостой, оставшийся кое-где одиночными деревьями со времени Севастопольской кампании,—крупного размера. Туземцы говорят, что он твердый, как сталь, и не поддается рубке.

Ближе к выходу в море западный берег гавани подвержен волнению. Под влиянием атмосферных агентов порода разрушается и обваливается на намывную полосу прибоя громадными глыбами.

Здесь можно наблюдать удивительную эррозию [1]. Некоторые образцы, несмотря на свои большие размеры, так и просятся в музеи.

Размытые глыбы лавы приняли весьма причудливые очертания. Одни из них похожи на людей, другие на птиц, третьи на фантастических животных, застывших в позах невыразимых страданий. Когда море «дышит», мертвая зыбь проникает в Советскую гавань. Большие пологие волны медленно вздымаются, бесшум-

---

[1] Эррозия—размывание породы. (Ред.)

но подходят к берегу и с зловещим шорохом стараются как можно глубже проникнуть в проходы между камнями. Другая сила вынуждает их уйти обратно в море. Но волны упрямы и с ропотом настойчиво опять идут к берегу—и так без конца в течение многих веков. Местные туземцы одухотворили причудливые камни и в появлении их на земле усмотрели вмешательство сверхестественной силы.

Следующий день был воскресный. Покончив с работами в заливе Константиновском, мы сели в лодки и направились к устью р. Хади. Погода была какая-то странная. Весь день в воздухе стояла густая мгла; солнце имело вид оранжевого диска с резко очерченными краями, так что на него можно было свободно смотреть невооруженным глазом, и, как всегда в таких случаях бывает, появилась сильная звукопроницаемость. Где-то далеко выстрелили из ружья. Стоголосое эхо превратило этот звук в грохот пушечной пальбы, который, подобно грому, прокатился из конца в конец над всей гаванью. По опыту я знал, что такая мгла и такое эхо предвещали непогоду. И действительно, к вечеру мгла рассеялась, и тогда на небе стали видны тучи, низко бегущие над землей.

День был на исходе, когда мы вошли в р. Хади и достигли орочского селения Дакты-Боочани. Это был последний жилой пункт, за которым начиналась глухая тайга на многие сотни километров. Туземцы встретили нас на берегу. Грустно выглядели орочские балаганы, и не менее жалкий вид имели обитатели их. После гражданской войны орочи впали в бедность и к новым условиям жизни еще не успели приспособиться, а Комитет содействия малым народностям севера на Дальнем Востоке только недавно начал свою работу.

Один из домиков оказался порожним. Он принадлежал слепому старцу Ивану Бизанка, о котором речь будет ниже.

Туземные женщины быстро привели покинутую юрту в жилой вид, подмели пол и поправили корье на крыше.

После ужина я пошел осматривать селение. Было сумрачно и холодно; накрапывал дождь. Дым от костров не подымался кверху, а повис в воздухе белыми

полосами. В одном из домиков жила вдова с двумя детьми. Она недавно потеряла своего мужа, с которым я был хорошо знаком. Я навестил ее. Сюда же собрались и остальные туземцы. Бедная женщина засуетилась и не знала, чем нас угощать. Я попросил ее не беспокоиться и велел принести свои запасы. Мои спутники роздали детишкам сухари. Они стали их грызть с большим наслаждением. Среди орочей находился один пожилой человек, хороший следопыт—Андрей Намука. Он дал нам много полезных советов и указал, как попасть в истоки р. Иоли. Надо сказать, что никто из моих провожатых не бывал в верховьях р. Тутто и никто не знал, что представляет собой перевал между нею и бассейном р. Копи. Единственно, чем могли мы руководствоваться,—это расспросными данными. Андрей Намука сообщил целый ряд мелких примет, которые должны были служить нам ориентировочными пунктами и привести нас в самые истоки р. Иоли.

Мы все вместе пили чай и вспоминали прошлое. В этот вечер я узнал, что многих из моих друзей-туземцев уже не было в живых. В загробный мир ушли: Антон Сагды, Егор Лабори, Федор Бутунгари, Тимофей Бизанка и многие-многие другие. Все старые люди перемерли, и один только Иван Бизанка (по-орочски «Чо-чó») доживал свои последние дни на р. Копи. С ним я был особенно дружен.

Как-то разговор затих, я задумался, и тотчас передо мною встала невысокая тщедушная фигура Чо-чó с лицом оливково-красного цвета от дыма и загара, с косой на голове, одетого в длинную рубашку маньчжурского покроя, узкие штаны с кожаными наколенниками и унты из выделанной сохатиной кожи. Это был удалый молодой охотник, известный повсеместно как хороший кузнец, умеющий «починять замки у ружей».

Его отец и мать очень давно погибли в тайге от страшной оспы, а малолетку подобрали своеродцы. Чо-чó долго, очень долго жил на земле и много-много видел диковинных вещей. Так, он видел, как первый раз в Советскую гавань пришли русские и как они сами потопили свой большой корабль (фрегат «Паллада»), и как потом многих из них покосила голодная болезнь — цынга.

Однажды в 1897 году он после удачной охоты с двумя товарищами возвращался в Советскую гавань. Плыли они на небольшой лодке вдоль берега моря и везли с собой мясо только-что убитого сохатого. Когда они поровнялись с мысом Гыджу, то вдруг увидели большое судно у самого берега. Это оказался пароход добровольного флота «Владивосток», наскочивший в тумане на камни. Пассажиры были высажены на берег. Вследствие крайней ограниченности запаса продовольствия на судне среди людей начался голод. Узнав в чем дело, Бизанка отдал им всего лося, а сам поспешил в Советскую гавань, где собрал окрестных орочей и отправил их на помощь погибающим. Затем, не теряя времени, сам взял небольшую лодочку и со своим братом Тимофеем отправился морем в залив де-Кастри, где тогда была телеграфная станция. Днем и ночью они гребли веслами, иногда пользовались парусом и на третий день явились на военный пост, где и сообщили о происшествии. Только тогда узнал Владивосток о несчастии, постигшем пароход того же имени, только тогда была послана помощь погибающему судну, команде и пассажирам.

Потом Чо-чо́ крестили и дали ему имя Иван. Я встретился с ним в 1908 году. Он оказал мне целый ряд незаменимых услуг. Много раз мы ходили с ним в тайгу, много раз ночевали вдвоем у костра, прикрывшись одним одеялом.

Тогда он был пожилым человеком, и в волосах его уже белели серебряные нити.

Мы расстались. Я уехал на Камчатку, а Иван Бизанка остался на р. Хади. Вскоре в селении Дакты-Боочани умер его брат Тимофей, у которого золотых и серебряных монет было «великое множество». Чо-чо́ похоронил брата на р. Хади по своему обряду с большим почетом, отправив в загробный мир все любимые вещи покойного, охотничьи и рыболовные принадлежности, а золото и серебро закопал в тайге. В 1922 году старик ослеп и одинокий перекочевал к своим сородичам на р. Копи, ожидая, когда пробьет и его последний час. Многие русские и орочи искали спрятанные сокровища, оцениваемые в двенадцать тысяч рублей. Тщетно! Сам Чо-чо́ Бизанка уже забыл, где зако-

пал их, и теперь, в состоянии полной слепоты, не мог указать это место. Оно находилось, быть может, совсем рядом с жилищем, в котором мы сидели и вспоминали далекое былое.

Пламя костра освещало стены юрты с отверстием вверху, через которое клубами вместе с искрами выходил дым. Снаружи слышались шум воды в реке, загроможденной плавниковым лесом, шорох дождя на крыше да ворчанье не поладивших что-то между собою собак. Я распрощался с орочами и отправился в осиротелый дом Чо-чо Бизанка, давший нам теперь последний приют.

За ночь вода в реке поднялась еще выше. Не имея выхода к морю, она стала прокладывать новые русла. Эти вновь образовавшиеся протоки и позволили нам без особых приключений обойти завалы стороною.

Теперь читателю необходимо несколько познакомиться с климатическими особенностями страны, по которой пролегал путь нашей экспедиции, без чего ему не совсем будет понятно дальнейшее.

Водораздельный хребет Сихотэ-Алинь и сопутствующие ему параллельные горные складки (расположенные вдоль берега моря и почти перпендикулярно к направлению господствующих ветров) играют большую роль климатической границы. Разница в фенологических явлениях к востоку и к западу от главного водораздела достигает двадцати и даже тридцати суток. В то время, когда на западе реки покрываются льдом и по ним устанавливается санная дорога, реки прибрежного района еще не начинают замерзать, и обратно, весной, когда на западе сообщение по рекам прекращается и наступает ледоход, на восточной стороне речные воды еще скованы льдом. Значит, в бассейне Амура будут ранняя весна и ранняя осень, в прибрежном районе—длинная затяжная весна и такая же длинная осень. Словом, при передвижении от запада к востоку мы как бы во времени переносимся назад, а при обратном движении—перегоняем времена года и переносимся вперед.

Не лишены интереса некоторые цифры, иллюстрирующие температуру, вегетационный и безморозный

периоды[1], атмосферные осадки за год, количество пасмурных дней, вскрытие рек, начало пахоты и цветения черемухи на берегу моря в Советской гавани и в г. Хабаровске.

Районы	Температура за май месяц	Вегетационный период	Безморозный период	Осадки в миллиметрах за год	Число пасмурных дней	Вскрытие рек	Начало пахоты	Цветение черемухи
Советская гавань. . . .	+ 4,63	172 дня	151 день	694,6	132	7/V	4/VI	19/VI
Город Хабаровск. . . .	+11,03	271	260	472,5	94	8/IV	10/V	10/V

Вот чем объясняются такие явления, как дожди со снегом, которые экспедиция застала в Советской гавани с 1 по 9 июня 1927 года.

Река Хади состоит из двух рек: самой Хади и Тутто. Первая короче, но многоводнее, долина ее шире, развалистее и притоки значительной величины, вторая—длиннее, долина ее уже и похожа на ущелье; притоками ее являются небольшие горные ручьи.

Оставив большую часть людей около устья последней, я пошел вверх по р. Хади, которая в низовьях имеет ширину до сорока, глубину до двух метров по фарватеру и быстроту течения до семи с половиной километров в час. Весь прибрежный район и вся долина р. Хади представляют собой горную страну, покрытую хвойным лесом, состоящим из даурской лиственницы (Larix dahurica Turcz), растущей высоким стройным деревом, как на моховых болотах, так и на сухой каменистой почве, лишь было бы побольше света. Значительную примесь к ней составляла своеобразная аянская ель (Picea ajanensis Fisch.), проникшая на юг чуть ли не до самого Владивостока. Неизменным спутником последней являлась белокорая пихта (Abies nephrolepis Max.). Само название ее указывает на гладкую и светлую кору. Отличительным признаком этого

[1] Вегетационный период—время года, в течение которого растение растет, развивается и размножается (Ред.)

дерева являются темная, но мягкая хвоя и черно-фиолетовые шишки. Там и сям одиночными экземплярами виднелась береза Эрмана (Betula Ermani Cham.), которую легко узнать по корявым стволам с желтоватою берестой, висящей лохмотьями. Она растет только в тенистых, старых больших лесах одиночными экземплярами и, по мнению ботаников, является вымирающим деревом.

По пути мы только один раз видели след медведя; остальные звери отсутствовали. Зато птиц встречалось много.

Первой на глаза мне попалась скопа (Pandion haliaëtus L.), которую орочи называют «соксоки». Этот пернатый хищник все время летал над рекою, иногда задерживаясь на одном месте, трепеща крыльями и высматривая добычу. Вдруг он камнем упал в воду и тотчас взлетел кверху с рыбою в лапах. Поднявшись на воздух, скопа ловко отряхнула свои крылья и поспешно улетела в лес. Потом я заметил пугливую серую цаплю (Ardea cinerea Bris).

Она все время была настороже и каждый раз, когда из-за поворота показывалась лодка, тотчас снималась с места и летела дальше по реке, издавая хриплые крики. Иногда мы видели кроншнепов, тоже весьма строгих птиц. Они грациозно расхаживали по камням, входили в реку и что-то доставали из воды своими кривыми клювами. Повидимому, они только-что прилетели и не успели еще разбиться на отдельные пары. Кроме этих птиц, А. И. Кардаков отметил еще уток, морянок, шилохвостов, касаток, корольков, также плисок и трясогузок.

Мы поднялись по Хади до Медвежьего Ключа. Дальше река стала узкой и порожистой. Здесь отсутствовала растительность, любящая глубокие наносные слои почвы. Лес рос непосредственно на камнях. Вся местность была заболочена или завалена большими глыбами лавы.

Убедившись, что вся колонизационная емкость долины р. Хади невелика, мы повернули назад и по течению ее спустились к устью р. Тутто.

Подъезжая к биваку, когда лодка встала против воды, я опустил в воду серебряную блесну (металличе-

ская рыбка с крючками, замаскированными красным гарусом) и сразу поймал одну «симу» (Oncorhynchus masu Brev), первую из лососевых рыб (Salmonidae), входящих из моря в рр. Тумнин, Хади и Копи. После меня А. И. Кардаков поймал на ту же блесну еще другую рыбину. Известно, что все лососевые при входе в пресную воду ничего не едят и кормятся тем запасом жизненных сил, который они приобрели в море.

Что побудило симу погнаться за блесной? Повидимому, у лососевых хищническая привычка хватать ртом всякую мелкую рыбешку сохраняется и после того, как они оставляют море и входят в реки.

Вечером мы сидели у костра и занимались каждый своим делом. Когда совсем стемнело, ороч Мулинка пошел к речке за водой и, возвратясь, сообщил, что с неба падают звезды. Я тотчас надел обувь и отошел от огня подальше в лес.

Дождь только что перестал. Большие кучевые облака двигались над землею, заслоняя собою то одно, то другое созвездие. Ветер пробегал по вершинам деревьев и стряхивал с них последние дождевые капли. Где-то журчала вода.

Мулинка был прав. На небе часто появлялись падающие звезды с длинными хвостами. Одни из них чуть были заметны, другие яркими полосами прорезывали темную бездну.

Я знал, что никакого хвоста в сущности нет и что это только свойство глаза сохранять впечатление, оставленное быстро двигающимся телом. Один из метеоров прошел сравнительно близко к земле. К сожалению, нашедшая туча заслонила его. Сквозь облако видна была только широкая полоса света. Точно вспышка молнии, только более длительная и беззвучная.

Когда я вернулся на бивак, то застал своих спутников уже спящими. Один только Мулинка бодрствовал. Я заметил в руках у него желтую прошлогоднюю траву. Он подсушил ее на огне, затем свернул в комочек, перевязал веревочкой и спрятал в сумочку.

— Бросай не могу,—сказал он, обратясь ко мне.

— Зачем тебе этот мусор?—спросил я его в свою очередь.

Тогда он сказал, что массовое появление падающих

звезд на небе на языке их называется «голо́» (л—карсавое). Тот, кто первый увидит их, должен скорее собрать с земли сухую листву, траву, сено, солому или просто гнилушку и в течение трех дней держать при себе. Это принесет удачу на охоте и оградит человека от какой-нибудь беды.

Он не стал слушать мои возражения и начал укладываться на ночь. Вскоре я тоже последовал его примеру.

ВВЕРХ ПО РЕКЕ ТУТТО

После небольшого отдыха мы пошли вверх по р. Тутто. От дождей она вздулась и представляла собой стремительный горный поток. Во многих местах вода выступила из берегов и затопила лес. Ориентировочными пунктами нам служили постройки, брошенные японцами, когда у них были здесь лесные концессии. Эти полуразвалившиеся бараки давали нам приют, и мы радовались им, как будто это были самые роскошные гостиницы. Наконец и японские развалины остались сзади. Теперь перед нами была громадная лесная пустыня, безжизненная, первобытная и дикая.

Надо познакомить читателя, что представляет собой орочская лодка (улимагда). Это долбленый челнок, длиною в восемь-десять метров и вышиною в сорок сантиметров; дно ее делается толщиною три-четыре, а борта в один-два сантиметра. Вперед от днища выдвигается лопатообразный нос, немного полукруглый и не-

много загнутый кверху. Грузоподъемность улимагды—полтонны. Лодка устроена так, что она не разрезает воду, а, так сказать, взбирается на нее и может проходить через самые мелкие перекаты. Орочи идут на шестах, причем один человек стоит у носа челнока, другой—у кормы. Положение лодки неустойчивое; сама она весит очень немного, а центр тяжести поднят высоко. На порогах лодка качается. От быстро бегущей воды кружится голова, а тут еще надо работать шестами. Для этого нужны глазомер, ловкость и главным образом спокойствие. Спуск по воде опаснее подъема, потому что лодку несет, и надо далеко смотреть вперед и заранее соображать, как обойти камни или утонувший плавник. Зато подъем очень утомителен. Люди упираются в дно реки шестами и с силой проталкивают улимагду против течения. Иногда при всем напряжении сил едва удается продвинуть лодку на один-два метра. За день так устают руки, что ночью долго не можешь уснуть. Обыкновенно начинает ломить вертлюжную головку плечевой кости и локоть другой руки.

Никто лучше орочей не умеет плавать на таких челноках. Движения их соразмерны и грациозны. И мужчины и женщины с детства втягиваются в эту работу. Можно сказать, они все летнее время проводят на воде: ловят рыбу, или доставляют грузы для лесоустроительных партий и рабочих Дальлеса.

26 июня экспедиция наша достигла местности Эланга, что значит трехречье, откуда, собственно, и начинается сама р. Тутто. Здесь она принимает в себя две небольших речки: слева—Нюала, справа—Торока, а ниже—еще три горных ручья: Туточе, Гадака и Унукуле.

Этот переход до Элангса был совершен при весьма неблагоприятных условиях и всех очень утомил, в особенности туземцев, на долю которых выпали наибольшие трудности.

У места слияния трех рек мы должны были оставить лодки и дальше итти по р. Нунгини пешком с котомками за плечами. Надо было сделать дневку, просушить имущество, приготовить обувь и наладить котомки.

Как раз день выпал солнечный и теплый. Я воспользовался свободным временем и отправился на ближай-

шую сопку, чтобы с высоты птичьего полета посмотреть, далеко ли еще до перевала. Переправившись через р. Тутто, я вступил в густой хвойный лес и взял направление на одну из возвышенностей, которая казалась мне командующей в этой местности. Сначала подъем был пологий, но чем дальше, тем он становился все круче и круче.

Преобладающим насаждением этих мест были ель и пихта с примесью все той же эрмановой березы. Почвенный покров состоял из лиственных мхов (Hypnum), образующих густые плотные подушки болотно-зеленого цвета, по которым протянулись длинные тонкие стебли канадского корнуса (Cornus canadensis L.) с розетками из ланцетовидных листочков. Здесь же в массе произрастала заячья кислица (Oxalis acetosella L.) с тройчато-пластинчатыми листочками на тонких черешках и с приятно кислым вкусом, напоминающим молодой щавель, затем—хребетовка (Linnaea borealis L.), с вечнозелеными кожистыми овальными листьями, и наконец невысокие, но весьма изящные папоротники (Dryopteris Sp.). Чем выше я поднимался, тем больше отставали ель и пихта и чаще встречалась лиственница с подлеском из багульника (Ledum hypoleucum Kom.), издающего сильный смолистый запах и образующего сплошные заросли. Выше деревья стали тоньше и низкорослее; багульник остался сзади, и на его месте появилась кустарниковая береза Миддендорфа (Betula Middendorfi Tz. et Mey.) с молодыми, сильно железистыми ветвями.

Тут я сел, чтобы отдохнуть. Было за полдень. Солнце стояло высоко на небе и обильно посылало на землю теплые лучи свои. Они озаряли замшистые деревья, валежник на земле, украшенный мхами, и большие глыбы лавы, покрытые пенкообразными лишаями. В этой игре света и тени лес имел эффектно сказочный вид. Так и казалось, что вот-вот откуда-нибудь из-за пня выглянет маленький эльф в красном колпаке, с седою бородою и с киркою в руках. Я задумался и, как всегда в таких случаях бывает, устремил глаза в одну точку.

Эльф не показывался, а вместо него я вдруг увидел небольшого грациозного зверька рыже-бурого цвета с

белым брюшком и черным хвостиком. Это оказался горностай (Mustela erminea L.), близкий родственник ласки. Он взобрался на одну из колодин и сел на задние лапки. Меня это очень удивило, тем более, что горностай—животное ночное и норку свою покидает только после солнечного заката. Я стал наблюдать за ним, стараясь не шевелиться. Горностай не сразу успокоился; он постоянно оглядывался в мою сторону. Наконец, убедившись, что никакой опасности ему не грозит, стал держать себя свободнее. Я скоро заметил, что он за кем-то охотился. В это время показалась ящерица. Она тоже охотилась за насекомыми и проворно лазила по валежине. Когда пресмыкающееся приблизилось к тому месту, где находился горностай, последний сделал ловкий прыжок. Он как-то вскинул задом, подпрыгнул кверху и свалился за колодину. Ящерица тоже исчезла. Поймал ли ее горностай или нет, мне не удалось рассмотреть. Тогда я поднялся с своего места, обошел кругом колодину и, не найдя ничего, пошел на вершину.

Тут было много лавовых глыб, я взобрался на одну из них и стал осматривать окрестности. Дивная горная панорама представилась моим глазам. Передо мною было обширное пространство, заполненное множеством столовых гор, покрытых хвойным лесом. На запад они поднимались все выше и выше, а на восток к морю заметно снижались. Невольно напрашивался вопрос: как мог образоваться такой рельеф? Несомненно, мы имеем дело с каким-то плато, которое впоследствии разделилось на ряд столовых гор. Геологу рисуется отдаленное прошлое, когда слагалась поверхность северной части Уссурийского края, принявшая ныне такой странный вид.

Водораздельный хребет Сихотэ-Алинь в южной своей части проходит сравнительно недалеко от берега моря, но на широте мыса Туманного (немного севернее устья р. Самарги) он отходит от моря в глубь страны и, огибая истоки р. Тумнина, почти вплотную подходит к р. Амуру. Кроме этого хребта, восточнее его проходит еще одна складка, которая служит водоразделом между притоками верхнего Копи и верхнего течения р. Аделами, впадающей в Хуту с одной стороны, и бассейнами

рр. Хади и Тутто, несущими свои воды в Советскую гавань.

Во время дислокации[1], имевшей место, повидимому, в третичном периоде, где-то около второго параллельного хребта на дневную поверхность вылилось много базальтовой лавы, которая образовала чрезвычайно мощный покров, заполнивший все пространство между рр. Хуту и Копи. Этот лавовый поток докатился до Советской гавани. Наибольшей мощности он достигает в истоках рек около перевала, и наименьшую высоту языки его имеют около моря. Этим и объясняется сильно развитая береговая линия между мысом Лессепс-Дата и Николаевским маяком.

Лава была сильно насыщена газами. По расположению пустот (ноздреватость породы) можно видеть, в каком направлении она двигалась, будучи в пластичном состоянии.

Во время этой дислокации произошел глубокий провал, именуемый ныне Советской гаванью. Значит, лавовый покров старше ее. Подтверждение этому мы находим в том, что дно гавани слагается из больших базальтовых глыб, которые, разрушаясь, образуют грунт, состоящий из гравия темно-серого цвета. Затем начались процессы денудации. Дождевая вода в движении своем действовала как пила и напильник. Она промыла в нем глубокие овраги с очень крутыми, а иногда даже с совершенно отвесными краями. Так образовались долины рр. Ма, Уй, Хади и Тутто.

Во многих местах под влиянием атмосферных агентов лава распалась на отдельные глыбы, которые образовали большие осыпи по краям долины. Они покрылись мхами и поросли лесом. Это особенно заметно, когда взбираешься на гору. Нога все время срывается и проваливается в пустоты между обломками базальта.

Местом, откуда из недр земли на дневную поверхность вылилась лава, надо считать истоки рр. Санку (приток Копи), Хади и Тутто. Подтверждение этому мы находим, во-первых, из множества отдельных конических сопок, между которыми по неглубоким и развалистым лощинам бегут ручьи; во-вторых, здесь встре-

---

[1] **Дислокация**—смещение участков земной коры. (Ред.)

чаются обломки и другой горной породы, вероятно, подстилающей лаву и составляющей первоначальную поверхность страны, впоследствии залитой базальтом.

Из вышеприведенного описания следует, что образование долин Хади и Тутто еще не закончено. Мы всюду видим едва начинающиеся почвообразовательные процессы. Вот почему нигде по долинам нельзя найти тополя и других древесных пород, произрастающих на илистой наносной почве, богатой гумусом[1]. В местах, где скопились наносы, встречаются почвы подзолистые и торфяниковые.

Должно быть, я долго пробыл на сопке, потому что солнце успело уже значительно переместиться на небе и тени на земле стали длиннее. Сделав краткие записи в свою походную книжку, я начал спуск обратно в долину р. Тутто.

По пути я нашел скелет кабарги, видимо затравленной росомахой, потому что на костях ее были следы довольно крупных зубов. Кабарга (Moschus moschiferus L.) относится к жвачным животным. Она небольшого роста и похожа на лань. Самцы не имеют рогов, но зато снабжены длинными верхними клыками, выступающими изо рта вниз и несколько загнутыми назад. На брюхе, около пупка, у самцов находится особый железистый мешок, в котором накопляется мускус. Росомаха (Gulo gulo L.) величиной с собаку среднего размера и принадлежит к семейству хорьковых, но по строению тела напоминает барсука. Задние ноги ее стопоходящие. Она ловко лазает по деревьям и является самым опасным врагом кабарги. Ближе к реке я спугнул небольшого зайца (Lepus timidus gichiganus Al.) серого цвета, с белым брюхом и темными ушами. Как угорелый, он бросился от меня в кусты, испугался сам и заставил меня вздрогнуть и обернуться.

День умирал, когда я приближался к своему биваку. Солнце скрылось за горами и готово было совсем уйти на покой. Стало прохладнее. Над рекой появился туман, он сгущался все больше и больше, и скоро в нем утонула вся местность Элангса.

На биваке я застал всех своих спутников в сборе.

---

[1] Гумус — перегной. (Ред.)

Я рассказал им о том, что видел в горах. Орочи добавили к перечисленным мною животным еще лося, медведя, рысь, волка, выдру, колонка, ежа и соболя. Последний в недавнем прошлом в изобилии водился на самых берегах Советской гавани, но теперь, вследствие систематического истребления лесов пожарами и лесорубами, близок к полному исчезновению.

После ужина я сел ближе к костру и долго делал записи в свой дневник. Когда я кончил работу, было уже поздно. Огонь на биваке горел ярко, а кругом было совсем темно. С неба вместе с тихим сиянием звезд нисходил покой на усталую землю. В лесу царила глубокая тишина, нарушаемая только ровным шумом воды на перекатах.

На другой день мы тронулись в путь, неся все имущество и продовольствие на себе. Это путешествие по тайге, заваленной буреломом, с тяжелыми котомками за плечами было очень утомительным. Надо все время внимательно смотреть под ноги. Чуть только зазеваешься по сторонам, как тотчас натыкаешься на пень или колодину. В этих случаях легко поранить ноги и руки об острые сучья валежника. Реку Тутто русские называют Гадкой. Она начинается в горах, которые являются водоразделом между р. Санку, несущей свою воду к юго-западу в р. Копи, истоками Буту, текущей к северо-востоку, р. Аделами—к северу (тоже приток Буту) и р. Иоли—к юго-западу и впадающей в Копи с левой стороны. Направление течения Тутто по кривой к востоку таково, что выпуклая часть дуги обращена к северу. Она длиною около ста восьмидесяти километров.

Верхняя часть реки носит название Нунгини; она протекает по узкому ущелью с очень крутыми, а подчас с совершенно отвесными краями. Теперь пороги уступили место каскадам, которые преграждали путь чуть ли не на каждом шагу. Вследствие половодья мы не могли переходить с одного берега на другой и вынуждены были держаться одного края долины, а это в свою очередь вынуждало нас карабкаться на высокие кручи, на что тратилось много времени и сил.

Дня через два мы достигли второй развилки, которую туземцы называют «Чжоодэ». Орочи не знали, по

которой речке следует итти дальше. Опасаясь, как бы не заблудиться, они решили произвести разведки. Мулинка пошел в одну сторону, Намука—в другую, а Геонка полез на голую сопку. Остальные люди остались внизу устраивать бивак. Когда все разошлись, я сел на камни и стал вычерчивать свою съемку и делать записи в путевой дневник.

После местности Элангса лиственница стала быстро исчезать. Дальше пошли глухие елово-пихтовые леса, дровяного характера, с подлесьем из канадского дерева, раздельно-лепестной кислицы и папоротника-многоножки. Странный вид имела здешняя тайга. Деревья не достигали больших размеров и многие из них росли в наклонном положении.

К сумеркам вернулся Намука. Он поднялся по юго-западной речке почти до истоков и нашел там бивак двух русских. По оставленным ими следам он усмотрел, что они приходили сюда зимой в прошлом году. С ними была собака, которая пропала в тайге. Потом один человек заболел, а другой все время ходил на белкование; но охота была неудачной. Когда запасы продовольствия кончились, они сделали грубые нарты и ушли через перевал на р. Хади. Люди эти часть своего имущества сложили в лабазы. Повидимому, они хотели притти сюда вторично, но не осуществили своего намерения в этом году.

Вскоре после Намука пришел и Геонка. Вид у него был встревоженный. Он поставил ружье к дереву, молча сел на валежину и долго смотрел на огонь. На вопрос, что видел он сверху и далеко ли до перевала, он отвечал, что до вершины сопки не дошел, потому что место это худое. Во-первых, он дважды заблудился, во-вторых, он три раза натыкался на одну и ту же валежину. Когда он подходил к вершине, загроможденной глыбами лавы, кто-то бросил в него сухой веткой; там он слышал смех и разные голоса. Тогда ему стало ясно, что на сопке живет чорт, и он поспешил на бивак предупредить нас о неприятном соседстве. Наши шутки рассердили Геонка. Он ворчал себе под нос и сердито поглядывал на нас, как на людей невежественных, с которыми не стоит разговаривать на эту тему. Что делать? Пришлось ему уступить.

Время шло, а Мулинка все еще не возвращался. После полуночи мы поправили огонь, нарезали сухой травы и стали устраиваться на ночь, как вдруг бесшумно, словно приведение, из темноты вынырнул Мулинка. Только обитатели лесов способны в темную безлунную ночь ходить по тайге, заваленной колодником, взбираться на кручи и карабкаться по карнизам, где и днем-то идешь все время с опаской. Я всегда удивлялся способности держать в темноте верное направление. Потому ли, что они ночью лучше видят, чем европейцы, или потому, что обладают особым чувством ориентировки, но во всяком случае ни ночная тьма, ни дождь, ни пересеченная местность препятствиями им не служат.

Мулинка подошел к костру с таким видом, как-будто он только что отлучился от него. Орочская этика требует, чтобы вновь пришедший не сразу приступал к повествованию о своих приключениях. Это говорится так, между делом. Мулинка еще раз подбросил дров в костер, поставил на огонь чайник и закурил трубку. Мало-по-малу он разговорился и сообщил, что прошел очень далеко. Путь его был тяжелый и опасный. К сумеркам он добрался до маленькой зверовой фанзы, выстроенной корейцам два года назад.

В прошлом году осенью в ней был один старик. Он хотел было ловить кабаргу и стал делать загородь с петлями, но порубил себе руку и ушел назад. На обратном пути Мулинка нашел старую нартовую дорогу, проложенную гольдами. Он проследил ее до самого нашего бивака. По ней мы завтра и пойдем к перевалу.

Читатель ошибется, если подумает, что нартовая дорога — действительно дорога, хорошо наезженная и с колеями. Она существует только зимою. Чтобы нарты не опрокинулись, кое-где подкладывают под полозья валежины и обрубают некоторые сучки, чтобы они не мешали движению. Если большое дерево, упавшее на землю, преграждает дорогу, в стволе его делаются топором углубления для полозьев нарт. Вот и все. Весной, когда растает снег, от дороги остаются столь ничтожные следы, что не посвященный в таежные тайны человек пройдет мимо и не заметит их. Вот по такой нартовой дороге Мулинка и пришел на бивак.

Было уже далеко за полночь, когда он кончил свой

рассказ. В это время опять начал накрапывать дождь. Мы оправили палатку и легли спать. Слышно было, как с деревьев звучно капала вода на землю, как потрескивали дрова в огне и храпели мои соседи.

К утру дождь пошел еще сильнее. Нам всем хотелось поскорее добраться до перевала, и поэтому, невзирая на ненастную погоду, мы собрали свои котомки и пошли по нартовой дороге.

Сразу с бивака она стала взбираться на косогор. Кверху поднимались высокие горы, а внизу пенилась и шумела река. Иногда целый день уходил на то, чтобы подняться на гребень какого-нибудь «непропуска» и вновь спуститься в долину. Сопровождавшие меня туземцы руководствовались какими-то мелкими, едва заметными признаками: старая затеска на дереве, сломанный куст, порубленное дерево. Они сопоставляли эти знаки с тем, что говорил им Андрей Намука, и уверенно шли дальше. В верховьях Нунгини где-то должен был находиться гольдский балаган. Он стал как бы целью нашего путешествия: мы о нем говорили, о нем думали и его искали. Наконец 30 июня желанный балаган был найден. Мы были в самых истоках р. Тутто.

Н. Е. Кабанов отметил, что от развилки Чжоодэ во владение сопками вступили исключительно елово-пихтовые леса. Деревья стали ниже ростом и имели болезненный вид. Бородатый лишайник (Usnea barbata) обильно украсил ветви их. Местами целые площади леса были затянуты им, как паутиной. Пусть читатель представит себе седой хвойный лес, в котором полузасохшие деревья с отмерзшими вершинами стоят прямо и в наклонном положении. Некоторые деревья упали и как-то странно подняли кверху свои корни. Всюду был мох: на сухостое, на валежнике и на камнях под ногами. Это в полном смысле слова лесная пустыня. Здесь царила глубокая тишина, нарушаемая только свистом ветра, пробегающего по вершинам елей и пихт.

Я пробовал было экскурсировать в стороны, но каждый раз, как только удалялся от бивака, жуткое чувство охватывало меня, и я спешил снова к людям.

По мере того как мы удалялись от моря и подымались по р. Тутто, мы как бы во времени переносились назад, а когда подошли к перевалу, то застали начало

весны. В конце июня здесь была еще примятая прошлогодняя трава и только начинали распускаться ранние цветы: курослеп болотный (Galtha palustris L.)—растение, любящее воду и лесную тень, с почковидными листьями и крупными желтыми цветами; часто встречалась обыкновенная синюха (Polemonium coeruleum L.) с перистыми листьями и темнофиолетовыми цветами, имеющими яркооранжевые тычинки.

Температура заметно снизилась, и по временам шел дождь со снегом. Все это производило впечатление марта месяца.

30 июня мы подошли к водоразделу и здесь увидели любопытную картину. Почва была совершенно промерзшей, мох хрустел под ногами. Всюду лежал снег, который под влиянием солнечных лучей принял фирновую структуру, и рядом с ним большие заросли золотистого рододендрона (Rhododendron Chrysansthum Pall) с ветвями вышиною до плеч человека, усаженными кожистыми блестящими темнозелеными листьями и с шапками золотисто-желтых цветов. Лепестки последних при основании имели нежнозеленоватый оттенок.

Гольдский балаган оказался развалившимся. Около него на старой лиственнице грубо было вырезано большое человеческое лицо, запачканное смолою. Это «тору», перед которыми гольды каждый раз, выступая на охоту, совершали моления. Рядом с лиственницей на четырех столбиках было поставлено деревянное корытце. В нем сжигались листья багульника и клались жертвоприношения. Бурхан имел такой вид, как будто он окарауливал развалины балагана и чем-то был весьма озабочен.

Сумерки застали нас за работой. На мыске у слияния двух ручьев, по соседству с балаганом, мы устроили бивак. На другой день была назначена дневка. Надо было отдохнуть, собраться с силами, починить одежду и обувь.

Утомленные дневным переходом, мои спутники рано легли спать. У огня остались мы только вдвоем с Мулинка. Я занимался своим делом, а он зашивал порванные унты. Время от времени мы подбрасывали сухие ветки в костер; огонь разгорался ярче; тогда стволы деревьев выступали из темноты и как бы приближа-

лись к биваку. По земле прыгали то светлые блики, то черные тени. Я заметил, что Мулинка часто поглядывал вправо от себя.

— Чего его всё сюда смотри?—сказал он недовольным тоном.

— Кто?—спросил я ороча.

— Чорт!—отвечал он, указывая на бурхана.

Я поднял голову и при ярком пламени костра увидел тору на лиственнице. Деревянное человеческое лицо, казалось, ожило и как будто наблюдало за нами. В течение многих лет бурхан этот исправно нес свои обязанности по охране балагана и теперь точно был недоволен дерзостью пришельцев.

Я поймал себя на том, что дремлю над своей работой. Мулинка уже спал. Я убрал свои дневники и последовал его примеру.

Перед рассветом появился густой туман. Я уже отчаивался, что моя экскурсия не состоится. Но вот выглянуло солнце, и туман рассеялся. Я быстро оделся и отправился на рекогносцировку к перевалу, высота которого определяется в тысячу двести метров. Подъем на него с восточной стороны был длинный, пологий и очень сырой.

Когда я поднялся на вершину хребта, лес быстро начал редеть, и предо мною открылось обширное болото, по которому там и сям виднелись большие лужи стоячей воды вроде озерков. По ту сторону его плотной зубчатой стеной стоял темный лес. Здесь природа как будто особенно хотела отделить один речной бассейн от другого. Ей казалось недостаточно высокого горного хребта и зыбучего болота, надо было воздвигнуть еще лесную преграду из замшистых и уродливо выродившихся елей и пихт. Такие болота на высоких горах орочи населяют чудесами своего воображения. В них живут громадные змеи «сунму», глотающие сохатых. Страшные крики их бывают слышны на большом расстоянии. Все живое избегает этих мест, и никто не заходит сюда до тех пор, пока зимние морозы не скуют льдом озера, в которых обитают гигантские пресмыкающиеся.

Когда я вышел на опушку леса, солнце уже прошло по небосклону большую часть своего пути. Оно было

деформированное и имело красноватый цвет. От болот медленно подымались тяжелые испарения. Кругом стояло жуткое безмолвие. Я был один и в то же время чувствовал себя как бы окруженным невидимыми таинственными существами, которые прятались за деревьями и наблюдали за мною. И вдруг эта мертвая тишина нарушилась каким-то протяжным криком. Он пронесся через все болото и был похож на мычание, которое переходило в октаву и кончилось как бы тяжелым вздохом. Вероятно, это был медведь, потому что лось кричит не так и только осенью. Опасаясь, что сумерки могут застать меня в лесу, я начал обратный спуск с перевала.

Когда я подходил к палаткам, солнце только что скрылось за горизонтом; земля слабо освещалась еще холодным сиянием, отраженным от неба. На биваке ярко горел огонь. Свет его отражался в какой-то луже. Около костра виднелись черные силуэты людей. Они вытягивались кверху и принимали уродливые очертания, потом припадали к земле и быстро перемещались с одного места на другое. Точно гигантское колесо с огненной втулкой и черными спицами вертелось то в одну, то в другую сторону в зависимости от того, как передвигались люди.

Придя на бивак, я рассказал, что видел на перевале. Орочи остались в убеждении, что это была именно та большая змея, о которой им рассказывали гольды.

На другой день мы распрощались с тору и стали взбираться на перевал, который назвали Утомительным. Мы не останавливались на нем и, придерживаясь опушки леса, более чем по колено в воде обошли болото стороною.

ХУДАЯ ДОЛИНА

С перевала Утомительного вода сбегала между кочками в виде бесчисленных струй. Мы следовали за ними в направлении к северо-западу. Это смущало меня. Ведь если ошибиться только на один или два градуса, можно попасть в бассейн р. Аделами, впадающей в Хуту. Скоро наши опасения рассеялись: вода все больше и больше забирала к западу. Мы сначала спускались по ровному и пологому склону, потом мало-помалу стали обрисовываться края долины. Около полудня наш маленький отряд дошел до того места, где наша речка приняла с правой стороны еще такую же речку и круто повернула на юго-запад.

В истоках р. Тутто были ущелья, а с этой стороны — весьма пологий скат, там был снег и ранняя весна, а здесь — теплое лето. Этот переход от одного времени года к другому всем нам показался очень резким. Мох на земле и на деревьях, низкая температура

и обилие влаги создавали полнейшую формацию лесной тундры. От соприкосновения с болотами влага воздуха конденсировалась и превращалась в туман. Часов в десять утра он начал клубиться; кое-где проглянуло синее небо, и живительные солнечные лучи озарили мокрую землю. Первые насекомые, приветствовавшие нас после перехода через перевал, были комары. Потому ли, что мы здесь впервые встретились с ними, или потому, что маленькие крылатые кровопийцы были голодны, но только укусы их показались очень чувствительными. Пришлось прикрыть лица сетками и надеть на руки перчатки, а туземцы завязали головы платками, которые предусмотрительно захватили с собою из Советской гавани.

После перевала вместо ели и пихты на сцену сразу выступила лиственница, которая вскоре сделалась господствующей породой. В долине подлеском ее явилась кустарниковая береза (Betula Middendorfi Tr. et Mey.) с угловатыми ветками, красновато-бурою шелушащеюся корою и мелкими листочками, а по склонам гор—багульник (Ledum hypoleucum Kom.) с ветвями, стелющимися по земле. Красивая темнозеленая кожистая листва его сначала понравилась нам, но потом мы не раз вспоминали мхи елово-пихтового леса и часто проклинали оба эти кустарника. Они весьма затрудняли наше движение, в особенности, когда приходилось итти косогорами. Нога скользит по веткам, которые лежат все в одном направлении и непременно сверху вниз по склону горы; люди часто падают и затрачивают много сил, чтобы пройти несколько десятков шагов. Чем круче такой склон, тем неувереннее шаг, тем больше шансов сорваться под обрыв и разбиться насмерть.

Километров через десять еще какой-то ручей подошел с севера.

Теперь долина вполне определилась: ближайшие сопки имели остроконечные вершины, а за ними вдали виднелись высокие горы. Перед нами встал вопрос: куда мы попали? По мнению орочей, это была р. Иоли, которой избегают все туземцы. Дурной славой пользуется она. Один человек пропал здесь без вести, другой заболел и по возвращении назад скоро умер, третий сошел с ума, у тунгусов пали олени, рыба дохнет

сама в воде, в болотах водятся большие змеи и т. д. Даже копинские орочи, хорошо знавшие все реки, на предложение начертить схематический план Поли, как бы сговорившись, в один голос заявляли, что не бывали на ней и ничего сказать про нее не могут.

К полудню мы спустились далеко вниз. Туман, державшийся на перевале, превратился в большие кучевые облака, число и размеры которых постоянно увеличивались. Они двигались большими плотными массами и имели снежно-белые закругленные края. Сильно парило...

— Будет агды,—говорили орочи, поглядывая на запад.

И действительно, оттуда надвигалась черная туча и слышались отдаленные удары грома. Кругом все замерло, ветер стих... В нагретом, наэлектризованном воздухе витало едва уловимое беспокойство и чувствовалось какое-то напряжение, которое вот-вот должно было разразиться грозою.

Мы принялись спешно ставить палатки. Орочи побежали в лес за древесным корьем; оба мои спутника носили дрова, развязывали котомки и старались спрятать вещи от дождя.

В виде страшного лохматого чудовища летела туча над землей, протянув вперед свои лапы и стараясь как бы охватить весь небосклон. От рева его содрогалась земля, и из пасти вылетали длинные языки пламени. Вдруг на земле сразу сделалось сумрачно—чудовище поглотило солнце. Несколько крупных капель упало на землю; деревья сердито зашумели и все разом качнулись в одну сторону. Вслед затем хлынул ливень вместе с градом. Молнии прорезывали темные тучи, сильные удары грома сотрясали воздух, отчего дождь шел еще сильнее. Эхо вторило им в горах, и широкими раскатами перекидывалось через все небо от одного облака к другому.

Мы забились в палатки и, прижавшись друг к другу, прислушивались к ветру, который налетал порывами и ломал деревья в лесу. Один раз молния ударила где-то по соседству с нашим биваком. Я почувствовал острую боль в ушах и до самого вечера не мог восстановить свой слух.

К вечеру гроза начала стихать; дождь превратился в изморось. Орочи развели большой огонь и стали сушить свои одежды, от которых клубами поднимался пар. Я взял ружье и пошел немного пройтись по берегу речки, которая здесь описывала дугу. Справа от нее стеною стоял хвойно-смешанный лес, а слева была большая песчаная отмель. После грозы воздух сделался удивительно прозрачен. Небо почти очистилось от туч, последние остатки которых уходили за перевал. Вечерняя заря погасла совсем. Величественная громада гор, отдаленные вспышки молнии, глухие удары грома и ночной мрак, надвинувшийся на землю, создавали мрачную картину, но полную величественной красоты. Случайно я поднял глаза и вверху, в беспредельной высоте совершенно потемневшего неба, увидел мелкие серебристые облака. Сначала они были едва заметны, но вскоре сделались явственно видимыми и как будто сами издавали свет, настолько сильный, что местонахождение их можно было определить даже сквозь тучки, проходившие низко над землею. Такие серебристо-белые облака бывают видны только в чистом воздухе после дождя. Водяной пар не мог подняться в столь высокие слои атмосферы. Может быть, это была тонкая пыль или какой-нибудь другой газ, более легкий, чем воздух, газ, который долго светился и после полуночи медленно погас.

Я повернулся назад. Гроза ушла уже далеко, и грома не было слышно. Во всей природе водворилось спокойствие, и только зарницы напоминали о недавней буре.

За ночь мы все хорошо отдохнули и назавтра продолжали наш путь вниз по р. Иоли. От затяжных дождей вода стояла в ней высокая, и это принуждало нас все время держаться левого края долины. Опять пришлось карабкаться через многочисленные непропуски.

Большими препятствиями для передвижений являлись грузы, которые мы несли на себе, и заросли багульника, вытеснявшего все другие кустарники.

После полудня случилось как-то, что мы разделились: Н. Е. Кабанов, А. И. Кардаков и три ороча пошли сопками, а я и Геонка спустились в долину. Здесь

оказалось итти еще хуже, чем косогором. Кустарниковая береза Миддендорфа росла вперемежку со спиреей (Spiraea salicifolia L.), имеющей листья, как у тальника, и с высокими травами (Calamagrostis sp.).

Наибольшие трудности выпадают всегда на долю идущего впереди. Поэтому мы чередовались. Когда была моя очередь пробираться сквозь заросли, я случайно вышел на тропу, протоптанную медведями. Она шла как раз в том направлении, которое нам было нужно. Тропа скоро вывела нас на песчаную отмель, поросшую ивняками (Salix sp.). Подойдя к бурелому, я сел, не снимая котомки. В это время я увидел небольшого зверька длиною около шестидесяти сантиметров, буро-желтого цвета, с пушистым хвостом и с небольшими стоячими ушами. Я тотчас узнал в нем колонка (Koloncus sibiricus Pal.). Зверек сидел на земле около большой валежины, поджав под себя лапки, и что-то держал во рту. Он так был занят своим делом, что не замечал меня, и это дало мне возможность рассмотреть его как следует. Колонок что-то прижимал передними лапками, кого-то сердито кусал и шевелил своим хвостиком. В это время я сделал неосторожное движение и напугал его. Он издал звук, похожий на короткое хрипенье, прыгнул на валежину, ловко пробежал по тонкому прутику и скрылся в траве.

Тогда я встал со своего места и увидел около колодины довольно большую гадюку (Coluber sachalinensis Nik.) с характерным для нее пестрым ромбоидальным рисунком на спине. У змеи была перекушена шея. Она лежала с открытым ртом и медленно извивалась.

Хотелось мне еще понаблюдать за колонком, но его, может быть, пришлось бы долго ждать. В это время подошел Геонка. Я сообщил ему о том, что видел, и указал на змею. Он сказал мне, что колонок ловит птиц, мышей, пищух, белок, бурундуков и других мелких животных. Самый сильный шаманский дух (севон) всегда является в образе колонка и называется «солé». По его мнению, я видел не обыкновенное животное, а именно севона, которого шаман послал убить злого духа, принявшего вид ядовитой змеи. Самое лучшее будет, закончил он, если мы уйдем поскорее отсюда. Сказав это, Геонка пошел вперед, а я за ним следом.

Чем дальше мы спускались вниз по реке, тем она становилась многоводнее. Больших притоков не было, но множество мелких ручьев впадало в нее справа и слева. Интересной особенностью долины р. Иоли являются древние речные террасы с массивными основаниями, имеющими вид широких плато.

Теперь наша задача заключалась в том, чтобы найти тополь такого размера, чтобы из него можно было долбить лодку. Каждое большое дерево привлекало внимание орочей. Они снимали котомки и бегали в лес, но каждый раз возвращались разочарованные.

На этом пути Н. Е. Кабанов отметил еще следующие породы: особые виды ив (Salix macrolepis rorida), потом осину (Populus tremula L.) с характерными трепещущими листьями на длинных черешках, растущую одиночными экземплярами среди других древесных пород. Лиственница занимала все возвышенные места, террасы и склоны гор. Из кустарников стали встречаться: дерн татарский (Cornus tatarica Mill.) с яйцевидными листьями и бледно-зеленовато-серыми цветами, шиповник горный (Rosa sp.) с колючими красновато-бурыми ветвями и с мелкими овальными листочками, слегка опушенными с исподней стороны. Берега с галечниковыми отложениями у самой воды были заполнены густыми зарослями белокопытника (Petasites palmata Asa Gray.)—весьма декоративного растения с крупными, глубоко изрезанными острозубчатыми листьями. Орочи нарезали ножами множество его сочных длинных черенков. Они ели их так аппетитно, что соблазнили и нас. Вкусом белокопытник похож на молодые стебли ангелики, которою в деревнях любят лакомиться ребятишки. Во всяком случае, это растение может быть причислено к съедобным. Русские переселенцы иногда в шутку называют его «орочснским огурцом».

Наконец 3 июля желанное дерево было найдено. Это был тополь (Populus Maximoviczii Sarg.) вышиною двадцать пять—тридцать метров и в два обхвата на грудной высоте. Он рос по другую сторону реки. С великой радостью мы сбросили с своих плеч котомки, в сознании, что дальше их нести не придется. Пока орочи налаживали переправу через реку, мы втроем устроили бивак. Туземцы осмотрели тополь, обсудили, куда и как

он упадет, убрали весь валежник и затем принялись рубить его с особыми заклинаниями.

Стоял лесной великан на берегу р. Иоли и многим сородичам своим, растущим вблизи себя, дал право тоже называться большими деревьями. Двести с лишним лет он, как патриарх, охранял порядок в лесу и, быть может, простоял бы еще сто лет, если бы не семь двуногих пигмеев, пришедших сюда с топорами. Тополь, подрубленный у корней, вздрогнул, затрещал, качнулся и начал падать, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. С большим шумом, ломая другие деревья, он грохнулся на землю и—погиб. Мулинка тотчас срубил одну из веток его и всадил ее вертикально в середину пня.

На мой вопрос, что это значит, он отвечал, что это душа дерева—ханя-моони. Так делают всегда, когда его рубят для лодки. Если дерево рубится для того, чтобы сделать гроб покойнику, то ханя в пень не втыкается.

Орочи отмерили около двадцати метров от комля и отрубили вершину. Они работали дружно, с увлечением, быстро сняли с болванки кору и в полдня срубили заболонь, выравняли дно будущей лодки и обтесали ее бока.

Начинало уже смеркаться, когда туземцы возвратились на бивак. Недолго усталые люди беседовали у огня и рано уснули.

Следующие два дня были солнечные и теплые. Орочи большими рычагами перевернули болванку тополя и поставили ее днищем на катки. Затем длинной веревкой, намазанной углем, они наметили верхние края лодки и с помощью березовых клиньев принялись срубать все, что было выше этих линий. Еще полдня ушло на выемку древесной массы из середины лодки. Я любовался работой туземцев. Главным мастером был Мулинка. Он давал указания, и все слушались его беспрекословно. Тем временем Намука у комля болванки очертил границы лопатообразного носа и снял всю лишнюю древесину. На второй день к вечеру лодка вчерне была готова.

Пятого июля орочи отделали улимагду начисто. Особыми поперечными топориками (упала́) они стесали борта ее настолько, что казалось, будто она сделана из

фанеры. Дно лодки оставили несколько толще, чтобы оно могло выдержать давление камней на перекатах. Теперь оставалось только опалить улимагду. Религиозный предрассудок не позволяет делать это на том месте, где было срублено дерево. Орочи сплавили ее на другую сторону реки и пошли за берестой. Особыми распорками они немного раздвинули борта улимагды в стороны, затем поставили ее днищем на деревянные катки и по всей длине разложили под ней березовое корье. Опаливанием лодки достигается одновременно осушка ее и осмаливание.

Пока Мулинка и Хутунка обжигали улимагду, Намука сделал кормовое весло, а Сунцай приготовил шесты. Часам к двум пополудни 5 июля все было готово. Не медля нимало, мы уложили все наши грузы в лодку и, вооружившись шестами, поплыли вниз по р. Иоли.

Горная складка, служащая водоразделом между бассейнами рр. Тутто и Хади, текущих в море, и р. Иоли, текущей в Копи, имеет столообразный характер. Гребень ее ровный, без острых вершин и глубоких седловин. Он все время повышается к югу и в истоках р. Ситыли образует командующую высоту всего прибрежного района Советской гавани. Гора эта называется Инда-Иласа. С нее видны все горы: на юг до Самарги и на север до Хуту включительно.

На вершине этой сопки тоже большое болото с лужами стоячей воды, в котором орочи поселили каких-то фантастических чудовищ вроде ящериц громадных размеров.

Гора Инда-Иласа является узлом, от которого звездообразно отходят большие отроги. По распадкам между ними бегут: с одной стороны две р. Ситыли, левые притоки Иоли, с другой—р. Санку, впадающая в Копи. Река Иоли течет вдоль столообразного горного хребта по межскладочной долине, огибая сопку Инда-Иласа, и накрест перерезает ее отроги. Здесь долина делается изломанной, река бежит «в щеках» через бурные, пенистые пороги.

В петрографическом отношении она гораздо богаче и разнообразнее р. Тутто. Вперемежку с базальтами, которые все больше и больше отстают, на дневной поверхности появляются обнажения гранитов, аспидопо-

добных глинистых сланцев, различных изверженных и метаморфизированных пород и конгломератов.

В среднем течении р. Иоли шириною около пятнадцати, глубиною до полутора метров по фарватеру и имеет быстроту течения пять-шесть километров в час.

Первую Ситыли мы прошли шестого числа, а вторую — долго не могли найти. При устье она разбивается на много мелких рукавов, замаскированных густой растительностью. В среднем течении Иоли чрезвычайно порожиста и извилиста. Скалистые сопки то с одной, то с другой стороны, а иногда и сразу с обеих сторон сжимают ее русло. Прибавьте к этому большой уклон дна реки, и тогда представление о порогах Иоли будет полное. Как бешеный зверь, вода прыгает через камни, пенится, всплескивается кверху и местами образует широкие каскады. Спуск по Иоли в этих местах опасен и доставляет много хлопот.

Чтобы облегчить лодку, мы оставили в ней двух орочей, а сами полезли на гору. Как только мы поднялись на ее вершину, сразу увидели, что река описывает почти полный круг. Тогда мы пошли к ней по кратчайшему направлению.

Здесь я впервые встретил белую березу (Betula japonica H. Winêl). Она росла сплошными насаждениями на местах старых пожарищ. Спустившись в долину Иоли, мы опять попали в поемный лес, состоящий из ольховника (Alnus fruticosa Rupr.) с крупными и одноцветными с обеих сторон листьями и ивняка (Salix viminalis L.), растущего то кустарником, то деревцом с ветвистою кроною.

Минут через двадцать мы вышли на большую галечниковую отмель. На ней у самой воды я заметил около десятка большеклювых ворон (Corvus macrorhynchus mandshuricus But.), прилетевших сюда для отдыха и водопоя. На сером фоне камней, запачканных илом, они резко выделялись своим черным цветом. Как только я вышел из зарослей, одна из птиц, которая была ближе всех ко мне, громко каркнула и испуганно снялась с места. За ней тотчас поднялись и другие вороны и улетели в лес. Там они нашли филина и стали его преследовать. Ночной хищник прятался в чаще, отбивался от ворон как мог и перелетал с одного дерева на

другое. Через четверть часа птицы скрылись из виду.

Выйдя к реке, мы сели на камни и стали ждать свою лодку.

Вдруг из-за поворота показалась небольшая стайка остроклювых крохалей (Mergus sp.). Повидимому, это были самцы, потому что, судя по времени, самки должны были находиться около гнезд со своими еще не оперившимися птенцами. Крохали не видели нас и подплыли довольно близко, а когда заметили опасность, все разом нырнули в воду. Течением отнесло их к другому берегу. Как только они опять появились на поверхности воды, тотчас поднялись на воздух и полетели вниз по реке.

Утром шел небольшой дождь, а после полудня погода разгулялась. Солнечные лучи прорвали туманную завесу и осветили мокрую землю. Над галечниковой отмелью реял теплый воздух. В это время прилетел какой-то жук. С громким гудением он описал круг над нашими головами и, видимо, хотел сесть. Увидев жука, Мулинка вдруг сорвался с места и принялся ловить его с таким видом как будто он представлял собою большую ценность. Зная, что туземцы довольно равнодушны к насекомым, я очень удивился, почему Мулинка ловит его так старательно, и стал ему помогать. Общими стараниями мы поймали жука. Это оказалась бронзовка (Cetonia aurata) золотисто-зеленого цвета с белесоватыми черточками на задних частях надкрылий.

Получив насекомое, Мулинка тотчас посадил его в коробку из-под спичек и спрятал за пазуху. При этом объяснил, что бронзовка есть душа сохатого, который сейчас где-нибудь спит. Проснувшись, лось отправится искать свою душу и сам придет к нам на бивак. Каждый охотник знает это и старается поймать бронзовку и носит ее с собой до тех пор, пока не встретит лося, что обычно случается на второй или на третий день.

Когда прибыла лодка, было уже настолько поздно, что не имело смысла плыть дальше, и потому мы решили встать биваком.

Как всегда, орочи вытащили улимагду на берег и принялись разгружать ее. Намука пошел в лес рубить жерди для палатки, а Мулинка собрал большую охапку дров для костра. Он нарезал стружек и сунул их под

хворост, потом достал спички, и, едва открыл коробок, как бронзовка проворно вылезла из него и с жужжанием полетела к лесу.

— А-та-тэ!—закричал Мулинка и с досадою посмотрел вслед насекомому.—Теперь сохатого найти не могу,—продолжал он в раздумьи.

Минут через десять на бивак вернулся Намука. Он нес на плече две длинных жерди. Сбросив их на землю, он сказал, что в лесу наткнулся на сохатого, который в испуге бросился в чащу. Намука жалел, что с ним не было ружья, а Мулинка был убежден, что это был тот самый зверь, который приходил за своей душой.

За отрогами Инда-Иласа долина Иоли значительно расширилась: горы отошли в стороны и только по временам подходили к реке то с одной, то с другой стороны. Бег воды тоже стал спокойнее, но зато количество плавника увеличилось, в особенности на протоках.

По рекам, которые обычно посещаются туземцами, в колоднике делаются проходы; но мы нигде не нашли следов порубок, ни одного старого бивака, ни одного костра. Все это подтверждало слова орочей, что сюда никто не ходит ни летом, ни зимою.

Во время полуденного привала я взобрался на одну из прибрежных сопок с голой вершиной. Эта экскурсия дала мне возможность познакомиться с общей топографией окрестностей.

Общее направление долины р. Иоли—юго-западное; только последние двенадцать километров она течет в широтном направлении и впадает в Копи под острым углом. Все горы, в том числе и Инда-Иласа, имеют столовый характер и достигают значительной высоты. Ближе к устью, с левой стороны, сопки сильно размыты и выходят в долину гигантскими утесами, лишенными растительности. Когда наша лодка прошла мимо них, я знал, что устье реки уже недалеко.

САВУШКА БИЗАНКА

Экспедиция достигла р. Копи 8 июля. Здесь около скал Омоко Мамача мы увидели красный флаг с надписью: «Шлем привет и желаем счастливого пути». Это была питательная база, устроенная лесной стражей — К. И. Надеждиным и К. Г. Осиповым. В старой брошенной юрте мы нашли свои ящики с продовольствием. Вместе с тем тут нас ждала и неприятность: значительная часть сухарей, присланных из Владивостока, оказалась гнилой и червивой. После дневки я послал А. И. Кардакова и троих орочей вниз по р. Копи к устью р. Чжакумэ, где я рассчитывал найти туземцев, достать у них еще одну лодку и прикупить продовольствия.

Пока лодки ходили на р. Чжакумэ, мы с Н. Е. Кабановым занялись изучением ближайших окрестностей. Он ежедневно экскурсировал в горы, а я ходил к скалам Омоко Мамача.

Если смотреть на них со стороны устья р. Иоли, они представляются руинами древнего замка, заросшими

буйной растительностью. Некоторые утесы имеют странные очертания: один из них похож на сидящего человека, который несколько повернул голову и прислушивается к чему-то; другой имеет вид старика, всматривающегося вдаль; рядом с ним замер в неподвижной позе уродливый карлик, поднявший кверху руку и как бы указывающий на самую большую скалу. Это и есть Омоко Мамача. Потому ли, что я знал смысл этух двух слов, она показалась мне похожей не то на монаха в длинной одежде, не то на колдунью с гневным лицом, скрестившую на груди руки. Это была странная игра природы. Точно кто-нибудь нарочно гигантским зубилом вытесал из камней разные фигуры. Как в облаках при некоторой фантазии можно видеть очертания людей, птиц, животных, так и в этих камнях было что-то такое, что заставляло отожествлять их с живыми существами.

Долина р. Копи типично денудационная[1] и слагается из ряда котловин, соединенных узкими проходами. Котловины эти очень опасны для заселения, потому что во время дождей они затопляются водою. Здесь же находятся и главные притоки Копи. Последняя от устья р. Иоли до моря имеет протяжение в сто семьдесят километров. Огибая знакомую нам сопку Инда-Иласа, она делает к югу большую излучину, а затем опять поворачивает на восток и впадает в бухту Андреева, примерно около 48,6° с. ш. На этом пути Копи принимает в себя следующие притоки: справа—Чжауса, Чжакумэ и Бяпали, где еще сохранилось довольно много соболей, затем р. Тепты, по которой орочи ходят на р. Ботчи, впадающую в бухту Гроссевича, немного южнее Копи; потом следуют две небольшие речки: Май и Копка. С левой стороны Копи не имеет сколько-нибудь значительных притоков, к которым относится и Санку. Истоки ее находятся между р. Хади и горой Инда-Иласа.

Дня через два посланные возвратились. Вместе с ними прибыл и ороч Савушка Бизанка. На его лодке я полагал отправить к морю Н. Е. Кабанова.

---

[1] От слова денудация—процесс разрушения и споса горных пород под влиянием действия воздуха, воды и ледников. (Ред.)

Купить у туземцев ничего не удалось. Они сами кормились рыбою, которая только начинала доходить сюда единичными экземплярами. Делать нечего! Волей-неволей приходилось довольствоваться тем недоброкачественным продуктом, который был в нашем распоряжении.

Вновь прибывший ороч Савушка был моим старым приятелем. Имя свое он получил при крещении еще маленьким мальчиком. За тихий и покладистый характер русские стали называть его ласкательно. Годы шли, из мальчика Савушка сделался мужчиной, потом состарился, а ласкательное имя так при нем и осталось. Ему теперь было около шестидесяти лет. Это был мужчина среднего роста, сухопарого сложения. Невзгоды скитальческой жизни наложили на лицо его особый отпечаток, по которому сразу можно узнать охотника-зверолова. Сосредоточенность во взгляде, некоторая скромность, молчаливость и спокойствие так характерны для обитателей лесов. Савушка не имел ни бороды, ни усов; темнокарие глаза его потускнели немного, но все же он видел еще хорошо. Кожа на лице и на руках его загорала так много раз, что навсегда осталась красновато-смуглой. Лет двадцать пять назад, по маньчжурскому обычаю, он носил косу, теперь на голове его были выцветшие редкие волосы; короткими прядями они свешивались на затылке и на висках. Одет был Савушка в свой национальный костюм, сшитый из какой-то материи, которая имела неопределенно-серый цвет. Верхняя рубашка до колен с косым воротом и с застежками на боку была подпоясана ремешком так, что вокруг талии получился напуск. На ногах он носил короткие штаны, длинные наколенники без всяких украшений и особую туземную обувь (унты), сшитую из выделанной сохатиной кожи. На поясе с правой стороны висели два ножа, с которыми орочи никогда не расстаются.

За последние годы здоровье Савушки сильно пошатнулось. Он стал кашлять кровью. Во время таких припадков он очень страдал и делался совершенно беспомощен. Сопровождавшие нас орочи относились к старику с большим вниманием и старались всячески ему служить. Они починяли его обувь, стлали ему постель и не позволяли носить дрова.

Мы встретились с ним, как старые друзья. Когда Савушка от орочей узнал, что мы вышли на Копи, сам вызвался проводить нас до Сихотэ-Алиня. Это очень меня устраивало, так как он считался добычливым охотником, лучшим следопытом и хорошим проводником.

Первый раз я встретился с Савушкой в 1908 году. Судьбе угодно было, чтобы жизненные пути наши опять сошлись около скалы Омоко Мамача. За это время много воды утекло в р. Копи. Мы оба уже постарели, пожалуй, даже не сразу бы узнали друг друга. Первые минуты мы не знали, как и с чего начать обоюдные расспросы. А поговорить было о чем! Мы сели с ним на опрокинутую лодку и стали вспоминать прошлое. Он сообщил мне грустные вести. Неумолимая смерть унесла в могилу многих туземцев, с которыми я встречался двадцать лет назад.

Вечером после ужина орочи, ездившие на р. Чжакумэ, и оба мои спутника рано легли спать, а я, Савушка и Хутунка еще долго разговаривали между собою. В старой покинутой юрте было так уютно. Огонь весело прыгал по веткам, которые время от времени кто-нибудь из нас подбрасывал в костер. Он оживал, вспыхивал длинными языками и освещал сходившиеся кверху стены нашего временного жилища. Вход в юрту был завешен полотнищем палатки; в другом конце ее были сложены ящики с провизией. По обе стороны огня спали люди. Дым от костра выходил через отверстие в крыше. Порой сквозь него виднелось небо, освещенное бледными лучами месяца.

Я рассказывал Савушке о том, как мы шли по р. Иоли и как нашли свою питательную базу. Разговор наш перешел на скалу Омоко Мамача, и я спросил его, почему ее так назвали. Тогда Савушка сообщил мне следующее сказание.

Раньше, очень давно, в верховьях Копи жили человек Кангэй и две женщины—Атынига и Омоко. Жили они долго, несколько сот лет, состарились и окаменели. Много веков они стояли в полном согласии, но однажды заспорили о том, кто из них является хозяином местных гор. Спор их перешел в ссору и в ужасную драку, от которой содрогались все сопки и стонала тайга. Кангэй остался победителем и сохранил за собою место.

Одна старуха, Атыпига, убежала и села на правом берегу Копи между рр. Бяпали и Тепты, а другая вместе с семьей своей перешла на левый берег реки около устья Иоли и стала называться Омоко Мамача.

С тех пор орочи, удэхе и гольды, когда проходят мимо скал, останавливаются и кладут на камни свои приношения: лоскутки материи, кусочки сахару, листочки табаку, или выливают несколько капель водки и просят послать им удачную охоту и счастливое окончание путешествия. Этот обычай соблюдается и по сие время.

Снаружи послышался какой-то всплеск. Я поспешно вышел из юрты. Тихая светлая ночь облегала уснувшую землю. На небе стояла полная луна. От нее кверху и в стороны крестообразно расходились четыре луча; несколько в стороне справа и слева виднелись еще два лучезарных пятна, которые принято называть «ложными лунами». Свет месяца отражался в реке серебристыми переливами. От воды поднимался легкий туман. Теперь скалы Омоко Мамача приняли другой вид: одни части их были ярко освещены, а другие погружены в глубокий мрак. По небу плыло белое облачко. Оно казалось неподвижным, а самая большая скала, с гневным выражением окаменевшего лица, как будто двигалась ему навстречу. Облачко проходило, и гигантский утес вновь делался неподвижным.

В это время послышались всплески. Это лососи шли метать икру для того, чтобы дать жизнь себе подобным и погибнуть в истоках реки.

Я вернулся в юрту и сел на свое место. Спать мне не хотелось. Мы достали сухарей и стали пить чай. Савушка рассказывал, что случилось на р. Копи в давно минувшие времена. Он вспоминал дни своей юности, когда русских в стране было мало, тайга щедро снабжала охотников пушниной и мясом, а реки изобиловали рыбой. Раньше соболь водился у самого моря, а теперь за ним надо ходить в верховья р. Копи. В настоящее время лучшим охотничьим местом считается р. Чжауса с несколькими притоками, из которых самым интересным будет р. Оанды. В истоках она слагается из трех речек (Элангса). Здесь находится страшная сопка Гугдаманты, где погибло несколько охотников.

Дело было так: однажды вверх по р. Чжауса отпра-

вились семь орочей из рода Докодика и один человек из рода Копинка. Был очень глубокий снег. В сумерки охотники нашли следы семи сохатых. Они решили ночевать, рассчитывая на следующее утро догнать лосей, которые далеко уйти не могли. Когда совсем стемнело, орочи услышали рев животных. Люди из рода Докодика стали смеяться над сохатыми, говоря: «Не кричите, мы все равно завтра всех вас перебьем». Один только Копинка не глумился над животными. Он был старый, опытный охотник и знал, что после медведя лоси занимают самое почетное место, что зимою они никогда не кричат, а если кричат, то неспроста. На другой день с рассветом орочи пошли на охоту, но сохатые уходили все дальше и дальше. День был уже на исходе, когда лоси поднялись на сопку Гугдаманты и начали спускаться по самому крутому ее склону, который внизу кончается отвесными обрывами. Охотники бросились за ними. Вдруг животные закричали опять, и в это мгновение вся масса снега начала двигаться сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Вместе со снегом стали падать камни, валежник. Лавина вырывала с корнями деревья и стремительно неслась книзу, все увеличиваясь в размерах и все разрушая на своем пути. В этой лавине погибли все сохатые и семь охотников из рода Докодика. Спасся только один Копинка. Он сразу повернул вправо по косогору и вовремя вышел из беды. Когда стаяли снега, орочи пошли искать погибших охотников. У подножья обрыва они нашли перемешанные кости людей и сохатых. В дни своей юности Савушка ходил туда. С той поры крутой склон сопки Гугдаманты остался голым. По его словам, обвалы там бывают часто в глубокоснежные зимы. Внизу под обрывом нагромождены груды камней, буреломного леса. Едва на них появляется молодая растительность, как их снова засыпает землею и снегом.

Савушка замолчал. В наступившей тишине слышны были ровное дыхание спящих и потрескивание дров в огне. В это время снаружи донеслись какие-то странные звуки: словно кто-то стонал и вздыхал. Я приподнял полог у дверей и выглянул из юрты. Месяц уже находился на половине своего пути к западу и мягким сиянием озарял кроны больших деревьев. Испарения

над рекой сгустились. Высоко на небе блистал Юпитер своим ровным белым светом. Кругом было тихо. Вся природа грезила предрассветным сном.

— Это выпь,—сказал Хутунка.—Когда ее кричит, люди видят худой сон.

Как бы в подтверждение его слов Мулинка потянулся и застонал. Хутунка разбудил его. Мулинка открыл глаза, что-то пробормотал, потом повернулся на другой бок и снова заснул.

Время шло, а мы втроем все сидели и тихо разговаривали. Такие бессонные ночи у огня, в глухой тайге, в дружеской беседе с человеком, к которому питаешь искреннюю симпатию и которого не видел много лет, всегда полны неизъяснимой прелести. Это лучшие страницы моих путевых дневников.

— Наши орочи теперь совсем трудно живи,—сказал Савушка.—Двенадцать года назад шибко большая вода была,—продолжал он.—Тогда много людей погибло.

В это наводнение попал и Хутунка. Он жил около устья р. Бяпали, а юрта Савушки была на Чжакумэ. Я кое-что слышал об этом наводнении и просил обоих моих собеседников рассказать о нем возможно подробнее.

Лето 1915 года было ненастное. Дожди шли все время с большим постоянством. Один раз очень сильный ливень длился подряд двое суток. Он не позволял женщинам и детям выходить из жилищ. Опасаясь, как бы водой не унесло лодки, орочи вытащили их подальше на берег и поставили на катки. В течение одних суток они должны были шесть раз опрокидывать их и выливать дождевую воду. К вечеру второго дня вдруг сверху вода пришла валом и сразу затопила все берега. Подхватив в лесу валежник, она понесла его вниз по реке. Чем дальше, тем плавник увеличивался в размерах и в конце концов превратился в лавину, обладающую такой же разрушительной силой, как и ледоход. Эта лавина шла по долине и своим напором ломала живой лес. Орочи бросились к лодкам, но уже не могли добраться до возвышенного края долины. Все лодки были раздавлены плавником. Первыми погибли женщины и дети. Мужчины взбирались на бурелом, но деревья сталкивались между собою и калечили людей, которые

тут же тонули. Савушка спасся, но он совершенно был лишен возможности подать помощь своим родным, которые гибли у него на глазах. Это страшное наводнение во многих местах долины р. Копи совершенно уничтожило лес. Теперь на месте его стоит десятилетний лиственничный молодняк.

Старик умолк и погрузился в грустные воспоминания.

В это время в воздухе опять пронеслось какое-то беспокойство. Должно быть, лиса поймала зайца или росомаха схватила кабаргу. Мы вышли из юрты. Луна уже совсем снизилась к лесу. Сквозь туман, поднявшийся от воды, чуть виднелся противоположный берег. Кругом стояла торжественная тишина. Листья кустарников и трава, смоченная росою, были совершенно неподвижны. Голубой сумрак еще окутывал землю, но уже неуловимо в воздухе и где-то на небе чувствовалось приближение зари.

Савушка утомился. Мы вернулись в юрту, оправили огонь и легли спать.

На другое утро я встал позже всех. Мои спутники были уже на ногах. Я поспешно оделся и вышел на свежий воздух. Сквозь туман чуть-чуть виднелись скалистые сопки и деревья на другом берегу реки. Можно было опять ожидать дождя. Но вот взошло солнце. Туман пришел в движение; большие клубы его, серые, как грязная вата, потянулись к востоку, цепляясь за прибрежные кусты; кое-где появились просветы...

Около лодок возились орочи. Они осматривали их, что-то заколачивали и приготовляли новые шесты. Часам к восьми утра погода разгулялась. Тогда мы спустили лодки на воду и поплыли вверх по р. Копи, которая имеет здесь в ширину от пятидесяти до шестидесяти метров, быстроту течения шесть километров в час и глубину до двух метров по фарватеру. В истоках она слагается из двух речек одинаковой величины. По правой, Чжоодэ, будет перевал на р. Даагды (приток Самарги), а по левой—в верхний Анюй, впадающий в Амур ниже г. Хабаровска. Близ слияния обеих упомянутых речек находится скала Кангэй, о которой говорилось выше, затем справа одна только небольшая горная речка Талеучи, а слева притоки: Булунгé, Дю и Иггу. По последней нам надлежало идти к Сихотэ-Алиню.

В долине р. Копи основную массу лесной растительности составляет все та же лиственница с подлесьем из багульника. Кое-где одиночными экземплярами встречается маньчжурский ясень (Fraximus mandshurica Rupr.) с светлосерою корою, покрытою правильными продольными трещинками. Он растет по уремам в сообществе с бальзамическим тополем (Populus Maximoviczii Sarg.), из которого орочи долбят свои лодки. Здесь также, по словам туземцев, изредка встречается кедр (Pinus koraiensis Sieb. et Zuc.)—большое стройное дерево с ветвями, подымающимися кверху и как бы срезанными на одной высоте, вследствие чего вершина его кажется тупою. Все это были представители маньчжурской флоры, проникшие сюда с юга вдоль берега моря и с запада через Сихотэ-Алинь.

Река Иггу впадает в Копи недалеко от Иоли. К полудню мы дошли до ее устья и здесь сделали большой привал. Орочи принялись варить чай, а Савушка пошел ловить рыбу. Он вырубил длинное удилище и прикрепил к нему тонкую лесу, к концу которой привязал самодельный рыболовный крючок, искусно обделанный шерстью и грубым кабаньим волосом в виде мухи с раскрытыми крыльями. Для охоты он избрал такое место, где вода подмывала скалистый берег, пенилась и бурлила. Сущность ловли заключалась в следующем: с помощью длинного удилища мушка забрасывается на воду; сдерживаемая лесой, она всплывает на поверхность; рыба принимает ее за действительное насекомое, хватает ртом и попадает на крючок. Через минуту старик выбросил на камни хариуса (Thymallus grubei Dybovski) с оранжево-малиновыми плавниками и с серебристой чешуей, по которой параллельными рядами расположены красивые фиолетовые пятнышки. Савушка взмахнул удочкой другой раз. Не успела еще мушка коснуться поверхности реки, как из воды стремительно выскочила вторая рыба и повисла на крючке, за ней последовала третья, четвертая—и так сорок шесть штук. Последний хариус был несколько больших размеров, с раздутым животом, без грудных и брюшных плавников. Когда я взял его в руки, он издал какой-то звук, похожий на скрипенье. Уродливая рыба сильнее других билась на берегу. Она широко раскрывала жаб-

ры и хватала ртом воздух. Савушка наклонился, чтобы поближе рассмотреть странного хариуса, но он вдруг подпрыгнул так высоко, что задел его хвостом по лицу. Это рассердило старика. Он отшвырнул рыбу ногой и, ворча что-то себе под нос, отошел к воде и снова принялся за ловлю; но рыба больше не клевала, словно кто прогнал ее отсюда. Савушка поставил неудачу дальнейшего лова в связь с уродливым хариусом и считал его всему виновником. Когда потрошили рыб, в желудке голобрюхого хариуса оказались две ящерицы: одна— целая, недавно проглоченная, другая частично переваренная.

Отдохнув немного, мы продолжали наше плавание по р. Иггу дальше и на второй день пути дошли до притока ее Гаду, впадающего с левой стороны. Здесь Иггу разбилась на несколько рукавов, забитых плавником. Это обстоятельство заставило нас рано встать на бивак. Орочи с топорами в руках пошли разбирать завали бурелома, а я, Савушка и А. И. Кардаков решили подняться на одну из ближайших сопок, чтобы с вершины ее посмотреть на долину р. Иггу.

Сначала мы шли по хвойному лесу, состоящему из лиственницы, ели и пихты. Чем выше, тем качество их становилось хуже; они были меньше размерами, ниже ростом и имели отмершие вершины. Мы придерживались тропы, протоптанной сохатыми, но самих животных видеть не удалось. Вершина сопки была округло плоская, поросшая кедровым стланцем (Pinus pumila Rgl.), толстые ветви которого действительно стелются по земле, образуя трудно проходимые заросли. Рядом с ним около камней приютились даурский рододендрон (Rhododendron micronulatum Turcz.) с мелкими зимующими кожистыми листьями, а на сырых местах—багульник (Ledum decumbens Ladd.) с белым соцветием и вечнозелеными кожистыми листьями, издающими сильно смолистый запах. Я выбрал место, откуда можно было видеть долину Иггу, и сел на камни.

За труды, понесенные при восхождении на сопку, мы были вознаграждены красивой горной панорамой. Река Иггу имеет общее направление с северо-запада к юговостоку и в проекции имеет вид растянутой латинской буквы S. Перед нами была древняя горная страна, силь-

но размытая. Высокие куполообразные сопки, словно гигантские окаменевшие волны, толпились со всех сторон. Некоторые из них выходили в долину мысами. Ближние сопки видны были отчетливо ясно, а дальние тонули в туманно-синей мгле, несколько смягчавшей суровую красоту предгорий Сихотэ-Алиня. Солнце уже прошло по небу большую часть своего пути. Лучи его падали на землю под острым углом, вследствие чего одни склоны гор были ярко освещены, а другие находились в тени.

А. И. Кардаков сфотографировал несколько видов и пошел на бивак. На обратном пути мы с Савушкой как-то сбились с звериной тропы и попали в хвойно-смешанный лес с значительной примесью каменной березы (Betula Ermani Cham.). Стволы деревьев были старые, дуплистые. Обыкновенно древесина в них сгнивает раньше коры. Некоторые рухляки чуть только держались на корнях. При небольшом давлении на них рукой они тотчас падали на землю. Много таких берестяных футляров валялось по склону горы. Савушке это не понравилось.

— Как наша сюда попал?—говорил он, не то обращаясь ко мне, не то к самому себе.

Вслед за тем он круто свернул вправо, но тут наткнулся на большую груду рухляка.

— Вот посмотри: ын телюга́ моони омуты ни[1],—сказал он, указывая на четыре березовых футляра, лежавших на земле: два крестообразно, а два пониже—углом так, что вершина каждого касалась нижней части креста, а концы расходились в стороны.

Конечно из обломков березовых стволов, во множестве валявшихся на земле, можно скомбинировать какие угодно фигуры: людей, зверей, жилищ, лодок и т. д., но для этого надо дать волю фантазии. Так думал я; но у Савушки на этот счет были свои соображения. Он с опаской посторонился от рухляка.

Я подошел поближе к крестообразной фигуре, чтобы получше рассмотреть ее, но старик закричал мне, чтобы я не трогал березового валежника. В это время позади себя я услышал какой-то звук, точно кто-то вздохнул,

---

[1] Эта березовая кора—все равно люди.

и вслед за тем один ствол, совсем подгнивший у корня, как-то странно согнулся, осел и стал падать на землю. Я едва успел отскочить в сторону.

— Наша надо скоро ходи в другое место,—сказал Савушка и начал быстро спускаться по склону горы. Я последовал за ним.

На все мои вопросы он не отвечал и был чем-то взволнован. Когда мы вышли на реку, ночные тени уже зарождались в лесу. Неслышными волнами они выползали из-под старых елей и обволакивали прибрежные кусты и груды колодника на отмелях. Деревья приняли странную окраску, которую нельзя назвать ни черной, ни зеленой. Какая-то ночная птица пронеслась мимо на своих мягких крыльях. Через несколько минут мы подходили к биваку. При свете огня видны были палатки, лодки, вытащенные на отмель, и люди, двигающиеся у костра.

Орочи сообщили мне, что дальше по реке много заломов, но все же продвигаться вперед можно. Вопрос заключался лишь в том, хватит ли продовольствия.

После ужина я стал расспрашивать орочей о березовом валежнике, виденном на сопке. Они сказали мне, что в горах живет злой дух какзаму, худотелый великан с редькообразной головой и с трехпалыми руками. Он может превращаться в любого зверя. Тогда он сбрасывает с себя внешнюю оболочку, которая и валяется на земле в виде берестяных футляров. Это одежда какзаму. Посещать такие места не следует: может напасть хищный зверь, упасть дерево или камень, можно сломать, вывихнуть ногу или тяжело заболеть. На следующее утро мне сообщили, что Савушка лежит на земле и кашляет кровью.

Болезнь Савушки задержала нас на месте до девяти часов утра. Когда он оправился немного, орочи помогли ему сесть в лодку, и затем мы тронулись в путь.

От места нашего бивака заломы тянулись на протяжении двухсот шагов; дальше протоки опять соединились в одно русло. Несмотря на то, что с бивака мы выступили поздно, нам все же удалось продвинуться вверх по реке довольно далеко. Плыли мы до самого вечера и, может быть, прошли бы еще несколько километров, если бы не новые заломы. Следующий день

был неудачный: река стала мелководной и еще больше заваленной колодником.

Как образуются такие заломы? В ненастное время года вода подмывает корни больших деревьев, растущих по берегам. Когда последние падают, они увлекают за собою молодняк. Вода подхватывает его и несет вниз по течению. Где-нибудь такой лесной великан застревает. Тотчас около него скопляется плавник—все больше и больше. Напором воды стволы деревьев так втиснуты друг в друга, что разобрать их голыми руками невозможно.

Медленно мы продвигались вперед, все время прорубаясь в заломах. Перетаскивание лодок на руках тоже требовало расчистки пути и усиленной работы топорами. На р. Иггу встречались водопады, основанием которых служили большие лиственничные стволы, упавшие в реку.

С той стороны, откуда идет вода, скопилось много песка и гальки. Иногда дерево при падении своем застревает вершиной на другом берегу. Между нижним его краем и поверхностью воды остается столь небольшое пространство, что улимагда задевает за него своими бортами. Людям надо или ложиться на дно лодки, или перелезать через дерево.

За тесниной, которую мы видели с высоты горы, долина расширилась. Справа по течению был обрывистый берег, поросший редкостойной лиственницей, а слева—широкие древнеречные террасы. За ними дальше виднелись ущелья и высокие остроконечные горы. Весь ландшафт производил впечатление дикой и величественной красоты. По словам Савушки, в этих местах весной держится так много сохатых, что табуны их на белом фоне снегов кажутся большими темными пятнами. Терраса была обезлесена пожарами и теперь покрылась мелколистным березняком (Betula japonica H. Wincler) двадцати- и тридцатилетнего возраста. Здесь в изобилии росла голубица (Vaccinium uliginosum L.). На ней было так много ягод, что кустарники имели синевато-сизый оттенок. Там и сям виднелись большие пятна желтых саранок (Hemerocalis Middendorffii Tr. et Mey) с цветами величиной с большую рюмку, расположенными, как канделябры.

Девятнадцатого июля мы бросили лодки и опять понесли грузы на себе.

Пусть читатель представит себе заболоченную тайгу, заваленную бурсломом, и банную атмосферу, и он поймет, что значит итти в гору с тяжелыми котомками за плечами.

Чем ближе мы подходили к водораздельному хребту Сихотэ-Алиню, тем больше характер местности становился расплывчатым. Остроконечные сопки исчезли, а вместо них появились холмы с сглаженными контурами как результаты эррозии. Изменился и характер растительности. Здесь были такие же замшистые и заболоченные леса, как и в истоках р. Иоли.

В этот день произошла в тайге встреча с отрядом инженера Н. М. Львова, который, пройдя по рр. Хуту и Аделами, вышел к Сихотэ-Алиню и теперь со съемкой спускался по р. Иггу на Копи, чтобы потом перебраться на р. Хади около Улема. После совместной дневки оба отряда пошли каждый по своему маршруту.

В ОТРОГАХ СИХОТЭ-АЛИНЯ

Двадцать третьего июля мы расстались с Н. Е. Кабановым. Вместе с больным Савушкой он спустился обратно по рр. Иггу и Копи к морю.

Самый перевал через Сихотэ-Алинь представляет собой глубокую седловину. Первый раз я перешел через него в марте 1909 года и назвал именем Русского географического общества. Севернее и южнее седловины хребет слагается из высоких гор с плоскими вершинами, покрытых ягельной тундрой. В этих местах он имеет крутые склоны, обращенные к востоку, и пологие—к западу. Отсюда можно видеть истоки рек: Гобили (правый приток Анюя) и Аделами (приток Хуту), а на юге—истоки Копи и Самарги. На перевале, который исчисляется в тысячу сто метров над уровнем моря, был репер[1] инженера Н. Н. Мазурова. Он нашел здесь мою доску с надписью: «Перевал Русско-

[1] Репер—знак, служащий опорной или проверочной точкой при нивеллировке. (Ред.)

го географического общества. 28 марта 1909 г. В. К. Арсеньев, казак Крылов, стрелки: Марунич, Рожков, Глегола» и прибил ее к дереву на старое место. Рядом с ней, пониже, я прибил другую доску с надписью: «21 июля 1927 г. В. К. Арсеньев, А. И. Кардаков, П. Хутунка, Ф. Мулинка, А. Намука и С. Геонка».

С вершины перевала открывался чудный вид на долину р. Цзаво, впадающей в Дынми, которая в свою очередь впадает в Анюй в среднем его течении с левой стороны. По небу ползли тяжелые тучи, они задевали за вершины Сихотэ-Алиня; на западе виднелись просветы в облаках и высокие сопки, озаренные солнцем.

Было уже поздно, когда мы начали спуск с перевала, и потому, как только нашли воду, тотчас встали биваком около старого моего астрономического пункта.

Утром меня разбудил мелкий и частый дождь, барабанивший в полотнища палатки. Надо сказать, что высоко в горах ненастная погода—явление довольно обычное. Всякое облако разряжается дождем. Вот почему на вершинах гор мы видим густой моховой покров, из которого можно выжимать воду, как из губки. В то время как внизу при морочном небе стоит сухая погода, в горах непременно идет дождь. Надо было поскорее спускаться в долину р. Иггу.

Обстановка была не из веселых. Густой туман, хвойный лес, затянутый бородатым лишайником, мох на стволах деревьев и на земле нагоняли смертную тоску Дождь шел без перерывов, то усиливаясь, то ослабевая. Весь день мы просидели в палатках, пили чай от скуки и жевали сухари.

К утру двадцать пятого числа дождь как будто немного перестал. Тогда мы пошли вниз по ключику Сололи. В горах шумел сильный ветер, и видно было, как раскачивались деревья.

Хмурая заболоченная тайга еще некоторое время продолжалась и к западу от Сихотэ-Алиня, но все же заметно было, что лиственница опять стала вытеснять аянскую ель и пихту. Сфагновые мхи и багульник тоже остались позади. Робко, нерешительно, сначала одиночными кустами, а потом и целыми группами стали выступать ольховники (Alnus fruticosa Rupr.) с темно-

бурой корою и глянцевито-смолистой листвою и какой-то тальник (Salix sp.) с тонкими ланцетовидными листьями, зазубренными по краям. Я отметил в своем дневнике знакомую нам кустарниковую березу и даурский рододендрон (Rododendron dahuricum L.) с серою корою и с мелкими темными кожистыми листочками. Там, где по руслу ручья древесная растительность была реже, пышно разросся вейник (Calamagrostis Langsdorffii Trin). Здесь он не достигал таких размеров, как на местах равнинных, но во всяком случае в зарослях его легко может укрыться медведь.

С переходом через Сихотэ-Алинь мы сразу попали в начало осени. Кое-где на деревьях листва уже начинала желтеть. И немудрено! Во-первых, мы были довольно высоко над уровнем моря, а во-вторых, во времени мы еще раз как бы перенеслись вперед.

Сололи представляет собой небольшой горный ручей, текущий по продольной долине. Сначала мы спускались по сильно размытому склону, изрезанному узкими ущельями, из которых бежала вода шумными каскадами. Мало-по-малу долина оформлялась. Чем дальше, тем больше она расширялась и вместе с тем углублялась между отрогами Сихотэ-Алиня, которые окаймляли ее с северной и южной сторон и имели вид высоких горных хребтов.

На пути А. И. Кардаков заметил морянок (Harelda glacialis L.) с бело-черным оперением, серыми ногами, оранжевым клювом и длинными рулевыми перьями в хвостах. Они казались смирными и подпускали человека довольно близко, но на самом деле все время были настороже. Их очень трудно убить из ружья, потому что они успевают нырнуть раньше, чем долетит до них дробь при выстреле. Затем я видел черную оляпку (Cinelus pallasi Temm.)—небольшую птичку величиною с дрозда, очень проворную и ловкую. Она перепрыгивала с камня на камень и постоянно озиралась по сторонам. Оляпка издавала крики, похожие на чириканье, только более певучие; в такт им она помахивала хвостиком и кивала своей грациозной головкой. Я остановился и стал следить за нею, но она вдруг бросилась в самую пучину, где вода пенилась и бурлила. Оляпка держала себя так, как будто это была ее родная стихия. Через минуту она

появилась на поверхности, перелетела на отмель и стала опять входить в воду все глубже и глубже, пока совсем не скрылась с головою. Я подошел к самому берегу. В это мгновение оляпка выскочила на камни и как ни в чем не бывало, даже не отряхнувшись, перелетела на другую отмель, потом на третью и скрылась за поворотом.

Следующие два дня снова были ненастные и холодные. Тучи низко бежали над землею и, не переставая, сыпали дождем. Только по вечерам являлась возможность отжать воду из одежды и просушить ее на огне.

На второй день пути мы уже встретили японскую березу (Betula japonica H. Wincler), весьма похожую на белую, европейскую, потом маньчжурский ясень (Fruxinus mandshurica Rupr.), о котором упоминалось при описании лесов на р. Копи, мелколистный клен (Acer ukurunduense Tr. et Mey) с желтой древесиной, буро-серой корой и с пятилопастными глубокозубчатыми листьями и наконец тополь (Populus Maximoviczii Sarg.) таких размеров, что из него можно было долбить лодки. Переход от охотской растительности на восточном склоне Сихотэ-Алиня к маньчжурской в бассейне р. Цзаво очень резок. Тут уже было другое подлесье, состоящее из бузины (Sambucus racemosa L.); ее легко узнать по крупной листве и по гроздям мелких красных ягод. Тут же рос и чубышник (Eleutherococcus senticosus Max.) с листьями, как у жень-шеня, и с тонкими ломкими шипами. Достаточно при ходьбе задеть его, чтобы сразу получить несколько заноз в пальцы рук. Еще больше заноз набивается в колени. К счастью, они не проникают глубоко под кожу и потому не вызывают больших нагноений.

Как только подходящие по размерам деревья были найдены, туземцы приступили к долблению лодок.

Во время сильного ветра с дождем я как-то простудился. К счастью, это случилось тогда, когда мы кончили путь с котомками. Я все время бодрился, перемогал себя и еле держался на ногах. Пока орочи делали лодки, я отлежался в палатке. Лихорадочное состояние стало проходить, но слабость еще не позволяла вставать с постели, если можно этим именем назвать охапку хвойных веток на земле, покрытых травою.

Наконец 28 августа дождь перестал. Орочи пошли за протоку опаливать лодки, а А. И. Кардаков отправился куда-то с фотографическим аппаратом. На биваке остался я один.

День был тихий и томительно жаркий. В воздухе не ощущалось ни малейшего движения: листва на деревьях и тонкие стебли вейника находились в состоянии абсолютного покоя. Время тянулось бесконечно долго. Какая-то истома охватила всю природу и погрузила ее в дремотное состояние. Даже мошки и комары куда-то исчезли. В шесть часов вечера я надел обувь и вышел из палатки. Солнечные лучи еще пробивались сквозь чащу леса и радужными тонами переливались на тенетах паука, раскинутых между двумя тальниками. День угасал. Нежное дыхание миллионов растений вздымало к небесам тонкие ароматы, которыми так отличается лесной воздух от городского. Я сел на камни и долго смотрел на запад. Солнце скрылось за горизонтом как раз в направлении долины Цзаво. В той стороне небосклон был совершенно безоблачен. На фоне его резко проектировались остроконечные вершины елей и пихт. Они-то именно и привлекли к себе мое внимание. Над каждым деревом вилась кверху быстро вращающаяся тонкая струйка, похожая на дым. Чем выше было хвойное дерево, тем больше и темнее была струя.

Я протер глаза, думая, что это мне кажется вследствие лихорадочного состояния. Но тогда почему не было таких же дымков над березами и тальниками? Вблизи росли две молодых елочки. С трудом я поднялся на ноги и встал по отношению к ним в такое положение, чтобы вершины их тоже проектировались на фоне зари, и тотчас увидел над ними такие же вращающиеся струйки. В это время на бивак пришел Геонка. Я велел ему качнуть ту и другую елочку. Струйки мгновенно исчезли. Когда же деревья встали неподвижно, струйки появились снова. Тогда я позвал удэхейца к себе и спросил его, не видит ли он что-нибудь над хвойными деревьями.

— Моя думай, это мошки,—сказал он и затем добавил:—Моя сейчас его поймай.

Он подошел к елочкам и стал ловить мошек головной сеткой. Он махал ею до тех пор, пока убедился в беспо-

лезности своих занятий. Геонка устал; он вернулся ко мне и в раздумьи сказал:

— Моя первый раз такой посмотри. Не знаю, хорошо это или худо?!

Солнце спускалось все ниже и ниже. Западный горизонт сделался багровым. Как только стало прохладнее, крутящиеся струйки исчезли. Возможно, что это были эфирные масла, которые собирались у верхних частей елей и пихт. Они поднимались кверху, приобретая вращательное движение. Через них преломлялись лучи вечерней зари, и от этого они казались темными.

А. И. Кардаков и орочи с работ вернулись, когда стало уже совсем смеркаться.

К утру следующего дня я почувствовал себя значительно лучше. С восходом солнца мы распрощались с нашим биваком, поплыли вниз по р. Цзаво и в полдень вошли в р. Дынми.

Западнее Сихотэ-Алиня и параллельно ему проходит очень древняя и сильно размытая горная складка, слагающаяся из метаморфических сланцев. Складка эта представляет собой первосозданную земную кору и является той древнейшей осью, около которой впоследствии сложился современный Уссурийский край. На р. Дынми можно видеть прекрасные обнажения кристаллических сланцев. В местах обвалов образовались красивые гроты. Ниже их с правой стороны тянется высокий скалистый берег, состоящий из глинистых сланцев, имеющих мелкоплитняковую или листоватую отдельность. Пласты сильно изогнуты, местами опрокинуты и даже поставлены на голову.

Там, где р. Дынми прорезает их, образуется опасный порог; вода идет через него со скоростью восемнадцати километров в час, бьется о прибрежные скалы, низвергается вниз пенящимися каскадами и в течение веков медленно, но непрестанно размывает мощные толщи сланцев, сложившихся миллионы лет назад. От шума воды на перекатах нельзя говорить обычным голосом, надо кричать на ухо друг другу. Ниже русло реки завалено камнями и тоже на значительном протяжении представляет собой широкий порог, где вода идет с ропотом, как бы негодуя на природу, которая и тут хотела создать ей препятствия на пути к Амуру.

Около порога мы остановились в нерешительности. Как быть? Опускаться по каскадам опасно, а перетаскивать лодки с грузами через высокие скалы невозможно. Взвесив все «за и против», орочи решили рискнуть. Едва мы оттолкнулись от берега, как быстрое течение подхватило нашу утлую ладью и со скоростью курьерского поезда понесло ее к порогу. Мимо мелькали кусты и деревья, росшие на берегу. Справа и слева из реки высовывались камни, обливаемые водою. Белая пена и волны окружили нас со всех сторон и точно бежали вперегонки с лодкой.

Мы решились на отчаянный шаг, но другого выхода не было. Если бы со стороны какой-нибудь наблюдатель мог взглянуть на наши лица, он увидел бы их бледными, увидел бы плотно сжатые губы и широко раскрытые испуганные глаза. Лодка качалась, прыгала через каскады и накренялась то на один, то на другой бок. Вода заливала ее, но, несмотря на это, мы мчались вниз с головокружительной быстротой. Орочи стояли на ногах и шестами отталкивались от камней, которые, как живые, вдруг появлялись из воды в непосредственной близости и как будто соперничали между собою в желании во что бы то ни стало преградить нам дорогу. У меня закружилась голова.

Вдруг лодка сразу осела вниз. Холодный душ обдал меня с ног до головы и заставил вскрикнуть. Вслед затем лодка выправилась; течение сделалось спокойнее; шум стал стихать, отодвигаясь куда-то назад. Только тогда я увидел, что сижу более чем по пояс в воде. Орочи свернули к берегу и подошли к галечниковой отмели. Они втащили немного лодку на камни и принялись берестяным ковшом выкачивать воду через корму.

Надо было отдохнуть и просушить намокшую одежду. Я воспользовался остановкой и пошел вдоль берега. Ниже по течению галечниковая отмель переходила в слои ила и песка, нанесенного водою. На них я заметил два свежих следа; тигровый и изюбровый и один старый—медвежий. В это время я увидел Мулинка. Он шел и что-то внимательно рассматривал на земле. На лице его я прочел выражение тревоги.

— Амба́ хоктони? [1]—сказал я ему по-орочески.

[1] Тигровый след?

— Посмотри сам,—ответил он мне и указал рукой на узенькую полоску на песке, как бы оставленную длинною щепкой. Быть может, это был след змеи или что-нибудь еще в этом роде. Я высказал вслух свои соображения.

— Тебе понимай нету,—ответил он мне и продолжал на своем родном языке:—Ын сугала́ хоктони багдыхе́[1].

Затем он громко крикнул, и тотчас отозвалось звучное эхо, сначала спереди, потом сзади нас, потом опять далеко впереди; словно кто перекликался в тайге. Эхо прошло перекатами через весь лес и замерло где-то в горах. Мулинка стоял, повернув немного голову в сторону, приоткрыв рот и вслушиваясь в эти странные звуки. Когда последний отголосок замер, он торопливо пошел к лодке и что-то быстро стал говорить другим орочам. На лицах их тоже выразилась тревога. Они поспешно начали сталкивать лодку в воду и звать меня.

Через минуту мы плыли дальше вниз по р. Дынми. Тогда я начал расспрашивать их о причинах торопливого ухода от порога, который мы с опасностью для жизни, но успешно прошли в лодках. Из ответов туземцев я узнал, что багдыхе́—маленький карлик. Он весь в волосах, даже лицо у него покрыто шерстью. Этот карлик живет в лесу, где много скал, и устраивает эхо. Он делает так, что люди слышат свои голоса, которые повторяются вдали и возвращаются обратно. Орочи боятся «скал с эхом» и стараются обойти их стороною. Такие места легко узнать. Тут всегда летом и зимою есть следы багдыхе́. Он ходит на одной лыже. След его мы и видели около галечниковой отмели на песке.

Ниже порога русло р. Дынми во многих местах завалено камнями. Она имеет ширину от пятнадцати до двадцати метров и быстроту течения семь-восемь километров в час. Эти мелководные участки представляют собой широкие пороги, где вода идет шумливо, но сравнительно спокойно. Плавание на лодках здесь возможно, но нужно внимательно смотреть вперед. Не доходя пятнадцати километров до устья, Дынми разбивается на протоки, забитые плавником.

---

[1] Это след лыжи багдыхе (буква х произносится с сильным оттенком буквы г).

Спускались мы довольно скоро и пока что благополучно. Иногда большая протока заводила нас в такой лабиринт, из которого можно было выбраться, только возвращаясь назад. Орочи часто останавливались и делали разведки. Они как-то угадывали, куда надо плыть: внешний вид протоки, быстрота течения и пена — ничто не ускользало от их внимания. Привычное ухо туземцев различало разные шумы воды впереди, и сообразно этому они принимали то или иное решение.

Чем больше мы удалялись от Сихотэ-Алиня, тем больше изменялся характер растительности. Ель, пихта и лиственница начали взбираться на самые вершины гор, а в долинах появились широколиственные леса маньчжурского типа. Теперь уже всюду встречался душистый тополь (Populus Maximoviczii Sarg.). Стройные светлосерые стволы его имели толщину в два-три обхвата на высоте груди. Тут же в сообществе с ним произрастал горный илем (Ulmus montana Wit.) — исконный обитатель первобытных лесов, еще не испорченных человеком. Казалось, будто кроны деревьев составляли особый слой воздушной растительности, покоящийся на прямых и ровных пепельно-серых стволах. Там, вверху, среди переплетающихся между собою густо облиственных ветвей обитают четвероногие: рысь, куница, росомаха, белка, соболь, и птицы: филин, сова, орехотворка, желна, сойка, поползень и дятел. По соседству с ульмом и тополем в лесной тени виднелся мелколистный клен (Acer mono Max.) с пятилопастными остроконечными листьями, уже начавшими краснеть. По берегам реки появилась спирея (Spiraea salicifolia L.) с мелкими цветами, сидящими на стебельках в виде розовых помпонов. Тут же росла сорбария (Sorbaria sorbifolia A. Br.) — довольно высокий кустарник с узловатыми ветвями, перистыми листьями и с ароматными белыми соцветиями в виде пышного султана, на которых всегда держится много насекомых.

Ближе к воде росла бледнозеленая недотрога (Impatiens noli-tangere L.) — оригинальное растение с травянистыми стеблями и жирными листьями. Название «недотроги» оно получило оттого, что плоды его при малейшем к ним прикосновении ло-

паются с легким треском и разбрасывают семена в стороны. Вейника тоже стало больше. Он рос вместе с полынью (Artemisia vulgaris L.), листья которой издают приятный запах. Полынь уже отцвела; большие метелки ее стали блекнуть и подсыхать. Отмели реки были декоративно украшены большими листьями знакомого нам белокопытника. Теперь он уже стал грубым и приобрел какой-то неприятный горьковатый привкус. Но самым красивым растением, невольно приковывающим к себе внимание, был папоротник (Matteuccia struthiopteris Tob.), громадные листья которого действительно напоминали страусовые перья и вполне оправдывали данное ему название.

Целый ряд признаков указывал, что Анюй недалеко. Вдали во мгле виднелись горные хребты, которые шли в направлении, перпендикулярном долине р. Дынми.

Весь день стояла переменная погода. Несколько раз принимался итти дождь, и только к вечеру небо немного очистилось. Мы не дошли до устья нескольких километров и встали биваком на правом берегу реки, которая делала тут изгиб. С одной стороны выступала большая отмель, а с другой был обрывистый берег. Вода подмывала его, отчего некоторые деревья росли в наклонном положении. На песке было много медвежьих следов. Орочи стали устраивать бивак, а я взял ружье и пошел по отмели. Один след показался мне каким-то странным. Медведь, оставивший отпечатки своих лап, должен был иметь длинное тело и короткие ноги. Он ходил по отмели взад и вперед и убежал, как только заметил наши лодки.

Сначала я шел быстро, ломая кусты сорбарии, но потом умерил шаг и старался итти возможно тише. Один раз мне показалось, что я видел зверя: что-то темное мелькнуло впереди. Другой раз до слуха моего донесся шорох в кустах. Следы вывели меня на реку и оборвались у воды. Досадно мне стало, что не удалось догнать зверя с уродливыми ногами. Я присел на берегу, чтобы отдохнуть немного.

Должно быть солнце опустилось за горизонт, потому что вдруг сделалось сумрачно и прохладно. В это время над рекой появился туман. Белые длинные клочья его тянулись кверху и принимали фантастические

очертания. Среди глубокой тишины, царившей в природе, я слышал биение собственного сердца. На темной поверхности воды появились круги. Какая-то рыба хватала ртом воздух. Вдруг что-то булькнуло у самых моих ног. Большая лягушка прыгнула с берега, но тотчас всплыла наверх и уставилась на меня своими выпученными глазами. Тогда я поднялся с валежины и направился к биваку.

На отмели я застал Геонка. Он вышел со стороны и, повидимому, тоже возвращался на бивак. Я окликнул удэхейца. Он обернулся и замер в неподвижной позе. Когда я подошел к нему вплотную, то увидел, что он смотрит куда-то мимо меня в пространство. В глазах его я прочел удивление и страх. Я оглянулся. Туман на реке исчез, и только около кустов с левой стороны реки держался один обрывок его, густой и белый. Он похож был на человека в длинной одежде с рукой, поднятою как бы для нанесения удара. Голова привидения казалась запутанной в вуаль, концы которой развевались по воздуху.

— Ын ганиги-и-и[1]!—громко воскликнул Геонка с таким видом, как будто он нашел наконец разгадку явления.

Ниги!—подхватило лесное эхо.

Как бы испугавшись человеческого голоса, туманная фигура сжалась, затем снизилась к воде и пропала. Последний обрывок тумана растаял в воздухе.

— Зачем его сюда ходи?—сказал удэхеец в раздумьи, направляясь к палаткам.

Когда мы пришли на бивак, он оживленно начал говорить орочам о видении. Те слушали с большим вниманием, задавали вопросы и вставляли свои замечания.

После ужина я стал расспрашивать Геонка о том, что такое ганиги. Удэхеец сказал, что этим именем называются женщины, живущие в воде. Они очень красивы и имеют рыбьи хвосты. Иногда ганиги выходят из воды голыми или в одежде, сотканной из тумана. Они зовут человека по имени и называют его род. Такой человек непременно утонет.

Меня поразило в описании ганиги сходство с русал-

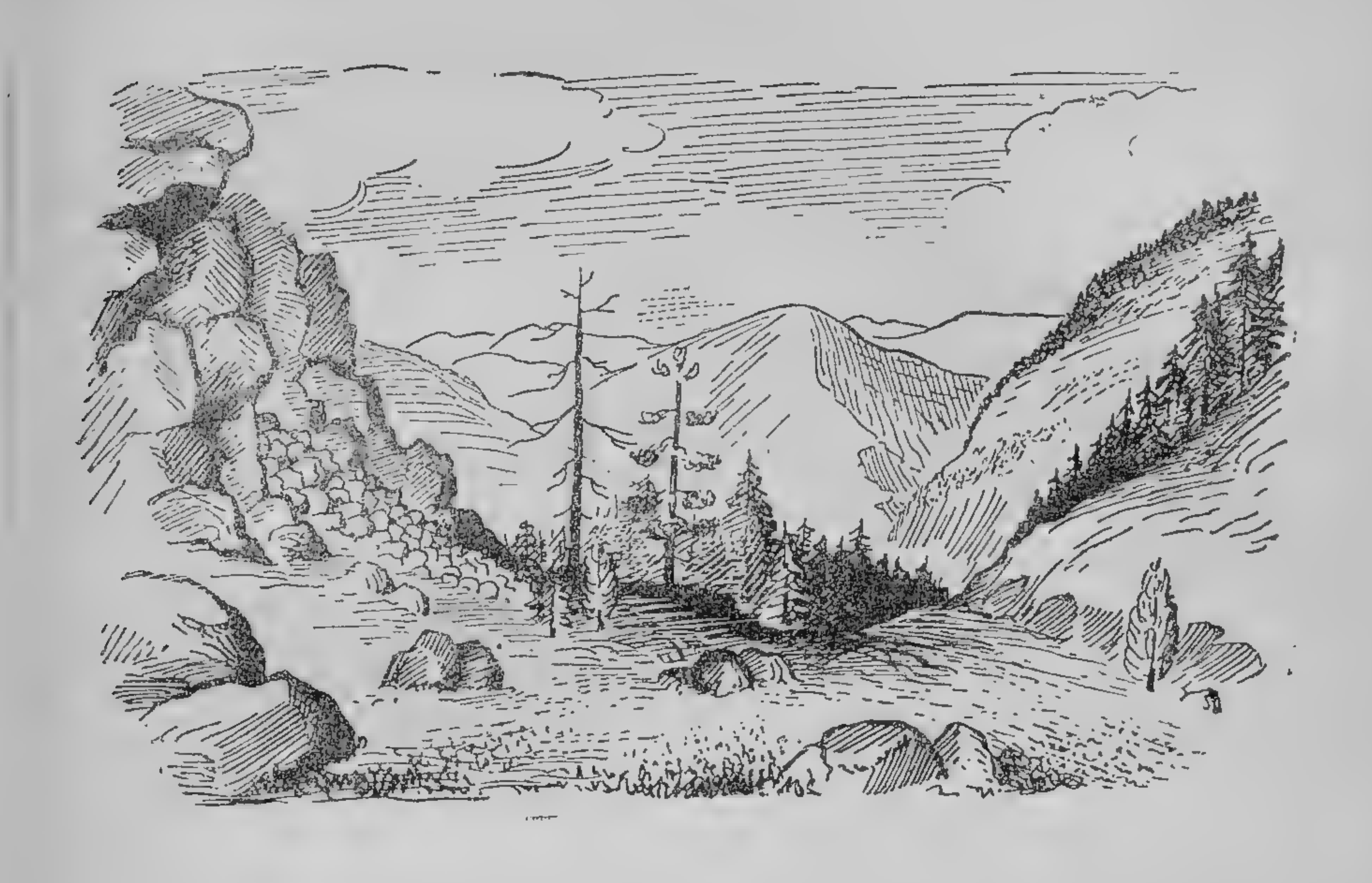
---

[1] Последнее г—придыхательное.

ками. Сходство не только общее по смыслу, но даже и в деталях. Откуда оно? Может быть, русалки и ганиги зародились где-нибудь в Средней Азии в древние времена. Отсюда они попали на запад к славянам и на северо-восток к удэхейцам.

Долго еще туземцы беседовали на эту тему. Они говорили, что ганиги любят приставать к людям, они манят их к себе, и если рассердятся, то угоняют рыбу, ломают лодки, портят сети, уносят остроги. Иногда их видят плывущими по реке на буреломе или в лодке. При встрече с человеком они уходят в воду или растворяются в воздухе, как туман, и становятся невидимыми. Чтобы прогнать ганиги, надо крикнуть или выстрелить из ружья.

Разговоры эти затянулись до полуночи. Перед тем как ложиться спать, туземцы на всякий случай подтащили лодки поближе к костру и решили всю ночь поддерживать большой огонь.

ВЕРХНИЙ АНЮЙ

Тридцатого июля мы вышли на Анюй. Я не узнал места впадения Дынми. Раньше она бурливо вливала воды свои у подножия скалистой сопки, а теперь устье ее переместилось на полкилометра к югу. Старое русло было занесено галькой и уже успело зарасти молодым лесом. Видно было, что река дважды меняла свое направление. Теперь Дынми вливалась в Анюй тихо и спокойно. От старого русла ее отделяет большая галечниковая отмель. Здесь в амбаре я нашел свою базу, любезно устроенную мне инженером Н. Н. Мазуровым, и его письмо от 2 августа, которым он извещал меня, что по р. Тормасунь нельзя итти вследствие большой воды.

Около устья Анюя мы сделали дневку. День выпал, как нарочно, солнечный и теплый. Орочи растянули на гальке палатки для просушки и принялись разбирать имущество, а я направился к р. Анюю. Я ожидал встретить его бурным, как и раньше. Тогда плавание

по нему считалось опасным. Помню, в 1908 году мы с величайшим трудом подымались по этой реке. Взять перекат было рискованным предприятием. Я помню страшные водовороты Иока, которые втягивали в себя большие деревья. Во многих местах туземцы не решались плыть на лодках и перетаскивали лодки по берегу. Таков был Анюй лет двадцать назад. Велико же было мое изумление, когда мы дошли до устья Дынми. Последняя встретила Анюй величаво спокойным. «Глядишь и не знаешь—идет или не идет величавая его ширина. Ни зашелохнет, ни прогремит».

Я не узнал Анюя. Географически—это он, а по характеру—совсем другая река. В 1908 году я назвал его бешеным и весьма опасным для плавания, а теперь, в 1927 году, я увидел спокойную, тихую реку, вполне доступную для сплава леса. В 1908 году в верховьях вода шла двенадцать, а внизу десять километров в час. Теперь течение значительно ослабело: вверху оно равняется восьми, а внизу шести километрам в час. Эту перемену в режиме реки заметили и туземцы. Они говорят, что ее течение стало спокойнее, истоки доступнее, равно и спуск по воде тоже лучше и безопаснее. Если раньше по реке они спускались в два дня, то теперь на такое плавание нужно трое с половиной и даже четверо суток.

Что за перемена произошла с Анюем? Причин может быть только две: или стало меньше воды, или произошло выравнивание дна.

Вечером перед сумерками мы сидели на берегу реки и говорили о том, что, повидимому, какие-то силы нивелировали дно реки. Как бы в подтверждение моих слов со стороны Анюя послышался странный шум, похожий на подземный грохот. Шум этот возник выше по воде. Он то усиливался, то замирал, то неожиданно снова поднимался и приближался к нам. Это был рев, стенанье и «скрежет зубовный». Когда шум поровнялся с нами, стало ясно, что вода по дну влекла какую-то большую тяжесть—несомненно, каменную глыбу, быть может, в несколько тонн величиною. Затем шум этот прекратился.

Трудовой день кончился, я возвратился на бивак, орочи принялись готовить ужин. Скоро весь табор по-

грузился в сон. Мне не спалось. Ночь выпала на редкость тихая и спокойная. Темное небо, усеянное миллионами звезд, казалось беспредельно глубоким. И вдруг опять этот шум: глухой и могучий, таинственный и грозный!

В ночной тишине он показался очень резким. Очевидно, вода подмыла ложе каменной глыбы и снова стала увлекать ее вниз по течению. И опять он то затихал, то усиливался, то совсем сходил на-нет. Из соседней палатки вышел Намука. Его тоже разбудили страшные звуки. На биваке они не вызвали переполоха, но в одиночестве, среди безмолвной тайги такой шум способен взволновать душу дикаря, у которого нет другого объяснения, как вмешательства сверхъестественной силы. Подобный шум, которому мы сами можем дать лишь гадательное объяснение, способен произвести сильное впечатление и на образованного человека. Что же говорить про туземца, видящего во всем козни злого духа!

Во многих местах края за последние двадцать лет произошли большие изменения. Там, где были скалы, появились осыпи, и русла рек переместились в стороны. В данном случае тоже произошло выравнивание дна большой горно-таежной реки. Некоторые протоки занесло галькой, водовороты исчезли. Школа Лайеля учит нас, что все изменения в природе происходят медленно, почти незаметно для глаза в течение многих веков, тысячелетий... Песчинку за песчинкой наносит вода и капля по капле долбит камень. Если же мы не замечаем этого, то потому только, что жизнь наша коротка, знания ничтожны и равнодушие велико. Под влиянием воды и атмосферных агентов лик земли претерпевает большие изменения. Через двадцать-тридцать лет туземцы не узнают мест, посещенных ими ранее. С исчезновением лесов разрушения на земной поверхности могут происходить гораздо быстрее. Геологические часы Лайеля не имеют ровного хода; они идут скачками и временами требуют поправок на катаклизмы Кювье. Сихотэ-Алинь в верховьях Хора и Анюя представляет собой сильно размытую горную страну. Здесь залегают пять параллельных хребтов, очень древних и расположенных высоко над уровнем моря. Эти горные складки обусловили направления рек по межскладочным долинам и долинам прорывов. Если забраться в са-

мые истоки Хора и там спросить проводника, на какую реку можно выйти, если пойти через сопки вправо, тот ответит: «На Анюй», а если итти через горы влево, то получится тот же лаконический ответ: «На Анюй». Значит, верховья Хора являются «объемлемыми», а верховья Анюя «объемлющими».

Самой восточной горной складкой будет Сихотэ-Алинь, самой западной—водораздел между р. Хором и истоками рек Немпту и Мухенем, впадающих в Амур с правой стороны ниже г. Хабаровска, на которые мы и держали свой путь. В верховьях Анюя горы невелики; они имеют вид пологих холмов с широкими седловинами и представляют собой прекрасный образец эррозийного[1] ландшафта. Отсюда Анюй сначала течет на юго-запад, потом немного на юго-восток, затем поворачивает на северо-восток, каковое направление и сохраняет до приема в себя с правой стороны р. Дынми.

В верхнем течении Анюй мелководен. Множество порогов делают плавание по нему чрезвычайно опасным. Туземцы заходят туда только зимою по льду реки. Долина, как таковая, отсутствует; сопки поднимаются прямо из воды крутыми склонами или совершенно отвесными скалами, чередующимися в шахматном порядке то с одной, то с другой стороны. Местами падение дна реки прямо заметно на-глаз. Только один раз удэхейцы сделали попытку забраться в самые верховья Анюя. Они спустились вниз по воде с соблюдением всех предосторожностей, сдерживая лодку ремнями и перетаскивая ее волоком через камни и т. д. Попытка эта стоила им одной человеческой жизни.

В истоках Анюй слагается из трех горных ручьев. Место слияния их называется Элацзаво. Отсюда, если итти вниз по течению, Анюй принимает в себя следующие притоки: слева Сагдыбязā, Микингали, Бомболи и Тоусá 1-я, а справа—Иокобязани, Удзяки, Тоусá 2-я и Дынми. Против Иокобязани в скале есть пещера. В глубине ее слышны разные крики, и сверху сыплются камни. Это жилище одного из самых страшных злых духов—каксаму. Проходя мимо пещеры, охотники стараются не шуметь и не разговаривать. Другой

[1] От слова эррозия—размывание. (Ред.)

замечательной рекой будет Бомболи, берущая начало с высокого горного хребта Тальдаки-Янгени, служащего водоразделом между Хором и Анюем. Вся долина Бомболи завалена большими круглыми камнями, благодаря чему она и получила свое настоящее название. Зимою из-под камней выходит пар, и вода в ней никогда не замерзает. Немного ниже Микингали на Анюе есть очень красивый водопад. Здесь во всю ширину реки дно обрывается уступом, с которого масса воды свергается вниз с большим шумом. У подножия уступа образовался глубокий водоем, в котором осенью держится много кеты.

31 июля мы расстались с р. Дынми и поплыли вниз по Анюю, который на протяжении по крайней мере сорока километров проходит среди ущелий. Долина его имеет крайне изломанный характер и обставлена высокими скалистыми сопками. Это типичная денудационная долина, в которой более или менее широкие котловины чередуются с узкими проходами, удачно названными русскими «щеками». По руслу, сжатому с обеих сторон, река силою проложила себе дорогу. Приближаясь к порогу, река начинает волноваться и гневно роптать, затем ропот ее превращается в грозный рев; вода стремительно несется вниз, прыгает по камням и бьется о прибрежные утесы, как бы желая раздвинуть их в стороны. Заслышав такой шум, орочи встают в лодках, разбирают шесты и пытливо всматриваются вперед, прикрывая рукой глаза от солнца.

Один из порогов был особенно опасен. Три ряда камней шли поперек реки так, что один из них—средний—примыкал к левому, а два других — к правому берегу. Задержав улимагды носом против воды, орочи начали опускать их по течению в первый узкий проход. Когда камни были обойдены, они продвинули лодки поперек реки вправо, пока не подошли ко второму проходу. Здесь опять спустили лодки по воде, опять передвинули их боком влево и благополучно вышли из каменных ловушек. Когда течением несколько отнесло нас от камней, туземцы уложили шесты так, чтобы они были под руками, разобрали весла и уселись на свои места.

По среднему течению Анюя произрастают хорошие смешанные леса, состоящие из хвойных и широко-

лиственных пород. Здесь впервые мы встретили корейский кедр (Pinus koraiensis S. et Z.) сначала одиночными экземплярами, а потом и более частыми насаждениями. Обычно ствол кедра в верхней части разделяется на несколько ветвей; они поднимаются кверху одним пучком, по которому издали всегда можно отличить кедр от ели и пихты. Кроме тополя, ясеня и ильма, здесь же рос монгольский дуб (Quercus mongolica Fisch.), сохраняющий листву до весны, пока новые почки не сбросят их на землю. Возможно, что этот дуб раньше был вечнозеленым деревом. Местообитанием дуба были солнечные склоны гор. Тут же вперемежку с дубом нашла себе приют черная береза (Betula dahurica Pall.). Уже одно название ее указывает, на что следует обратить внимание. И действительно, ствол ее покрыт блестящей темнобурой корою, которая, растрескиваясь, образует нечто вроде твердо сидящих чешуй. У черной березы совершенно иное расположение ветвей, что резко отличает ее от белой и каменной березы, описание которых приводилось выше. В сообщество с перечисленными древесными породами вошла и амурская липа (Tilia amurensis Kom.) с толстыми приземистыми стволами и большими узловатыми ветвями. Если дуб и черная береза избрали себе южные склоны гор, то липа спустилась ниже, где толще были слои наносной земли; но в то же время она сторонилась других деревьев, которые могли бы затенить ее от солнца. По уремам появились в изобилии высокоствольные тальники (Salix viminalis L.), образовавшие местами целые рощи. Ветви их поднимаются от самого комля и идут кверху вдоль ствола, отчего деревья имеют вид пирамидальных тополей. Повсюду стали попадаться высокие кусты лещины (Corylus mandshurica Max.), орехи которых покрыты длинными колючими чехликами в виде трубок. Описание подлесья было бы неполное, если бы мы не упомянули о лимоннике (Schisandra chinensis Baill.), взбирающемся по кустам и стволам деревьев поближе к свету. Его можно узнать по красным ягодам, висящим небольшими плотными кистями, и по приятному запаху, который издают его стебли в местах свежих изломов, действительно своим ароматом напоминающие лимон. В сырых местах виднелись пышные

заросли папоротников (Osmunda cinnamomea L.) с грубыми плойчатыми листьями, нередко вытесняющие всякую другую растительность, и другой вид (Athyrium felix femina Koth.) с более изящными и нежными листьями, на которых поры (с исподней стороны) расположены не по краям лепестков, а по середине их. Здесь было много и других интересных растений, описание которых отняло бы много времени и места. Все они уже отцвели и обсеменились. Вегетационный период приближался к концу. Деревья еще не утратили своего летнего наряда, но листва их уже начала блекнуть и разукрашиваться в яркие осенние тона.

Весь день мы плыли по Анюю, любуясь скалистыми берегами, лесистыми островами и пенящимися порогами. Утесы на гребнях гор имели вид старых замков, разрушенных временем и покинутых людьми.

Лодки наши, влекомые течением, плыли по середине реки, но иногда так близко проходили около берегов, что вынуждали нас пригибаться книзу, чтобы не задеть головами за ветви и стволы деревьев, низко склонившихся над водою. Мы сидели тихо и внимательно посматривали по берегам.

Один раз нас обогнал какой-то небольшой пернатый хищник. Он летел совсем низко над водою, почти без взмахов крыльями. Хутунка стрелял его в лет и убил. Вынутая из воды птица оказалась черноухим коршуном (Milvus melanotis Temm et Sch.). Он имел рыжевато-бурое оперение, темноокрашенную голову и вырезанный в середине хвост. По словам туземцев, этот коршун питается дохлой рыбой. Иногда он поднимается высоко на небо и оттуда падает камнем вниз, но, немного не долетев до поверхности воды, ловко изворачивается и вновь взлетает кверху.

Около полудня мы сделали привал. Выйдя на берег, я услышал в соседних кустах пронзительные крики сойки (Garrulus Brandti ussuriensis But.) и скоро увидел ее самое. Она имела красивое рыжевато-красное оперение с голубыми и черными зеркальцами на крыльях и хохол на голове. Сойка, воровски озираясь по сторонам, все время прыгала с ветки на ветку, иногда выскакивая наружу, и опять проворно пряталась в чаще. Во вторую половину дня я заметил двух речных

зуйков (Aegialitis dubia Scop)—чрезвычайно миловидных птичек с темным и белым оперением и по внешнему виду похожих на куличков, только с короткими клювами. Они быстро бегали по песчаной отмели и что-то клевали у самой воды. Время от времени останавливались и грациозно помахивали своими хвостиками. Когда лодки подошли совсем близко, они сначала отбежали от приливной волны, потом поднялись на воздух, перелетели к другому берегу и низко над водой понеслись вдоль реки.

Незадолго до сумерек мы стали выбирать место для бивака.

С правой стороны высились мрачные утесы, а слева тянулся низменный берег, заросший молодым ивняком. В одном месте была глубокая заводь, весьма удобная для стоянки лодок. Тут же на берегу валялось много сухого валежника. Орочи принялись ставить палатки, а я пошел немного по отмели к лесу. На берегу сухой протоки я увидел еще одну птицу — восточно-сибирского погоныша (Limnobaenus paykulli Ljungh), называемого местными жителями «болотной курицей». Погоныш ведет уединенный образ жизни. Весь день он скрывается в зарослях и только перед сумерками решается выходить на открытые места. Осторожная и неуклюжая птица эта, довольно бесцветная, серо-бурая, с желтым клювом и большими ногами, шла как-то сгорбившись и вытянув вперед шею. Я сделал неосторожное движение. Погоныш испугался, неловко взметнулся кверху и полетел, как-то странно болтая крыльями и ногами. Просто даже не верится, что он может совершать перелеты осенью и весною на большие расстояния.

Вечером, после ужина, мы все рано разошлись по палаткам. Я тоже залез в свой комарник и погрузился в дремотное состояние. Проснулся я часа в четыре утра. Не хотелось мне будить своих спутников, не хотелось одеваться, и потому я терпеливо лежал на своем жестком ложе, думал о пройденном пути и соображал свой дальнейший маршрут.

Вдруг вся палатка разом осветилась, словно вспыхнула молния, и вслед затем, через полторы-две минуты, по лесу прокатился какой-то гул: точно удар грома или

отдаленный пушечный выстрел. Тогда я приподнял полу палатки и выглянул наружу.

На земле было еще темно, но на восточном горизонте как будто начинало брезжить. Несколько ярких звезд мерцало над рекою. На противоположном берегу два высоких кедра стояли неподвижно и тоже как будто прислушивались к странному шуму, всколыхнувшему сонный воздух. Прошло еще несколько минут. Великое безмолвие снова овладело землей. В соседней палатке кто-то храпел. Костер на нашем биваке совсем почти погас; только одна головешка еще тлела в золе. Обильная роса смочила полы палатки.

Что же это было? Может быть, в самом деле молния и удар грома, может быть—падение болида[1] на землю. Я очень пожалел, что не адресовался к секундной стрелке часов тотчас после вспышки света. Тогда можно было бы определить, как далеко от нашего бивака находилось то место, откуда пришел этот гул.

Я почувствовал, что прозяб. Тогда я встал и развел большой огонь. Через полчаса проснулся Мулинка. Он тоже слышал удар грома и думал, что надвигается гроза. Наши голоса разбудили остальных людей.

Когда совсем рассвело, мы были уже в дороге.

Все большие притоки Анюя находятся в среднем его течении и располагаются так: Дынми и Гобилли — с правой стороны, а Поди и Тормасунь — с левой. Река Поди не велика. В проекции она вместе со своим притоком Тальки образует фигуру, похожую на цифру четыре. По ней против воды на лодках можно подниматься четверо суток и затем надо еще два дня идти пешком до перевала на р. Хор. В долине Тальки старое пожарище. Здесь держится много сохатых.

Река Гобилли больше Поди. Она течет вдоль Сихотэ-Алиня и несколько под углом к нему с северо-востока. В основе строения долины залегают какие-то пестрые с черными прослойками метаморфизованные горные породы[2], пронизанные жилами молочно-белого кварца, окрашенного в ржаво-красные, голубые, желтые и зеленоватые тона. На половине пути между истоками Го-

---

[1] Болид—яркая падающая звезда. (Ред.)
[2] Метаморфизованные—измененные. (Ред.)

биллп и ее устьем, но ближе к Аныю есть три водопада. Выше последнего по всем правым притокам будут перевалы на Фунгари, а по всем левым—в бассейн реки Хуту, впадающей в Тумнин. Первый левый приток между вторым и третьим водопадами удэхейцы называют Чжанге уоляни что значит, речка, ведущая на перевал, по которой прошел Чжанге. Этим именем, каковое и удержалось до сих пор, они назвали меня в 1908 году. Тогда я со своими пятью спутниками вышел на р. Буту и потерпел там аварию. Без оружия и продовольствия, с большими лишениями мы добрались до р. Хуту, где, наверно, погибли бы с голоду, если бы не случайная встреча с орочами.

На Гобилли мы теперь не задерживались, поплыли дальше и 1 августа после полудня подошли к р. Тормасунь. Здесь на большой галечниковой отмели мы застали две удэхейских семьи. Все мужчины из рода Кялондига зачем-то ушли на Амур, а дома остались только женщины и дети. Среди них была одна старуха лет семидесяти. Несмотря на свой преклонный возраст, она сохранила живость движений, хорошее зрение и слух. По тому, как она делала распоряжения и как приказания ее исполнялись, видно было, что она пользовалась среди других женщин большим авторитетом. Старуха расспрашивала сопровождавших меня туземцев о том, как мы шли и как живут копинские орочи.

Я велел своим спутникам готовить обед, а сам отправился на ближайшую горелую сопку, чтобы с вершины ее взглянуть на р. Тормасунь. От непрекращающихся дождей она вышла из берегов и с такой силой выносила свою мутную воду в Анюй, что прижимала течение последнего к противоположному берегу.

Тормасунь (удэхейцы называют «Тонмасу») такой же величины, как и Гобилли, и течет по отношению к Анюю под острым углом, почти в широтном направлении. С правой стороны она принимает в себя три небольших притока: Томчу, Ялу и Сизюку, а с левой стороны—одну только речку Мангнп.

Из всех притоков Анюя Тормасунь считается самым быстрым. Подъем против течения по нему возможен только в сухое время года. Если вода в реке хоть немного подымется выше своего обычного уровня, поро-

ги и каскады ее делаются недоступны. На подъем против воды тратится до девяти суток, но зато перевал на р. Сор настолько невелик, что люди предпочитают перетаскивать через него лодки, чем по ту сторону делать новые. Женщина с ребенком на руках переходит от р. Тормасунь до р. Сор в один день, а мужчины в то же время с котомками за плечами успевают сделать три конца.

Все это было крайне заманчиво, но большая вода наложила запрет на Тормасунь.

Горная сопка, с которой я теперь обозревал окрестности, лет десять назад была покрыта большим хвойно-смешанным лесом. После пожара много стволов осталось стоять на корню и еще больше их валялось на земле. Теперь здесь разрослись актинидии (Actinidia Kolomikta Max.), они обвивали сухостойный бурелом, перекидывались на кусты и местами образовали такие заросли, что я неоднократно должен был прибегать к помощи ножа, чтобы освободиться от опутывавших меня длинных гибких лиан. Актинидии дают очень вкусные сочные плоды, которые русские переселенцы называют «кишмишем».

Интересно также отметить окраску листьев этого оригинального растения. Полностью или частично они утратили зеленый цвет и сделались белыми, бледнорозовыми и пурпуровыми. Может быть, окраска эта служит для насекомых приманкой к невзрачным белесоватым цветам, скрытым под листвою. Увидев издали розовые и белые блики, шмели принимают их за цветы, а приблизившись к ним, находят истинные цветы по запаху, который они выделяют.

Выйдя из зарослей, я вступил в живой лес и остановился, чтобы передохнуть. В это время я увидел небольшое животное с блестящей черно-бурой шерстью, таким же темным и довольно пушистым хвостом. Изящная остромордая головка зверька сидела на соразмерно длинной шее, нижняя часть которой и грудка были окрашены в желтый цвет с зеленоватым оттенком. Я тотчас узнал куницу (Mustela flavigula borealis Rodde). Она пробиралась по валежине несколько наискось к моему пути. В движениях ее было много грациозного и кошачьего. Куница меня не видела и держала себя

непринужденно. Я решил наблюдать за ней. Однако она вскоре заметила меня, остановилась, затем осторожно опустилась на брюшко и припала к колодине вплотную. Общая окраска животного до того подходила под цвет темной коры дерева, украшенной желто-зеленым мхом, что если бы я не видел его раньше, то мог бы пройти мимо и не заметить. Своими черными глазами куница смотрела на меня в упор. Я совершенно не хотел лишать жизни это грациозное животное и любовался им несколько минут. Быть может, куница думала, что я ее не вижу, и потому притаилась. Желая проверить это, я сделал движение рукой—зверек не шелохнулся. Я сделал шаг, другой—он еще плотнее прижался к дереву. Случайно я задел ногою длинную тонкую ветку, конец которой лежал как раз на колодине около животного. Куница испугалась и с поразительной быстротой взобралась на высокий кедр. Как потом я ни всматривался, увидеть ее больше не мог. Может быть, в стволе дерева было дупло, в котором она и спряталась.

Через полчаса я был около удэхейских юрт. Мои спутники уже пообедали и ждали только моего возвращения.

Посоветовавшись с орочами, я решил спуститься еще немного по Анюю до местности Кандахе и там задержаться на несколько суток. Была надежда, что за это время спадет вода и, может быть, явится возможность идти вверх по р. Тормасунь. Для этого надо было пополнить запасы продовольствия. Кроме того необходимо было приодеть своих туземцев. Они сильно обносились, а путь предстоял еще длинный, еще более трудный и опять-таки по местности совершенно безлюдной.

НАВОДНЕНИЕ

Между р. Тормасунь и местностью Кандахе, ближе к последней, на возвышенном правом берегу Анюя стоит покинутый дом, который удэхейцы называют «доке». Спускаясь к реке, я решил его осмотреть и велел пристать к берегу, а другой лодке итти дальше и устраивать бивак где-нибудь ниже. Орочи ловко повернули улимагду и, пройдя на шестах против воды метров двадцать, причалили к высокому яру. Они тотчас достали свои трубки и стали курить, а я по тропе, уже заросшей травою, подошел к дому.

Он был деревянный, но срубленный чисто. Углы его были аккуратно вытесаны; верхний тесовый край около крыши, а равно и карнизы окон украшены резьбою. Дом был расположен вдоль берега и передним фасадом обращен к реке. С лицевой стороны он имел три окна, слева—одно окно и справа—дверь. Хорошо пригнанные рамы во многих местах еще сохранили стекла; потолок и пол были плотно сколочены и не имели ще-

лей. Справа от входа стояла железная печь, а за ней тянулись длинные деревянные нары.

Кое-какие вещи лежали на полках и были разбросаны по полу.

Получалось впечатление весьма поспешного отъезда, похожего на бегство.

Приглядываясь к деталям, я узнал работу китайцев. Дом покинули недавно—в прошлом году. Вокруг него выросло много травы. Этот дом принадлежал удэхейцу Маха Кялондига. Он нанял китайцев, и за восемьсот рублей они «срубили ему домик наславу». Но недолго в нем прожил Маха. С первых же дней, как он поселился в нем, вблизи стали твориться странные вещи: как только люди гасили огни и ложились спать, около дома начинал кто-то ходить, в печной трубе слышались вздохи, в лесу раздавались голоса, и кто-то пронзительно свистал.

Уже это одно указывало Маха, что место для дома было выбрано неудачно, и он начал жалеть о затраченных деньгах. Осенью появились новые нехорошие признаки. Берег, где стоял дом, с незапамятных времен был известен своею прочностью. Никакое наводнение не подмывало его, и в течение многих лет он сохранил свои очертания, а тут вдруг, ни с того ни с сего, неожиданно обвалился. Маха стал задумываться и поговаривать о том, чтобы весной после ледохода разобрать дом и сплавить его куда-нибудь вниз по реке или продать. Но кто купит дом с такой нехорошей репутацией? Пришла зима, и тут случились два события, которые окончательно решили участь нового дома.

Осенью Маха купил лошадь, но не позаботился о заготовке ей корма в достаточном количестве. Когда она стала голодать, он решил ее гнать вниз по реке. Но едва согнал лошадь на лед, запорошенный снегом, как она сразу провалилась и утонула, а сам он еле-еле выбрался из воды.

Второе событие принесло еще большее несчастье. Старший сын Маха, молодой человек двадцати двух лет, по имени Гяма, пошел с двумя товарищами на охоту. На свежевыпавшем снегу они нашли следы рыси и стали ее преследовать. Рысь, спасаясь от охотников, взобралась на большую сухую ель, выросшую среди

камней, острые края которых торчали из-под снега. Охотники стреляли и убили животное, но так неудачно, что оно застряло между ветвями и не падало на землю. Оставалось или рубить дерево, или лезть кому-либо на его вершину. Гяма избрал последнее и стал взбираться наверх. Когда он уже был близко к цели, один сучок, на который он оперся коленом, вдруг обломился. Охотник полетел вниз и всей тяжестью своего тела ударился о камни. Он сломал обе ноги, два ребра и спинной хребет. Через полчаса после падения Гяма умер. Товарищи доставили его тело домой.

На другой день после похорон сына Маха собрал свое имущество, уложил все в нарты и покинул проклятое место навсегда. Новым местожительством он избрал местность Пунчи, где находился старый балаган из корья. В нем я и застал его вместе с семьею.

Осмотрев дом, я вышел наружу. Печальный вид имело покинутое жилище. Пусть причиной являются предрассудки, невежество, но все же люди сами, с чувством страха перед неведомым, неизвестным, бежали. Прошлое покинутых домов всегда окружено таинственностью. О них ходят легенды (чем больше дом, тем страшнее легенда), которые со временем забываются или растут и принимают фантастически большие размеры.

День клонился к вечеру. Сумрачное небо грозило дождем. В тайге было тихо, а вверху ветер гнал тучи и лохматил их края. Сердитые, темные, они мчались куда-то на северо-восток, как бы с намерением излить всю злобу свою в потоках дождевой воды, и неизвестно было, какие силы гнали их и за какие вины отдавалась земля во власть рассвирепевшей стихии. В это время лесная тишина нарушилась громкими тоскливыми криками. Сначала я думал, что это сова, но потом узнал малую болотную цаплю. С неба упало несколько капель—начал накрапывать дождь. Надо было поскорее добраться до бивака. Шагая по тропе, я чуть было не наступил на большую жабу. Она сидела, расставив передние лапы, как будто подбоченясь. Чувствуя приближение сумерек, она выползла из земли, чтобы насладиться ненастьем и поохотиться за ночными насекомыми.

Орочи оттолкнули лодку от берега, и мы поплыли вниз по Анюю.

Сумерки быстро сгущались—заметно становилось темнее. Еще несколько ударов веслом, и покинутое жилище скрылось за поворотом.

Второго августа одна из лодок с двумя орочами—Геонка и Хутунка—отправилась вниз по Анюю. Они должны были пробраться на Амур, сделать там необходимые покупки и как можно скорее возвращаться назад. В это время погода испортилась, и снова пошли затяжные дожди, обрекшие нас на бездействие. В эти ненастные дни мы нашли приют в маленьком бревенчатом домике удэхейца Инси Амуленка, расположенном на правом берегу Анюя, в местности, носящей название Кандахе. Около дома стояли амбар на сваях и юрта из корья—первобытные постройки, с которыми туземцы никак не могут расстаться, даже в том случае, когда заимствуют более совершенные жилища у русских и китайцев.

Семья Инси Амуленка состояла из его жены, взрослого женатого сына Тунси, его свояченицы, двоих детей и малолетней родственницы, которая жила у него в качестве приемыша.

Инси был мужчина лет шестидесяти, довольно высокого роста, сухощавый. Лицо его было немного скуластое и нос с ясно выраженной горбинкой. Небольшие усы и небольшая козлиная борода указывали на его южное происхождение. Так оно и было. Из расспросов выяснилось, что Инси родился в южной части Уссурийского края. С малых лет он терпел жестокие притеснения от китайцев, систематически обиравших его отца. После смерти родителей манзы за долги объявили его «да-хула-цзы», т. е. вечным даровым работником. Тогда он бежал на север. Долго Инси плыл морем вдоль берега, прятался среди скал, спал без огня и питался тем, что попадалось ему под руку на намывной полосе прибоя: мелкие крабы, морские ежи, раковины, береговички, яйца птиц и т. п. Через месяц он добрался до р. Копи и поселился около притока Бяпали. Здесь Инси женился. Когда же на Копи началась рубка леса, он перекочевал на Анюй, в местность Кандахе, где и прожил около десяти лет.

На Анюе Инси считался одним из самых сильных шаманов. Он имел шаманский костюм с головным убором и шаманский бубен в берестяном футляре, на котором красной и черной красками изображены были различные животные, помогающие ему при камлании.

От своих притеснителей-китайцев он научился земледелию. Около его дома мы нашли небольшой огород, на котором были посажены: картофель, табак, стручковый перец и китайская капуста. Этот огород доставлял немало хлопот Инси. В окрестностях бродило много кабанов. Они часто навещали Кандахе и чинили потравы.

Тунси вырыл ловчую яму и поймал в нее супоросную свинью, которая принесла ему много поросят. Это были очень милые подвижные животные рыжеватого цвета, с продольными черными полосами вдоль всего тела. Молодые кабаны очень привязались к людям и все время лезли в дом, что тоже доставляло немало хлопот женщинам, постоянно гнавшим их на двор.

Не только кабан, но и медведи, и тигры частенько подходили к дому вплотную. Один раз два мальчика восьми и десяти лет пошли на охоту за рябчиками. Шагах в полутораста от дома проходила старая сухая протока. Мальчики туда и направились. Когда они вошли в старицу, то неожиданно наткнулись на тигра. Зверь уставился на них своими желто-зелеными глазами. Тогда старший из мальчиков выстрелил в него дробью. Тигр затряс головой и убежал.

В перерыве между дождями мы совершали экскурсии и уходили иногда далеко от дома.

Десятого августа утро было ненастное, но потом погода как будто стала немного разгуливаться. Вынужденное сидение на одном месте всем очень надоело. Поэтому, как только выглянуло солнце, А. И. Кардаков взял свой фотографический аппарат и поехал за Анюй, а я направился в сторону от реки с намерением достигнуть края долины.

Путь мой пролегал по большому лесу, состоящему из даурской лиственницы, аянской ели, белокорой пихты, корейского кедра, душистого тополя, маньчжурского ясеня, амурской липы, монгольского дуба, горного ильма и черной березы. Кроме того здесь произрастал акатник (Maackia amurensis Rupr et Max.)—небольшое де-

ревцо, ствол которого имеет сердцевину красно-коричневого цвета, окруженную желтой заболонью. Древесина акатника настолько тверда, что о нее тупятся топоры. Коричневая шелушистая кора и средней величины овальные кожистые листья, белесоватые с исподней стороны, дадут читателю некоторое представление об этом деревце, названном в честь известного исследователя Маака.

По соседству с акатником виднелся маньчжурский орех (Inglans mandshurica Max.)—родной брат грецкого ореха. Это одно из самых красивых деревьев в Уссурийском крае. Большие листья его расположены по концам ветвей, а орехи с толстой кожурой окружены мясистой зеленой оболочкой с остроконечными выступами. Древесина здешнего ореха считается весьма ценной.

Там и сям виднелись светлосерые стволы пробкового дерева (Phellodendron amurense Rupr.), называемого русскими «бархатным». Под упругой морщинистой корой его лежит слой заболони яркожелтого цвета, а листья по внешнему виду несколько напоминают иву или рябину. Весной оно одевается зеленью позже всех. На Анюе мы застали его уже с черными ягодообразными плодами, издающими своеобразный резкий запах.

На солнцепеках по каменистым местам росла группами и в одиночку колючая аралия (Aralia mandshurica Rupr. et Max.), имеющая вид пальмы с перисторазделенными листьями в метр величиною. Ствол ее достигает высоты от трех до пяти метров и сплошь усажен большими острыми шипами: из самой середины листвы поднимается кверху большое бело-желтое соцветие. Аралия тоже отцвела и готовилась осыпать свои семена на землю.

Но самым красивым растением в долине Анюя бесспорно был виноград (Vitis amurensis Rupr.). Местами он так опутывал кусты и деревья, что за листвой его, уже окрашенной в нежнорозовые тона, положительно не видно было, кого именно он избрал своей опорой, чтобы подняться повыше к солнцу. Если ему мало было места, он перебрасывался на соседнюю растительность, цепляясь усиками за ветви деревьев, или свешивался вниз длинными гирляндами. Плоды у него уже начали созревать и приобрели синеватый оттенок.

Я старался выбирать места открытые, где меньше было валежника. Попутно я заметил ядовитую чемерицу (Veratrum album L.) с грубыми плойчатыми листьями, космополитичный папоротник-орляк (Pteridium aquilinum Kohne), листья которого действительно похожи на крылья орла, и ландыш (Convallaria majalis var. mandshurica), который ничем не отличается от европейского вида. Тут было много и других цветковых растений, которые мне не были известны. Я не задерживался около них и шел дальше.

В августе месяце в тайге всегда появляется много пауков темнобурого цвета (Epeira sp.). Некоторые из них достигают довольно больших размеров и имеют брюшко величиной с медную двухкопеечную монету и ножки толщиной в спичку. Между деревьями они натягивают свои тенета и сидят в самой их середине в хорошую погоду и под листвой—во время ненастья. Когда идешь по тайге, все время натыкаешься на этих по существу безобидных и флегматичных животных. Паутина часто садится на лицо, руки, одежду и доставляет много неприятностей. Днем паук сидит неподвижно и как будто спит, но, если тронуть паутину, он немного шевельнет ножками и приготовится к бегству, если это враг, или к нападению, если это насекомое. Паутина его, колесного типа, обычно помещается в большом треугольнике, стенки которого сотканы из таких прочных нитей, что они производят впечатление шелковых, и нужно употребить некоторое усилие, чтобы их разорвать рукою.

Я все время придерживался небольшой тропы, которая, чем дальше от дома Инси Амуленка, тем становилась все менее заметной. В одном месте я вдруг увидел протянутую поперек ее тонкую нить. Опасаясь, как бы не попасть на самострел, я остановился и стал осматриваться.

Скоро все разъяснилось: то, что я принял за волосяную нить, была паутина длиною в пять метров, а несколько в стороне находился и владелец ее. Большой темный паук неподвижно сидел в самом центре правильного восьмиугольника. Как раз под паутиной была довольно глубокая лужа с чистой прозрачной водой. Я взял прутик и тронул паука. Он шевельнулся и сно-

ва замер в неподвижной позе. Тогда я легонько ударил его по брюшку. Паук быстро, точно падая, опустился вниз и повис на паутине, но я оборвал ее. Паук упал в воду и, к великому моему удивлению, пошел на дно, где и притаился. Зная, что все пауки дышат воздухом, я решил понаблюдать за ним и посмотреть, как долго он будет находиться в таком положении.

Прошло пять-десять минут, а паук сидел в воде, как будто это была его родная стихия. Я хотел было его опять тронуть прутиком, но вдруг он, словно пробка, всплыл на поверхность и стал загребать ногами, как веслами, направляясь к берегу. Через минуту паук выбрался на сушу и направился к высокому травянистому растению. Это была ангелика (Angelica dahurica Max.). Достигнув вершины ее, он сел на край плодонесущего зонтика и стал пускать по ветру паутину до тех пор, пока она не зацепилась за одну из основных нитей его тенет. Убедившись, что паутина достигла цели, он подтянул ее немного к себе, затем спрыгнул с растения, покачался в воздухе и стал быстро взбираться наверх. Через минуту паук сидел на том самом месте, откуда я столкнул его в воду.

Во всем происшедшем интересными являются три момента: первый—способность паука долго быть под водой, второй—способность его изменять удельный вес своего тела и по желанию тонуть в воде и всплывать на поверхность и третий—чувство ориентировки по отношению к своей паутине, ветру и растущим поблизости растениям.

Я не стал больше беспокоить паука, обошел его тенета и начал подниматься на сопку.

Дождевая вода сбегала по склону горы многочисленными струями. Они соединялись в ручьи и шумными каскадами стремились книзу, словно опасаясь опоздать к наводнению, признаки которого были уже налицо. Ожили старицы и сухие протоки; в лесу вода появилась в таких местах, где ее совсем нельзя было ожидать.

По небу двигались большие кучевые облака и заслоняли собою солнце. Сильно парило... Я несколько раз садился на колодник и рукавом рубашки обтирал свое лицо, с которого обильно струился пот.

Наконец я достиг вершины. Передо мною развернулся

угрюмый горный ландшафт. Весь юго-восточный склон неба был закрыт тучами. На переднем плане виднелся край долины р. Анюя, за ним другой хребет, а дальше—еще какие-то высокие сопки. Они терялись в косых полосах дождя, которые как бы соединяли небо с землею. Над истоками Анюя, Поди и Тормасуня они были совершенно непроницаемыми. Там, повидимому, шел сильный ливень.

Все это были плохие признаки, грозившие задержать нас на Кандахе на неопределенно долгое время. Но была надежда, что, быть может, погода изменится к лучшему, вода в Тормасуне спадет и мы благополучно достигнем р. Хора.

В это время нашла большая туча и заслонила собою солнце. Опять стало сумрачно и снова пошел дождь—мелкий и частый. Тогда я повернул обратно и часа в три пополудни пришел домой, вымокший до последней нитки.

К вечеру разразилась настоящая буря. Сильный порывистый ветер ломал ветви деревьев и сотрясал маленький домик до основания. Дождь хлестал по окнам, и слышно было, как вода ручьями стекала с крыши. Мои спутники и туземцы приутихли и молча сидели на нарах.

В такие минуты человек сознает свое бессилие перед грозными силами природы, когда они выходят из равновесия и превращаются в ураган, известный у народов Востока под названием «тайфун». С этими мыслями я уснул.

На другой день рано утром меня разбудили тревожные голоса людей. Я слышал, как они волновались, что-то носили, бросали; все делалось торопливо, бегом.

Я поспешно оделся и вышел из дома. Одного взгляда на протоку было достаточно, чтобы понять, в чем дело. Внешний вид ее изменился до неузнаваемости.

Мутная желтая вода прибывала с большой быстротой и распространялась вширь, заливая все более или менее низменные места. По воде плыли ветки, обломанные бурей, и всякий мусор. Люди оттаскивали подальше лодки, уносили весла, шесты и все, что вода могла захватить с собою. Через какие-нибудь четверть часа весь левый берег протоки оказался во власти водяной

стихии. Правый берег был выше, но и здесь вода уже заполнила все ложбинки. Она проникала всюду, везде находила лазейки и топила лес. Только небольшая часть этого берега, наиболее возвышенная, в виде «острова печального» подымалась среди обширных «сельвасов». К вечеру вода стала угрожать и нашему маленькому островку. Зальет или не зальет его ночью? Этот тревожный вопрос был написан у всех на лицах.

На Анюй страшно было смотреть. Как бешеный зверь, он метался в своих берегах. Огромные желтопенистые волны с головокружительной быстротой неслись книзу. По реке плыли большие деревья, бороздя дно своими ветвями. Сдвинутые с места камни, увлекаемые водою, тоже катились вниз. Движение их можно было проследить по перемещающимся пенистым всплескам и характерному шуму, похожему на заглушенные взрывы.

Наша протока, в обычное время несущая свою воду тихо и бесшумно, теперь заговорила и стала вторить Анюю. По ней бежали бесчисленные водовороты; они зарождались внезапно, быстро двигались вниз по течению и также внезапно пропадали, чтобы вновь появиться где-нибудь в стороне. Настала вторая ночь. Что принесет нам рассвет? Мне не спалось. Все время у меня из головы не выходили женщины с детьми на галечниковой отмели, около устья р. Тормасунь. Что сталось с ними? Нет никакого сомнения в том, что грозные волны теперь бегут через отмель и юрты их снесены.

Лодки туземцев были далеко от жилища. Вероятно, их унесло водою, которая появилась ночью валом, когда все спали. Несомненно также, что сухая протока между отмелью и берегом была мгновенно затоплена и отрезала женщинам путь к отступлению. Добраться до р. Тормасунь в такую воду совершенно невозможно. И при мелководье времени надо на это не менее десяти часов. Да теперь уже было поздно и бесполезно. Единственная надежда на то, что старая женщина была настороже и при первых признаках наводнения заблаговременно подтащила лодки к балаганам. Меня также беспокоила участь орочей, посланных мною к устью Анюя. Вследствие обилия мошки, возможно, они заночевали на гальке. Большая вода могла застать их врасплох и унести лодки.

Мучимый этими мыслями, я не мог уснуть. В два часа ночи я оделся и вышел на берег протоки.

Поставленная нами еще с вечера водомерная рейка указывала, что вода неуклонно прибывала, хотя уже и не так быстро. Еще пять сантиметров—и наш остров будет затоплен.

Полная луна за лесом низко склонилась к горизонту. Лучи ее проникали между стволами деревьев и серебрили быстро бегущую воду в протоках. На чистом, безоблачном небе, таком чистом, точно его вымыли дождями, блестел Юпитер во всей своей ослепительной красоте. Там, вверху, на небе, царило спокойствие, а внизу был хаос.

Страшный рев несся со стороны Анюя, и к нему то и дело примешивался грохот падающих деревьев. Одни «питомцы столетий» падали потому, что вода подмыла их корни, другие—под напором плавника.

Вдруг откуда-то издали донесся странный гул, похожий на отдаленную пушечную канонаду: где-то произошел обвал.

Я прошелся немного вдоль берега, частью уже затопленного, и снова вернулся к водомерной рейке. Она указывала на один и тот же уровень. Вода подступила к самому краю нашего острова и—остановилась...

«Есть две страшные стихии,—говорят орочи,—огонь и вода. После пожара остается чистое место, и после наводнения тоже остается чистое место. Будь осторожен и всегда бойся огня и воды». Простая, но жизненная философия.

В это время какая-то тень на мгновенье закрыла луну. Это был большой филин. Он сел на соседнее дерево и стал ухать. Убедившись еще раз, что подъем воды прекратился, я вернулся в свою палатку и тотчас уснул.

Восемнадцать суток продержало нас наводнение на Кандахе. Все эти дни шли дожди, и вода в реке то убывала немного, то прибывала вновь. Потеряв надежду на полный ее спад и уничтожив всю свою питательную базу, я решил спускаться вниз по Анюю с намерением попасть на р. Пихцу через озеро Гаси.

Девятнадцатого августа в полдень прибыли наконец Геонка и Хутунка и вместе с ними еще два удэхейца—Миону из рода Кимунка и Гобули из рода Кялондига.

Как я и предполагал, наводнение захватило их в низовьях Анюя. В это время они ночевали на островке. Перед рассветом сквозь сон Геонка услышал какой-то шум. Выглянув из комарника, он увидел плывущий по реке тополь, который задел улимагду и потащил ее за собою. Не теряя ни минуты, Геонка выскочил из палатки, бросился в воду и удержал лодку руками. Крики его разбудили других удэхейцев. Опоздай Геонка только на несколько секунд, лодку унесло бы водой, и они погибли бы наверняка. С величайшим трудом пробирались они вверх против течения, где лесом, где вновь образовавшимися протоками, и, пока подымались до Кандахе, съели все запасы, купленные на Амуре. Они прибыли к нам совершенно измученные, голодные и вымокшие до последней нитки. Надо было дать им отдохнуть.

Теперь в состав экспедиционного отряда вошли еще два удэхейца. Миону был мужчина невысокого роста, лет тридцати шести. Он был слаб физически, но зато превосходно знал все места в бассейнах рр. Пихцы, Мухеня и Немпту. По цвету кожи, по форме носа, выражению глаз и складу губ Миону больше чем кто-либо из туземцев своим внешним видом напоминал индейца. От последних отличался он тем, что любил поговорить. Миону все время рассказывал о том, что он видел в горах, что с ним случилось, говорил о зверях, птицах, о злых духах, которые постоянно мешали ему и заставляли перекочевывать с одного места на другое. Он не выпускал изо рта своей трубки и когда что-нибудь делал, то сильно сопел.

Другой удэхеец был среднего роста, хорошего, плотного сложения, лет сорока восьми. На типично маньчжурском лице Гобули с несколько выдающимися скулами и с выгнутым носом уже появились глубокие морщины, не столько от старости, сколько от жизненных невзгод, которые выпали на его долю. По словам туземцев, это был человек старательный и работящий, но словно какой-то злой рок преследовал его дома и на охоте. Один раз зимой сам он, жена и дети все разом заболели и чуть не погибли от холода и голода. Другой раз на р. Пихце два тигра отняли у него кабана и самого его заставили уйти на р. Хор. Третий раз во время

сильного мороза с ветром он провалился в прорубь и чуть было не замерз, пока добежал до дома, и т. д. Гобули в противоположность своему товарищу был молчалив и неохотно рассказывал о своих приключениях, которыми была так полна его жизнь.

Теперь на Кандахе съехались четыре шамана: ороч Хутунка, удэхейцы Миону и Геонка и сам Инси Амуленка.

Следующий день—субботний—мы употребили на сборы, приводили в порядок лодки и приготовляли новые шесты. Незадолго до сумерек мужчины зарезали одного поросенка и собрали кровь его в чашку. Женщины принесли листья багульника и стали их подсушивать на огне, а Тунси кривым ножичком «апили» с сырых тальниковых жердей срезал длинные стружки «куаптеляни». На вопрос мой, зачем делаются все эти приготовления, он ответил, что вечером все четыре шамана будут камланить. И действительно, когда на западе погасла вечерняя заря, старшая из женщин принесла железную жаровню, сделанную в виде птицы. Она насыпала в нее горящих углей и поставила посредине жилища. Другая женщина вынула из берестяного футляра бубен и стала нагревать кожу его над огнем, время от времени трогая ее колотушкой, чтобы узнать, достаточно ли она натянулась и звонкие ли будут удары. Когда все было готово Гобули бросил в жаровню несколько сухих листьев багульника. Тотчас весь дом наполнился едким и ароматичным дымом.

Первым камланить должен был Хутунка. Он надел на голову венок из стружек, подвязал на себя пояс с металлическими конусообразными трубками и позвонками и взял в руки колотушку и бубен. Последний имел овальную форму с большим диаметром, в метр длиною, а колотушка представляла собой тонкую выгнутую пластинку, обтянутую мехом выдры, с ручкой, украшенной на конце резною медвежьей головою. Хутунка встал перед жаровней и некоторое время молчал, закрыв глаза, как бы собираясь с мыслями. Все присутствующие расселись по нарам.

Прошла минута-две, и вот среди всеобщей тишины мое ухо уловило какие-то звуки: Хутунка чуть слышно тянул ноту за нотой, не раскрывая рта. Он постепенно

усиливал свой голос и призывал к себе духа севона, помогавшего ему при камланьи. Пение его было печальное и монотонное. Понемногу он оживал и переминался с ноги на ногу. К голосу шамана присоединился металлический шорох, издаваемый позвонками. Иногда он вздрагивал, подымался на носки и припадал на колени. Выражение лица его было весьма напряженное. Он говорил несвязные слова, упрашивал и умолял своего духа помочь ему:

— Бада́ ла анчи Тэму гаани[1].

Как будто он имел успех, потому что голос его стал более уверенным и более ровным. Минут тридцать Хутунка находился в состоянии такого транса. Постепенно он снижал тон, пение его сделалось медленным и перешло в несвязное бормотание. Он стал тянуть одну, две ноты, не раскрывая губ, постепенно стихая, и все закончил глубоким вздохом. Хутунка отдал бубен и снял позвонки. Потом он лег на нары и больше не вставал совсем.

Вторым выступил Миону Кимунка. Он тоже надел на голову повязку из тальниковых стружек и встал перед жаровней с бубном в руках. Стружки длинными спиралями свешивались ему на спину. Пение его было сначала тихое, но потом постепенно усиливалось и превратилось в ропот, протест. Он как будто жаловался на что-то, спрашивал своего духа и вслушивался в его ответы, которые долетали до него как бы издалека. Миону стал изгибаться, сделал шаг, другой, пожимая плечами, и начал плясать. Движения его были плавны и уверенны. Без особого шума и без резких скачков он обошел вокруг жаровни и опять встал на свое место. Он пел и в чем-то настойчиво убеждал своего духа-покровителя, но не плакал, не умолял его, как Хутунка. Под конец камланья Миону не сразу удалось освободиться от севона. Последний, повидимому, был упрям и долго не хотел оставить общество людей. Дважды Миону кричал: «Эхе-э-э-э!..», то поднимая звук «э» до высокого крика, то снижая его до октавы. Удаление севона отняло столько же времени, как и само камланье. Миону сторонился духа и отталкивал его руками.

---

[1] Безликая птица Тэму.

Наконец севон ушел. Шаман сразу почувствовал облегченье. Измученный до крайности, он положил бубен на пол, снял пояс с позвонками и тоже лег на нары.

Теперь пришла очередь Геонка. Этот шаман камланил совсем иначе. Он снял с себя часть одежды. Так же как и другие, украсил себя стружками и взял в руки бубен. Заклинания свои Геонка начал шопотом, который все учащался и становился громче. Он всхлипывал, скрипел зубами и изредка касался колотушкой жаровни с углями. Ноги его стали дрожать все больше и больше, рука тоже стала проворнее бегать по бубну. Дрожание перешло во вздрагивание всем телом, отчего металлические украшения на поясе начали издавать шелестящий звон, который все усиливался и перешел в оглушительный лязг. В момент вселения духа Геонка пришел в большое волнение. С ним начались судорожные схватки. Тело его приобрело удивительную гибкость. Он извивался, как змея; с лица его градом катился пот; потом конвульсивные движения перешли в корчи и в конце концов превратились в самую дикую пляску. Он приседал все ниже и ниже и вдруг сразу подымался во весь рост, и каждый раз, когда нужно было особенно сильно ударить в бубен, он выкрикивал: «Э-э-э-эх!..» Один раз он сделал прыжок через жаровню и такой нанес удар в бубен, что у всех явилось опасение за целость инструмента. Шаман затрясся на месте и завыл волком, весьма удачно подражая зверю. Можно было подумать, что его трясла жестокая лихорадка. Он метался и кричал: «А-ще-то-то-то-то-то́!..» Геонка повелевал своим духом, что-то требовал и не хотел слушать никаких его возражений. Камланье оборвалось неожиданно. Когда надо было, он сразу освободился от севона. Он просто отстранил его от себя, прошел мимо и стал раздеваться, затем он выпил ковш воды и лег рядом с Миону и Хутунка.

Последним выступил Инси. Он надел на себя специально сшитый шаманский костюм с перьями по швам рукавов, которые должны были изображать крылья, а на голову—убор, имеющий вид шапочки с маленькими оленьими рогами, сделанными из железа. На шее старика был подвязан особый нагрудник с изображением ящериц и лягушек, а на лбу особый козырек с наши-

тыми на нем шаманскими глазами из разноцветной бумажной материи. С помощью этих матерчатых глаз он мог видеть то, что недоступно простым смертным. И голова, и коса, падающая на спину, и пояс с позвонками, и обувь—все было украшено тальниковыми стружками. Инси сел на особый коврик, на котором двумя большими темными кругами изображалась темная бездна «сункта». Он прислонил лицо к бубну и стал звать севона. Бубен удачно играл роль резонатора и то усиливал, то ослаблял голос шамана. Дух вселился в шамана быстро и очень шумно. Сильное потрясение на короткое время ввергло старика в беспамятство. С диким воем он затрясся всем телом и запрокинул назад голову. Одна из женщин поддержала его и стала опахивать ему лицо берестяным веером. Минуты через две Инси пришел в себя и помутневшими глазами посмотрел на окружающих. Тогда Гобули взял длинный ремень, изображающий большую змею-кулигасэ. Один конец его он привязал к поясу Инси, а другой оставил у себя в руках, чтобы сдерживать шамана, который в экстазе мог унестись в преисподнюю, откуда нет возврата. Старик вскочил на ноги и завертелся в неистовой пляске.

Оглушительные удары в бубен, сильный лязг металлических позвонков и истеричные выкрики шамана—все это создавало такой хаос звуков, что у меня закружилась голова.

Старик положительно обезумел. Он кричал на своего севона, грозил ему, обращался с ним, как с подчиненным, он старался напугать его своим видом и страшным шумом. От музыки его становилось жутко. Кто знает, что сумасшедшему может притти в голову! Шаман прыгал, как тигр, он спорил, ссорился и дрался со своим духом. Инси набрал в рот горящих углей и сыпал искрами вправо и влево: это были его молнии, а резкие удары в бубен изображали гром. Гобули поднес к губам шамана чашку с кровью. Он выпил ее залпом и опять завертелся в пляске, как раненый зверь. Было достойно удивления, откуда у этого старого человека бралось столько энергии, столько силы. Он куда-то мчался, кого-то догонял и кричал, что не видит земли, что мимо него летят звезды, а кругом холод и тьма. Тогда на помощь Гобули бросились Миону и Хутунка

и делали вид, что изо всех сил сдерживают шамана, летевшего стремглав в потусторонний неведомый мир. Инси потащил их за собой из дома наружу.

Я последовал за ними.

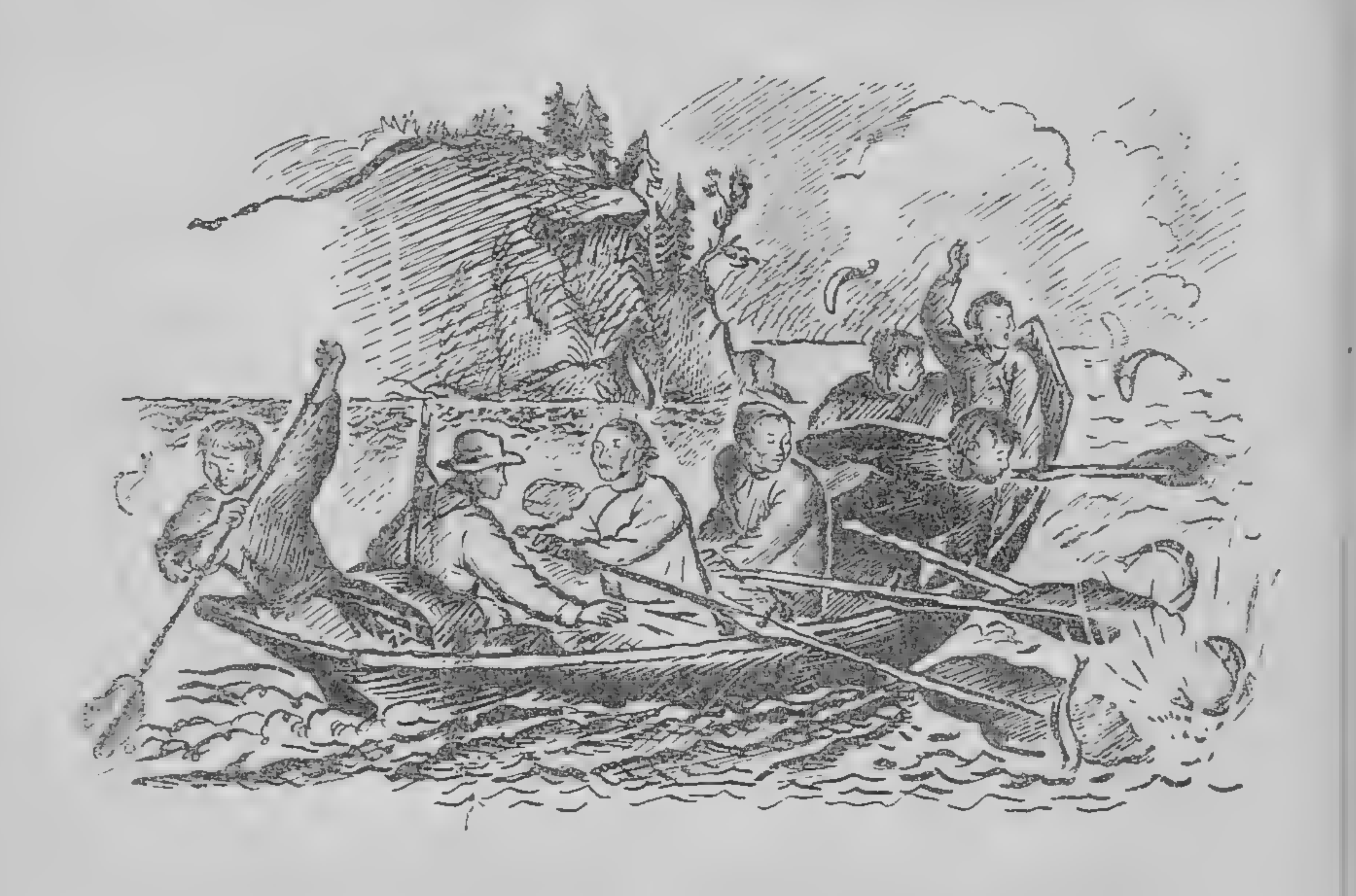
Месяц был на ущербе. Он только что начинал всходить, но уже терялся за тучей, надвинувшейся с запада. Над большой протокой блистали две звезды—Кастор и Полукс из созвездия Близнецов. Свет луны уже не проникал в лес. Там был полный непроницаемый мрак. Где-то далеко вспыхивали зарницы, и тогда на фоне мгновенно освещенного неба резко и отчетливо вырисовывались контуры хвойных деревьев.

В это время большая ночная птица пролетела зигзагом над нашими головами; из глубины тайги ветром донесло чей-то грузный вздох, похожий на ворчанье. Такие звуки издает медведь, если поблизости почует человека. Одни собаки яростно залаяли, другие стали жалобно выть. Инси вскрикнул и впал в беспамятство. Севон так же быстро оставил шамана, как и вошел в него. Камланье было окончено. Минут через пять Тунси и Гобули привели старика в дом. Он еле держался на ногах. Рубашка его была мокрой от пота. После такого моциона Инси нуждался в отдыхе. Он лег на кан и не вставал до утра.

Женщины убрали с пола берестяной коврик и жаровню с углями, расставили столики на низких ножках и подали вареную рыбу и мясо поросенка.

Итак, камланили четыре шамана и каждый по-своему. Камланье началось «слабейшим» и кончилось «сильнейшим». Хутунка зависел от севона и умолял его, Миопу оспаривал свои права и настаивал на исполнении своих просьб, Геонка требовал повиновения и повелевал севоном, и наконец Инси считал его своим подчиненным, кричал на него, угрожал ему и даже гнал прочь.

©

ДЕВСТВЕННЫЙ ЛЕС

Двадцать первого августа мы распрощались с Инси Амуленка и поплыли вниз по Анюю.

День был холодный; навстречу дул ветер. По небу ползли серо-свинцовые тучи; дважды принимался накрапывать дождь. Все указывало на приближение того времени года, когда начинает опадать листва с деревьев, мерзнуть земля, пушные звери одеваться в теплые меха и вода превращаться в лед.

После Тормасуни долина Анюя делается значительно шире. Отсюда река начинает разбиваться на протоки. Некоторые из них — Пунчи, Ачжу, Била̀ и Хонко — достигают значительной ширины и далеко отходят в стороны.

Вследствие быстроты течения надо было внимательно смотреть вперед и вообще быть осторожным, в особенности на поворотах. То мы спускались вниз по воде, то сворачивали в какую-нибудь узкую протоку и плыли по лесу, чтобы пересечь другую такую же протоку и выйти снова на Анюй в наиболее безопасном месте.

Иногда шесты не доставали дна, а весла были бесполезны. Орочи в таких случаях вонзали остроги в стволы деревьев и подтягивались на руках. Это очень опасный прием, при котором легко упасть навзничь и опрокинуть лодку, что, несомненно, было бы гибельно для всех пассажиров.

По пути встречали медведей. Один раз зверь только что переплыл через реку и по круче взбирался на берег. Нас пронесло мимо него. Я видел только голову и плечи животного. Орочи стреляли и ранили медведя, но остановиться и выйти на берег для преследования его было невозможно. Другой раз из соседней протоки совершенно неожиданной водой вынесло большое дерево. На нем была медведица с медвежонком. Завидев людей, она хотела было броситься вплавь, но в это время дерево ударилось концом в противоположный берег. Медведица со своим питомцем выбралась на отмель и благополучно скрылась в лесу.

Страшные разрушения произвело наводнение в долине Анюя. Мы видели трупы утонувших животных, снесенные юрты туземцев, поваленные деревья, придавившие кусты и молодняк, слои ила, песка и т. д. Все удэхейцы бежали к устью реки. Там, где раньше были их жилища, бушевала вода, образовались новые протоки, заваленные колодником.

Анюй по справедливости считается рыбной рекой. Большинство лососевых, поднимаясь вверх по Амуру, сворачивает в правые его притоки и главным образом на р. Уссури. По словам туземцев, самая большая кета идет по Анюю. И действительно, пойманные нами экземпляры поражали размерами и весили около пятнадцати килограммов.

В нижнем течении реки обитают калуга, осетр, верхогляд, толстолобик, щука, угорь и сазан. Туземцы говорят, что в некоторых местах Анюй вовсе не замерзает, и объясняют это тем, что здесь держится много рыбы. В данном случае они путают причину со следствием. Несомненно, рыба держится в таких местах, которые не замерзают зимою, причину же незамерзания реки надо искать в чем-то другом.

В полдень мы прошли мимо р. Улема, памятной мне по охоте на тигров в 1908 году. Здесь в лесу на не-

большой поляне был мой астрономический пункт. Координаты я вырезал на затеске большого дерева. Я сказал орочам, чтобы они пристали к берегу. Геонка ловко повернул улимагду против воды и задержался за кусты. Орочи решили отдохнуть и покурить, а я вышел из лодки и направился в лес вместе с Мяону и Гобули. За двадцать лет здесь многое изменилось. Молодняк вырос и превратился в стройные деревья, появились новые кусты, протоки.

Минут через десять ходьбы по лесу на небольшой полянке я увидел свое дерево. Это была чозения (Chosenia macrolepis Kom.), из которой за неимением тополя туземцы иногда долбят лодки. Чозения в переводе с японского языка значит «корейнка». «Она более примитивна, чем Populus и Salix, и является родом, который занимает между ними как бы промежуточное место»[1].

Астрономическое дерево имело метров двенадцать в вышину и более метра в диаметре. Надписи на нем хорошо сохранились, но края затесины обросли корой, а по обе стороны, удивительно симметрично, выросли два огромных трутовика, словно подставки для канделябров. Осмотрев дерево, удэхейцы сказали, что оно дуплистое и недолговечное. Я обошел его кругом, мысленно попрощался с ним и направился назад к лодке.

На обратном пути мы решили сократить дорогу и итти напрямик к реке. Пройдя шагов сто, я увидел около десятка ворон. Они сидели на ветвях деревьев и перекликались между собою. Из этого Гобули вывел два заключения: первое—что-то привлекло их сюда; второе—это «что-то» находилось поблизости. А Мяону добавил еще третье заключение: здесь, кроме ворон, был еще кто-то, которого птицы боялись и, повидимому, ждали, когда он уйдет. Мы умерили шаг и стали внимательно смотреть по сторонам. Вдруг какая-то грузная фигура с буро-рыжим оперением, махая большими крыльями, поднялась на воздух. Я сразу узнал орлана-белохвостого (Haliaëtus albicilla Bris.). Он снялся так близко от нас, что я мог хорошо рассмотреть его.

---

[1] В. Л. Комаров, «Третий род семейства Salicaceae Chosenia Nakai». Юбилейный сборник, посвященный И. П. Бородину. 1927 г., стр. 276—277.

Голова и шея орлана были светлее остального тела; большие лапы желтого цвета с черными острыми когтями и могучий клюв, тоже желтый, сжатый с боков и, как у всех хищников, загнутый книзу, были столь характерны, что я не мог ошибиться в определении. Обыкновенно орлан-белохвостый кормится рыбой, но при случае нападает даже на четвероногих величиной с кабаргу.

Вспугнутый пернатый хищник тяжело взлетел кверху и направился к реке. Я остановился и стал следить за ним глазами, а удэхейцы прошли вперед.

— Кянга[1],—услышал я голос Миону.

— Инка́ (да),—отвечал ему Гобули.

Я пробрался через кусты и действительно увидел на земле труп молодого изюбра, повидимому, недавно утонувшего. Голова его и левая передняя нога были занесены илом, правый бок расклеван, и часть внутренностей вытащена наружу. Лишь только улетел орлан, как вороны снялись с своих мест и с карканьем стали носиться над лесом. Может быть, они опасались, что мы унесем мертвое животное с собой.

На мокрой илистой почве, кроме отпечатков птичьих ног, были следы и кое-каких четвероногих. Туземцы рассматривали их и вслух называли животных: колонок, лиса и горный волк.

В это время с реки донеслись крики, приглашавшие нас поскорее возвращаться назад. Через несколько минут мы плыли дальше вниз по реке.

Немного ниже Улема, с правой стороны, в Анюй впадает еще небольшая речка Уоленку. Здесь есть короткий и удобный перевал на р. Мыныму, впадающей в тот же Анюй недалеко от устья. Надо сказать, что весною Анюй рано вскрывается ото льда. В марте месяце гольды, возвращаясь с соболевания, чтобы избежать опасного пути среди многочисленных проталин, сворачивают на Уоленку и таким образом обходят Анюй стороною. Описываемый перевал настолько невелик, что удэхейцы перетаскивают через него лодки на руках.

Между Хором (нижний приток Уссури) и верховьями

---

[1] Кянга—изюбр; не произносится вместе с явственным носовым звуком.

рек Ситы, Обора, Немпту, Мухеня и Пихцы, впадающих в нижний Амур с правой стороны, протянулась длинная дуговая горная складка. У Анюя она начинается горою Хонко и идет сначала на юго-запад, потом на запад, постепенно понижается и выходит к р. Кие рядом невысоких холмов с весьма пологими скатами. Это—Хорский хребет.

Несмотря на значительную высоту свою, он имеет ровный столообразный гребень, местами суживающийся настолько, что наблюдателю, находящемуся на вершине его, видны одновременно оба склона; в других местах он представляется в виде обширных плато, покрытых лесом. И здесь отсутствие глубоких седловин и конических сопок свидетельствует о больших эррозийных процессах.

Западное подножие Хорского хребта в прошлом является берегом древнего водоема, который в течение многих веков заполнялся выносами многочисленных речек, ныне составляющих притоки Пихцы, Мухеня и Немпту. Так образовались обширные болота. Нынешние озера Гаси, Синда и Петропавловское являются остатками этого водоема.

Около горы Хонко мы задержались. Я намеревался совершить экскурсию на юг от р. Анюя, чтобы посмотреть, нет ли там мест, открытых и годных для заселения. Но потом у меня возникла мысль пройти на р. Пихцу напрямик, придерживаясь западного склона Хорского хребта. Вечером Мпону и Гобули начертили мне план. Из него явствовало, что мы должны держаться юго-западного направления и на пути пересечь речки: Чу, Моди, Кальдангу, Буга, Хосу и Уту, из которых первые две входят в бассейн Анюя, две других впадают непосредственно в озеро Гаси и последние две являются правыми притоками р. Пихцы. Меня только смущал недостаток продовольствия, которым мы располагали, но все же я решил попытаться пройти на речку Моди и в крайности спуститься по ней к гольдскому селению Сира в нижней части Анюя.

На другой день мы оставили лодки и пошли в горы.

В этих местах на всем протяжении от Анюя до Немпту на двести с лишним километров произрастают громадные первобытные леса, которых еще никогда не ка-

салась рука человека и где ни разу не было пожаров. Высокие стволы пробкового дерева (Phellodendron amurense Rupr.) с серою и бархатною на ощупь корою, казалось, спорили в величии и красоте с могучими кедрами (Pinus koraiensis S. et Z.). Если последнему суждено вековать в долинах среди широколиственных пород, тогда он предпочитает одиночество, но здесь, в горах, кедр произрастал группами и местами составлял от пятидесяти до семидесяти процентов насаждений. Лишь только в поле зрения попадался маньчжурский ясень (Fraxinus mandshurica Rupr.), как мы уже знали, что недалеко находится речка. Любопытно, что и он здесь рос целыми рощами, причем некоторые экземпляры достигали поистине грандиозных размеров. Здесь даже тис (Taxus cuspidata S. et Z.), называемый русским «красным деревом» и являющийся представителем первых хвойных на земле, и дуб (Quercus mongolica Fisch.) имели вид строевых деревьев в два обхвата на грудной высоте. Стволы, то массивные и темные, то одиночные, то целыми группами, словно гигантская колоннада, уходили вдаль на необозримое пространство. Тут были деревья, которым насчитывалось много сотен лет. Некоторые лесные великаны не выдержали тяжести веков, тяготеющих над ними, и повергались в прах. В образовавшиеся вверху отверстия днем проникали солнечные лучи, а ночью виднелось звездное небо. Неподвижный лесной воздух был так насыщен ароматами, что, не глядя, можно было сказать, какое дерево находится поблизости: тополь, кедр, липа; в сырых местах ощущается запах рухляка, папоротника и листвы, опавшей на землю. Ветру доступны только верхи деревьев. Тогда лес наполняется таинственными звуками. Зеленое море вверху начинает волноваться, шум усиливается и превращается в грозный рев, заставляющий зверье быть настороже и пугающий самого привычного лесного бродягу.

Читатель ошибется, если представит себе первобытную девственную тайгу в виде рощи. С первых же шагов он с головой утонет в подлеске, главным представителем которого будет душистый жасмин (Philadelphus tenuifolius R. et M.)—любитель тенистых и невлажных прогалин; его легко узнать по удлиненно-зубчатым

листьям и довольно крупным овальным плодам. Рядом с ним в большом количестве растет колючий чубышник (Eleutherococcus senticosus Max.) с листьями, как у драгоценного жен-шеня, и с черными ягодообразными плодами, расположенными на длинных черешках в форме шаровидных зонтичков. По соседству с жасмином и чубышником нашла приют себе маньчжурская лещина (Corylus mandshurica Max.), имеющая вид куста. Листья ее округлые и сильно зазубренные, а орехи—от двух до четырех—прикрыты прицветниками с колючими волосками, оставляющими на руках множество мельчайших, легко удаляемых заноз.

И деревья, и кустарник опутаны лианами (Actinidia Kolomikta Max.), зеленые сочные плоды которых заслуженно считают лучшим даром Уссурийского края. Вперемежку с актинидиями по стволам деревьев вьется лимонник (Schisandra chinensis Baill) с пестрой листвой и красными ягодами. В тех местах куда пробрался солнечный луч, обильно разросся виноград (Vitis amurensis Rupr.). Все эти кустарники, ползучие растения и высокие папортники (Dryopteris, Osmunda, Matteuccia и др.) образуют столь густые заросли, что мы узнавали о местонахождении друг друга только по голосам. Такой девственный лес населен множеством зверей: тиграми, рысями, медведями, красными волками, лисами, куницами, хорьками, соболями, росомахами, выдрами, барсуками, изюбрами и дикими козулями. Совершенно свежие следы их встречались повсеместно. Неоднократно мы вспугивали кабанов, которые бродили здесь целыми табунами. Дикие свиньи с шумом пробирались сквозь чащу леса и громким фырканьем выражали свое неудовольствие.

После затяжных дождей хорошая погода, повидимому, установилась, и теплые солнечные дни длинной чередой потекли друг за другом.

На 23 августа день выпал солнечный и теплый. По небу плыли высокие барашковые облачка. Они зарождались в беспредельной синеве его, медленно двигались с запада на восток и быстро таяли.

Было как-то особенно душно. Время от времени мы садились на землю и отдыхали, не снимая котомок. Солнце перешло уже за полдень. В этот знойный час

все живое погрузилось в дремотное состояние. Только мошки проявляли особенную назойливость; они лезли в рот, уши и слепили глаза. Мы сидели тихо и вытирали тряпицами потные лица. Было не до разговоров... Вдруг впереди раздался хруст сухой ветки. Я потянулся за ружьем. Громадный тигр сильно напугал нас и испугался сам. Он бросился в сторону и прыжками пошел по лесу. Полосатый зверь на бегу задел плечом сухостойное дерево; оно с шумом упало на землю. Геонка ходил на разведку и вернулся, сообщив, что тигр не знал о нашем присутствии и случайно вышел навстречу. Это обстоятельство заставило нас быть настороже и не доверяться предательской тишине леса.

Через два дня выяснилось, что мы прошли только седьмую часть пути и израсходовали одну треть продовольствия. Еще на день-два могут нас задержать дожди. Эти соображения заставили меня повернуть на запад и итти по речке Моди. Около устья ее мы нашли небольшое гольдское селение, состоящее из четырех фанз. Обитатели его занимаются рыбной ловлей и звероловством. Они усвоили уклад жизни удэхейцев и мало походили на своих амурских сородичей. Мы отдохнули у них и купили две лодки, на которых и спустились по Анюю до протоки Дырэн.

В нижнем течении Анюй разбивается на множество проток. После каждого наводнения они изменяются, делаются больше или меньше, заносятся колодником и превращаются в старицы. Это вынуждало нас спускаться с большой осторожностью. Немного ниже местности Тахсале орочи заметили лагерь удэхейцев, убежавших от большой воды. Они жили в конических берестяных юртах и ждали, когда река войдет в свое русло и позволит им возвратиться назад. Они стали окликать нас и махали руками. Я велел пристать к берегу. Немного ниже и по соседству с ними мы устроили свой бивак. Тотчас около наших палаток собрались мужчины, женщины и дети. Некоторых я знал еще детьми. Теперь уже они превратились в рослых мужчин, женатых и сами имели детей. У этих обездоленных судьбою людей были свои нужды. Они просили не лишать их права на соболевание. Я обещал похлопотать за них в Хабаровске и обещание свое выполнил. На другой день

мы расстались. Быстрое течение уносило наши лодки все дальше и дальше. На берегу толпою стояли туземцы, посылая приветствия руками. Мы отвечали им тем же до тех пор, пока выступивший со стороны мыс не заслонил их собою.

В протоке Дырэн вода шла нам навстречу. К счастью, подул попутный ветер. Орочи поставили паруса и сравнительно скоро пошли против течения, придерживаясь правого возвышенного берега. Он слагается из невысоких холмов, изрезанных распадками, по которым бегут бедные водою источники. К сумеркам мы немного не дошли до озера Гаси и встали биваком в небольшой дубовой рощице. Ночью было холодно. Я вставал несколько раз и грелся у огня. Когда стало светать, я взял чайник и пошел на реку за водою.

Восточный горизонт был затянут слоистыми облаками; сквозь них кое-где прорывались первые лучи утренней зари. Протока Дырэн имела пасмурный вид. Прибрежные кусты с пожелтевшей листвою никли от росы. Словно они оплакивали лето, предчувствуя приближение холодов, которых ничто не в силах было остановить. На одном из деревьев сидела ворона. Увидев меня, она каркнула два раза и лениво полетела вдоль берега.

Переправа через озеро Гаси на долбленых удэхейских челноках—рискованное предприятие. Надо было торопиться, пока не задули северо-западные ветры. Когда взошло солнце, мы уже успели отъехать далеко от бивака.

На правом берегу озерной протоки, при самом входе в нее, приютилось небольшое туземное селение того же названия. Здесь от гольдов я узнал, что В. М. Савич на р. Пихце потерпел аварию. Человеческих жертв не было. С этой стороны, значит, все обстояло благополучно. Но теперь возникал другой тревожный вопрос: устроены ли питательные базы? Мучимый этими сомнениями, я все же решил итти вверх по р. Пихце с намерением опереться на хорскую базу и затем направиться через верховья Мухеня на р. Немпту, к озеру Петропавловскому.

Гольды снабдили нас кое-какими овощами. Расплатившись с ними, мы поплыли дальше и около полудня

вошли в озеро Гаси, площадь которого измеряется в двадцать пять квадратных километров. Если смотреть на него сверху, оно представляется в виде фигуры песочных часов, т. е. расширенной по концам и суженной посредине. Кроме Пихцы, с востока в озеро впадает еще небольшая р. Хали с притоками Кальдангу и Буга, о которых говорилось выше. Правый берег озера состоит из невысоких песчаных холмов, прорезанных широкими заболоченными распадками. Зато противоположный берег—низменный и настолько мелководен, что к нему нельзя подойти даже на плоскодонной лодке.

Весь день мы плыли, придерживаясь правого края озера, и к сумеркам дошли до суженной его части. Место для бивака было выбрано не совсем удачное. Вследствие недостатка сухих дров мы опять зябли ночью. Однако следы старых костров свидетельствовали о том, что именно здесь всегда ночуют люди, направляющиеся на р. Пихцу.

Было еще совсем темно, когда меня разбудил Гобули. Он говорил, что в осеннее время обычно ветер поднимается с восходом солнца и наибольшей силы достигает около полудня. Тогда плавание по озеру делается совершенно невозможным. Через какие-нибудь четверть часа мы уже сидели в лодках и усиленно гребли веслами.

Озеро было совершенно спокойным и казалось большим полированным диском, в котором отражалось звездное небо.

Я оглянулся. Темные силуэты деревьев удалялись от нас и тонули в ночном мраке. В стороне мелькнул огонек. Это на другой лодке кто-то зажег спичку. Там слышались голоса и шум разбираемых весел.

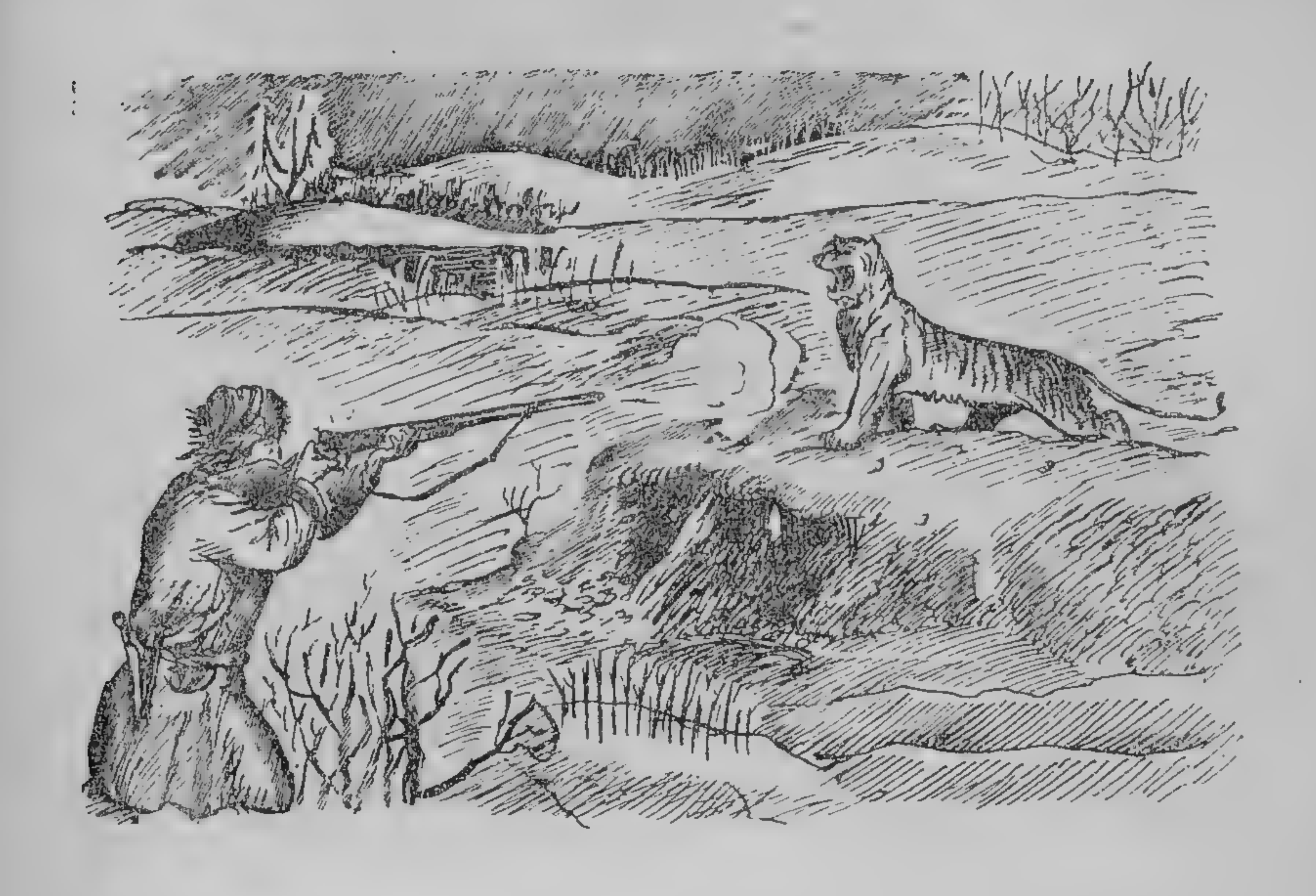
Но вот на востоке появились первые признаки зари. Предрассветный ветерок чуть тронул поверхность воды. Тогда мы поставили парус. Ветер все усиливался, и лодка бежала быстрее. Я завернулся в полотнище палатки и стал всматриваться в очертания берега, задернутого в дымку утреннего тумана. С каждой минутой заря разгоралась все ярче и ярче. Словно зарево пожара, пылал горизонт, окрашивая облака в пурпуровые и нежнофиолетовые тона. Вдали виднелся высокий

Хорский хребет. В распадках его еще клубился туман. Над болотами носились стаи плавающей птицы. Я стал следить за ними глазами и остановил взор свой на гребне хребта. В это мгновение показался краешек солнца, и тотчас по воде навстречу нам побежала ослепительно яркая полоса света. Ночь ушла. Утренние туманы таяли в воздухе, и за ними виднелось устье р. Пихцы. Мы сидели тихо на своих местах и наблюдали игру солнечных лучей, отраженных от колеблющейся поверхности озера Гаси. В это время Миону стал поправлять веревку от паруса и задел весло, которое с шумом упало на дно лодки. Тотчас из воды выпрыгнула довольно большая рыба, за ней другая, третья десятая... Они старались перепрыгнуть через лодку, бились головами в борта ее и снова падали в воду; но две из них попали к нам в качестве пассажиров.

— Га, га, га!..—закричал Миону, хватая их руками

Рыбы, заскочившие к нам в лодку, долго не могли успокоиться. Они вертелись, открывали рты и били хвостами. Местные жители называют их моксунами (Hypophthalmiclithys molitrix Val.) и говорят, что их очень трудно ловить сетками. Моксун достигает веса до двух с половиной килограммов и имеет стройное тело, покрытое довольно крупной, блестящей чешуей. Из всех рыб он считается наиболее сообразительною. Завидев невод, он стремительно всплывает на поверхность воды и с разбега перепрыгивает через него. Вероятно, моксуны и нашу лодку приняли за рыболовную ловушку. В данном случае они оказались мало сообразительными. Вместо того чтобы убегать от лодки. они стали прыгать через нее, и двое из них за это поплатились жизнью.

Часам к восьми утра мы вошли в устье р. Пихцы. И здесь было наводнение. Выступившая из берегов вода сплошь залила прилегающие к озеру болота, что дало нам возможность плыть целиной, минуя бесчисленные извилины реки, и в значительной мере сокращать расстояния.

ТИГРОВАЯ РЕКА

В нижней своей части р. Пихца протекает среди обширных болот, поросших осокой (Carex sp.) и вейником (Calamagrostis Landsdorfii Trin.). Последний иногда с примесью тростника (Phragmites communis Trin.), вышиною в рост человека, образует заросли в несколько квадратных километров. Если встать на кочку, камень или плавник, нанесенный водой, то можно видеть, как во время ветра колышется травная растительность. Является полное впечатление волнующегося моря, в особенности, если она занимает обширное пространство.

Вскоре стали появляться ивняки (Salix viminalis L.). Число их постепенно увеличивалось. Словно бордюром, они окаймляли берега реки, заводей, озерков и слепых рукавов. Местами они образовали такие густые заросли, что пробраться сквозь них можно было только с помощью топора. К полудню мы отошли от озера километров на десять. Болотный характер мест-

ности сменился равниной с небольшими релками[1]. Местонахождение их можно определить по осинам (Populus tremula L.), которые тоже сначала одиночными экземплярами, а потом и целыми рощицами подходят к реке то с одной, то с другой стороны. Здешняя осина имеет столь белесоватую кору, что издали ее можно принять за березу. Только по вечно трепещущим листьям на длинных черешках я узнал знакомое всем нам дерево. Чем дальше, тем осины становилось больше. Можно сказать, что здесь она составляет 80% всей древесной растительности. Еще выше релки стали обрисовываться яснее, и к осине начали примешиваться дуб и японская береза. Постепенно луговая растительность отходила на задний план, уступая место древесным широколиственным породам с значительной примесью даурской лиственницы.

Река Пихца имеет чрезвычайно извилистое течение. Все время она делает большие плойчатые петли, иногда завершающие почти полные круги. Целый день мы кружили по руслу реки так, что солнце было у нас то впереди, то сзади, то с одного бока, то с другого и к вечеру, когда мы достигли начала предгорий Хорского хребта, оно было совсем не с той стороны, где мы рассчитывали его видеть.

Читатель, вероятно, помнит, что сухари, которые были завезены на базы из Владивостока, оказались гнилыми, отчего все мы часто болели животами. Мои спутники-туземцы, как и все первобытные люди, были убеждены, что заболевания происходят от злых духов, которые входят в людей и мучают их. Чорта можно изгнать только камланьем. То Геонка шаманил над Хутунка, то Хутунка — над Геонка, то оба вместе над орочем Намука. Каждый раз по указанию одного из шаманов Мулинка вырезал из мягкого дерева изображение севона в виде насекомого, лягушки, человека об одной ноге, змеи с двумя головами и т. д. После камланья севон этот выносился из палатки и на палочке втыкался в песок, подальше от бивака. Считалось, что чорт изгнан и больной должен получить исцеление. Если такое лечение не помогало, камланье

---

[1] **Релка**—сухое возвышенное место среди болота.

повторялось на другой день, на третий, до тех пор, пока больной не выздоравливал. Как только орочи ложились спать, А. И. Кардаков отправлялся на поиски севонов и забирал их для Хабаровского музея.

27 августа, в субботу, заболел Геонка. Камланить над ним вызвался Миону. Он взял две коротких лучины и ножичком «апили» наскоблил стружек, не дорезая их до основания, так что они все свернулись султанчиками в одну сторону. Хутунка притушил костер и накрыл голову шамана какой-то тряпицей. В это время Мулинка принес изображение летящей осы с крылышками из бересты, с лапками, усиками, искусно сделанными из кабаньей шерсти. Оса была прикреплена к палочке, которую воткнули в землю около больного. Геонка лег спиной к огню и закрыл глаза. Миону сел около него на землю, взял стружки по одной в каждую руку и начал петь свои заклинания. Он проводил ими над болящим от головы к ногам и делал вид, как будто переносит болезнь на изображение осы. Минут десять длилась эта процедура. Вдруг Миону дико закричал: «Эхе-э-э-э-э!»—все громче и громче, все выше и выше поднимая ноту. Под эти крики Хутунка, как всегда, вынес деревянную осу и посадил ее на куст около воды, а Мулинка с этой стороны около бивака разложил большой костер. К утру оса исчезла.

Когда на другой день орочи стали укладывать груз в лодки, Миону уронил котомку А. И. Кардакова на землю. Она раскрылась, и из нее вывалились все севоны, которые он нес от самого моря. В неописуемое волнение пришли орочи и удэхейцы. Так вот почему они болеют! И немудрено! Три шамана все время стараются изгнать злых духов из отряда, а один русский собирает их и несет с собой.

Эта шутка могла бы кончиться смертью кого-либо из туземцев. Они заявили, что дальше с чертями не пойдут, и требовали, чтобы А. И. Кардаков бросил их на берегу. Больше всех волновался Миону. Долго мы урезонивали его и наконец нашли компромисс. Мы условились так: вечером они будут еще раз камланить и перенесут болезни с севонов, собранных А. И. Кардаковым, в одного сборного, которого мы уже не возьмем с собой. Орочи согласились, но потребовали дневки.

Пришлось уступить. Целый день Мулинка и Гобули вырезали такое изображение злого духа, в котором сгруппировалось все то, что нес А. И. Кардаков в своей котомке.

В полночь на биваке они опять притушили огонь и стали все трое по очереди камланить. Я вышел из палатки и направился к берегу. Ночь обещала быть холодной; на небе мерцали яркие звезды. Деревья и кусты неопределенно темного цвета замерли в неподвижных позах — словно это был другой мир, неведомый, мрачный... На биваке чуть-чуть виднелась палатка, слабо освещенная углями притушенного костра, и около нее темная фигура Миону. Он размахивал стружками и кричал: «Эхаль ду-у-у-у!» Голос его далеко разносился по реке и пугал зверей в тайге. На этот раз орочи унесли севона в глубь леса и зорко следили за А. И. Кардаковым. Мы сдержали слово и не ходили в ту сторону, куда был изгнан злой дух—источник болезней, бывших доселе в отряде.

Следующий день был воскресный—солнечный и теплый. Несмотря на то, что с бивака мы снялись поздно, все же ушли довольно далеко.

Река Пихца длиною около шестидесяти пяти километров и течет сначала с востока на запад, потом все больше и больше склоняется к северо-востоку. Течение ее можно разделить на три части: верхнее, среднее и нижнее. Последнее, как мы видели, проходит среди болот. В средней части на протяжении еще двенадцати километров река разбивается на множество проток, которые были так малы и извилисты, что в них нельзя было повернуть лодки, и мы вынуждены были перетаскивать их по земле. В истоках Пихца принимает в себя р. Олосó. Здесь она течет в горах одним руслом, загроможденным большими камнями, грани которых сглажены водою и плавниковым лесом. Здесь же находится продолжение тех первобытных девственных лесов, которые мы видели на Анюе около горы Хонко.

Нехорошие рассказы ходят у амурских туземцев про р. Пихцу. В верхней половине ее обитает много тигров, которые часто нападают на людей. Так, один раз два гольда отправились на р. Олосо для соболевания. Они шли по звериной тропе на расстоянии десяти шагов

друг от друга. Вдруг большой тигр напал на одного из охотников. Другой бросился бежать, но тигр догнал его и сильно изранил. Человек этот некоторое время полз по земле и умер от потери крови. В 1925 году был такой случай. Один охотник нашел кабана, задавленного тигром. Вместо того чтобы поскорее уйти отсюда в другое место, он забрал кабана с собой. Не успел человек этот отойти с ношей и одного километра, как на него напали сразу два тигра. Звери поделили добычу. Один взял охотника, а другой забрал кабана. Третий случай произошел в 1926 году. Старый гольд из селения Да близко встретился с тигром на р. Пихце. Желая узнать о намерениях зверя, охотник выстрелил в воздух. Страшный хищник сделал несколько шагов вперед. Гольд, зная, что в тигра нельзя стрелять, если он не нападает на человека, и желая предупредить его о том, что ему грозит, выстрелил второй раз в воздух. Тигра сделал большой прыжок и встал на льду, как мраморное изваяние. Тогда гольд тщательно выцелил зверя и спустил курок. Страшно заревел тигр и бросился за колодину. Охотник видел его задние ноги и хвост, которым он все время бил по земле. Не теряя ни одной минуты, гольд ушел от опасного места.

Мы уже подбирались к верховьям р. Пихцы. Течение делалось все быстрее и быстрее. Опасные пороги встречались чуть ли не на каждом шагу. Кругом высились сопки, густо одетые кедровым лесом. Туземцы дружно работали шестами, с трудом проталкивая лодки против воды. Они внимательно осматривали дно реки и на ходу, между прочим, били острогою крупных форелей и линьков.

По целому ряду мелких признаков они установили, что место аварии В. М. Савича было недалеко, кусок доски от лодки, лист бумаги среди мусора, нанесенного водою, тряпица, застрявшая на кустах, и т. д. были красноречивее всяких слов. На одном из поворотов поперек реки лежало дерево, отпиленное у вершины. Осмотрев его, орочи сказали, что именно здесь опрокинулась лодка, и точно нарисовали картину крушения. Впоследствии, когда В. М. Савич рассказал мне о том, как он потерпел аварию, я увидел, что мои спутники-туземцы не ошиблись даже в мелочах. Я хотел немед-

ленно заняться осмотром дна реки, но у туземцев был свой план. Они приняли во внимание большую воду и быстрое течение. Когда стемнело, Гобули и Мулинка стали искать имущество разбитой лодки по течению. Совсем поздно они возвратились и привезли брезент, эмалированную тарелку, несколько маленьких мешочков с мукой, винтовку, бинокль, буссоль Шмалькальдера, сумку с медикаментами, дневник, написанный карандашом, патроны и кошелек с деньгами.

Что же в это время случилось с В. М. Савичем? Из г. Хабаровска с своими спутниками он отправился вниз по Амуру, придерживаясь правых его проток, достиг озера Синда, в которое впадают рр. Немпту и Мухень, поднялся по этим рекам до истоков и обследовал весь западный склон Хорского водораздела. Затем он перешел на озеро Гаси и стал подниматься вверх по Пихце. Как раз в это время пошли затяжные дожди, и вода в реке стала быстро прибывать. Однако это не испугало В. М. Савича, и он с проводниками-гольдами медленно продвигался против течения, которое увеличивалось с каждым днем. Немного не доходя до водопада Сагена, его на Пихце захватило то самое наводнение, которое задержало меня на Анюе на две с половиной недели. В. М. Савич решил во что бы то ни стало достигнуть истоков р. Пихцы. Невзирая на ненастье и крайне неблагоприятную погоду, он все-таки дошел до условленного места и устроил для нас питательную базу. Затем он хотел пробраться на р. Хор, но потерпел аварию, во время которой погибли его лодки и все имущество, и сам он почти в бессознательном состоянии выплыл из-под «завалов» метрах в сорока от места крушения. В этом бедственном состоянии путешественники пешком направились левым берегом вниз по р. Пихце и через трое суток случайно в тайге нашли брошенную гольдами старую лодку. Они починили ее деревянными гвоздями, сделанными из лиственной древесины, и, выждав, когда начался спад воды в реке, спустились к озеру Гаси. После такой беды В. М. Савичу более ничего не оставалось, как закончить работы и возвратиться в Хабаровск. К тому же и время было уже позднее и начинались холода. Он выполнил все задание, которое себе наметил, выставил все питательные базы и тем самым

облегчил мой маршрут от Анюя на Хор, с Хора на Мухень и далее до г. Хабаровска.

Немного выше места крушения лодки В. М. Савича, с левой стороны, есть водопад, который туземцы называют Сагена. Он представляет собой подземную речку, выходящую на дневную поверхность множеством струй. Красноватые скалы, зеленая растительность, кристаллически чистая вода, белая пена и радужная игра водяной пыли в лучах солнца создают необычайно эффектную картину.

Тут мы нашли свою питательную базу с доброкачественными продуктами. Орочи перестали болеть, но приписали это тому обстоятельству, что последний севон, в которого они прошлую ночь перенесли свои недуги, остался далеко позади.

После короткого отдыха мы еще полдня подымались на лодках, а затем от устья р. Олосо пошли пешком на Хорский перевал. Отсюда вверх по Пихце идет тропа. Она хорошо протоптана, но во многих местах заросла травою и завалена колодником. Сначала тропа придерживается правого берега реки. Во время большой воды ее отчасти замулило и занесло песком и землею; затем она проходит на левый берег, которым и следует к перевалу. Тропа часто кружит и делает многочисленные обходы колодника. По пути она пересекает три ручья, бегущих с сопок с правой стороны, а по четвертому ключику подымается на перевал. Эта часть пути очень утомительна. Русло завалено камнями, замаскированными мхом и высокой травой. Нога часто скользит, срывается и проваливается в ямы с водой. Подъем длинный и пологий. На самом перевале стоит развалившаяся китайская кумирня. За перевалом тропа пролегает по заболоченной местности, поросшей редкостойной лиственницей. Около р. Хор она обрывается. Это — зимний путь, и летом редко кто им пользуется.

2 сентября мы вышли к устью р. Сор, впадающей в Хор с правой стороны. Перед нами открылась обширная котловина, обставленная сильно размытыми сопками. С правой стороны реки тянулось замшистое болото, а с левой — смешанный лес с примесью ели и пихты. Я знал, что нахожусь в горном узле, высоко над уровнем моря. Отсюда на восток текли рр. Копи и Са-

марга, а на севере был бассейн Анюя. По р. Сор лежит путь на Тормасунь, где находится тот самый перевал, через который перетаскивают лодки на руках. Здесь мы нашли еще одну питательную базу, устроенную хорскими туземцами, и около нее встали биваком.

Судя по некоторым признакам, где-то поблизости должны были находиться люди. Поэтому я поручил А. И. Кардакову с орочами устраивать бивак, а сам с Гобули пошел по берегу Хора. Путеводной нитью нам служила звериная тропка. Она то выходила к реке, где густо росли высокоствольные тальники, то углублялась в лес. В одном месте около старой ели я увидел большой муравейник, сложенный из мелких веточек, кусочков древесной коры и сухой хвои. Несмотря на осеннее время и ненастную погоду, красные лесные муравьи (Formica rufa) проявляли большую деятельность. Они ползали по крыше своего жилища, по земле и соседним деревьям. Один тащил сверчка размерами вдвое больше себя, другой нес на весу прутик, который неудачно держал за конец, третий — какую-то белую крупинку. Несколько муравьев копошились около улитки. Они действовали вразброд и, повидимому, мешали друг другу. Однако улитка продвигалась вперед и скоро исчезла в одном из выходных отверстий муравейника. Все это доказывало, что муравьи по сравнению с размерами своего тела очень сильные насекомые.

Я взял палку из рук Гобули и слегка тронул ею сухую хвою. Мгновенно к этому месту сбежалось множество муравьев. Они засуетились и подымали кверху свои головки с раскрытыми челюстями. С поразительной быстротой распространилась тревога по всему муравейнику. Даже на противоположной стороне его поднялась беготня. Маленькие шестиногие существа почуяли опасность и самоотверженно приготовились к обороне.

— А-та-тэ! Гыхы, манга![1] — закричал Гобули и отнял у меня палку.

Мы пошли дальше. По дороге я стал расспрашивать своего спутника, почему он не позволил мне шевелить муравьев. Он ответил мне так:

---

[1] Ай-ай! Худо! Так нельзя.

В огне сидит пудзá мамасá, т. е. хозяин огня, и в каждом муравейнике пудзá адзани — хозяин муравьев. Огонь нельзя резать ножом, поливать водой, нельзя плевать в него, разбрасывать головешки. Такие же запреты распространяются и на муравейник. Человек, позволивший себе грубое обращение с муравьями, непременно заболеет: у него станут гноиться глаза или появятся на теле нарывы.

Когда мы вышли на реку, с одного из кустов с криками, похожими на чириканье, сорвался зимородок (Alcedo ispida bengalensis Gm.) — небольшая, ярко окрашенная птичка, ведущая уединенно-скрытный образ жизни.

Я видел, как мелькнуло в воздухе голубовато-зеленое оперение ее спинки, надхвостья и внутренних частей крыльев.

— Ын пудзá гаэни[1], — сказал шопотом Гобули, указывая на зимородка, который, отлетев немного, опять сел на ветку кустарниковой лозы. Он повернул свою несуразную голову с большим конусообразным клювом и, казалось, прислушивался к шуму наших шагов. Испуганная птичка вспорхнула и улетела совсем.

Гобули принялся мне объяснять, что зимородка тоже трогать нельзя, потому что он является посланцем пудзá адзани. Он летает, слушает, что говорят люди, и обо всем доносит хозяину муравьев, а этот последний все сообщает хозяину огня. Пудзá мамасá наказывает виновного сильными ожогами.

На отмели около устья р. Сор действительно была одна юрта. Обитатели ее два дня назад ушли вниз по р. Хору навстречу кете, которая по времени должна была уже дойти до Сурпая. Осматривая покинутое жилище, Гобули установил, что удэхейцы в день отъезда убили одного молодого сохатого и мясо его увезли с собой. Делать нам здесь было больше нечего, и мы пошли обратно на бивак. Когда мы поровнялись с муравейником, Гобули остановился и, указывая на него, сказал:

— Пудзá адзани ушел.

---

[1] Т. е. шаманская птица, подчиненная Пудза.

Я взглянул на муравьиную кучу и увидел, что сбоку она была наполовину разрыта. Медвежьих и других следов поблизости не было.

Вечером после ужина Гобули рассказал орочам о том, как я прогнал из муравейника пудзá адзани. Оказывается, что и у них есть такое же поверье, отличающееся от удэхейского только некоторыми деталями. Хозяина муравьев они называют иктá адзани и считают его распространителем накожных болезней, в особенности лишаев.

ЧЕРЕЗ ГОРЫ, ЛЕСА И БОЛОТА

Следующие дни были опять ненастные. Двое суток просидели мы на берегу Хора в односкатной палатке, согреваясь лучистою теплотою большого костра, который надо было поддерживать и ночью.

Была поздняя осень. Лист с деревьев осыпался на землю, и по утрам появлялись заморозки, а путь был еще длинный. Мы имели только летние одежды и не рассчитывали на холода. Кроме того надо было туземцев доставить на пароходе в Советскую гавань, пока не закрылась навигация. Это обстоятельство заставило меня торопиться. Поэтому 5 сентября, невзирая на дождь, мы сняли свои палатки и стали подниматься на Хорский хребет.

С восточной стороны подъем на него был очень длинный и пологий. Сначала мы придерживались русла какого-то безыменного ручья, потом взбирались по косогору, пересекли несколько распадков, заваленных камнями, под которыми с шумом бежала вода, и седьмого числа достигли гребня водораздела. Здесь Миону взо-

брался на дерево, чтобы ориентироваться. На другой день мы достигли главной вершины водораздела, покрытой старым редкостойным лесом в возрасте от двухсот до трехсот лет, состоящим из монгольского дуба, корейского кедра, каменной березы, мелколистного клена и амурской липы. Большинство деревьев имело толстые приземистые стволы с громадными болезненными наростами.

В этих лесах водится много зверей. Местами земля была сплошь изрыта дикими свиньями: урожай желудей и кедровых орехов привлек их сюда целыми табунами.

Глубокие сумерки застали нас в пути. К счастью, Гобули нашел большой дуплистый пень, наполненный водою. Правда, она имела смолистый привкус, но все же это была настоящая дождевая вода, годная для питья.

На следующий день мы начали спуск в долину какой-то речки. Она начиналась очень живописным ущельем, которое спускалось вниз крутыми уступами, заросшими смешанным широколиственным лесом с богатым и разнообразным подлесьем, состоящим из колючих аралий, актинидий, лимонника, элеутерококкуса и винограда.

От главной вершины Хорского хребта к северо-западу отходит длинный отрог, в свою очередь служащий водоразделом между рр. Мэка и Нефикцы. Гребень его увенчан большими скалами, которые местное туземное население считает недосягаемыми и населяет их злыми духами. Как появились они? Только чорт мог выдвинуть их из земли! Это—амба чжугдыни (чортово жилище). Другие люди называют их какзаму чжугдыни (жилище горного духа какзаму), или куты мафа чжугдыни (жилище тигра). Где бы эти страшные звери ни ходили, они всегда возвращаются к скалам. Здесь в расщелинах они имеют свои логовища, где и выводят тигрят. Туземцы рассказывают, что только один раз зимою какой-то гольд-охотник достиг скал. Когда зимой он подходил к ним, то увидел сидящего на камне черного человека. Гольд окликнул его. Человек вскочил, побежал и тут же скрылся в расщелинах камней. Кому же это быть, как не чорту?! В лунные ночи там

носятся дьявольские тени, слышны стенания, хохот и вой. Всякого, кто посетит скалы Мэка, ожидает потом какое-нибудь несчастье или болезнь. Все эти рассказы разожгли мое любопытство.

Мы с А. И. Кардаковым решили совершить туда экскурсию и с высоты птичьего полета осмотреть страну, в которую проникли со стороны Хора и Пихцы.

Когда я заявил сопровождающим нас туземцам о своем намерении, они взволновались, и четверо из них наотрез отказались итти.

— Отцы наши не ходили туда,—говорили они,—и мы не пойдем.

Другие заявили, что не только на скалы, но и близко к ним они не подойдут.

Весь вечер удэхейцы рассказывали друг другу разные страхи. Скалы вселяли в них какой-то ужас. Все же мне удалось двух человек—Хутунка и Геонка—убедить, что в камнях ничего страшного нет. Но и эти люди неоднократно задавали вопросы, не боюсь ли я сам, не будет ли потом всем нам худо, и по выражению глаз старались догадаться о моих душевных настроениях.

На другой день мы отправились в путь. В одном туземцы оказались правы: добраться до скал оказалось действительно трудно. С южной стороны горный хребет Мэка был покрыт большими осыпями, состоящими из громадных глыб, заваленных буреломом, опутанных виноградниками и лианами. Колючие аралии и элеутерококкус изорвали нашу одежду. Мы изранили руки и в колени набрали множество заноз. Каменные ловушки, закрытые растительностью, и колодник, наваленный в беспорядке, создавали препятствия чуть ли не на каждом шагу. Это понизило настроение моих спутников-туземцев.

— Верно, что к скалам нельзя подойти,—высказывали они вслух свои мысли.—Должно быть, там, наверху, в самом деле обитают злые духи, в таком недоступном месте, куда простым людям невозможно проникнуть.

Несколько раз Геонка порывался стрелять в воздух, чтобы угнать от скал «черного человека». Немало трудов стоило успокоить его и убедить, чтобы он не тратил зря патронов.

Я стал подшучивать над чортом и иронизировать по его адресу. Тогда Хутунка серьезно просил меня так не выражаться.

— Ходи, ходи, — говорил он, — как будет, так и ладно, а ругаться не надо.

Пришлось уступить.

Часам к четырем пополудни мы подошли к скалам. Величественное зрелище представилось моим глазам. Семь гранитных штоков высились кверху. Они действительно имели причудливые формы: один из них был похож на горбатого человека, опирающегося рукой на голову какого-то фантастического животного; другой — на старуху, одетую в длинную мантию; третий — на гигантскую жабу; четвертый — на нож, воткнутый черенком в землю, и т. д.

Когда мы приблизились к ним, какой-то большой зверь бросился в сторону, а затем мы увидели медведя, который тоже пустился от нас наутек.

Все грани и углы скал сглажены деятельностью сильных северо-западных ветров. Эти скалы представляют собой классический образчик эоловой коррозии[1], когда ветры в течение долгого времени могут обтачивать выдающиеся части камней сами по себе, без участия песка. Быть может, шлифовальным материалом служили обледенелые снежинки.

Высокие громады, молчаливо поднимающиеся кверху, хаотически нагроможденные глыбы у подножия их, заваленные буреломом, и лес, полный таинственной тишины, создавали картину мрачную и дикую. Когда над скалой проходило облако, то казалось, будто оно стоит на месте, а скала движется, наклоняется и вот-вот со страшным грохотом опрокинется на землю.

Какое-то особое напряжение чувствовалось в этих камнях, принявших столь странные очертания. С момента появления скал Мэка на дневной поверхности прошло много веков, но всесокрушающая рука времени не коснулась их. Они и поныне стоят незыблемо, как бы выполняя какую-то странную миссию, неведомую простым смертным. Я поймал себя на том, что на меня

---

[1] Эолова коррозия—механическая работа ветра, обтачивающего поверхности горных пород. (Ред.)

скалы эти произвели неприятное впечатление. Не хотел бы я быть здесь в одиночестве. Еще более одиноким я почувствовал бы себя вдали от людей, в сообществе с этими молчаливыми каменными громадами. Тогда я вспомнил слова туземцев: «Наша близко туда ходи нету».

Солнце близко склонялось к западу. Лучи его озаряли только вершины гор, а по долинам уже ползли сумеречные тени. Они распространялись вширь и захватывали все большие и большие участки земной поверхности.

До ночи было еще далеко, но в самом освещении и по тому, как вели себя пернатые, уже чувствовалось угасание дня.

Мы обошли самую большую скалу кругом и тут увидели множество расщелин в камнях, служивших логовищами для тигров.

Некоторые из них имели вид глубоких колодцев. Там и сям валялись перегрызанные кости и клочки шерсти съеденных ими животных.

Надо было торопиться и во-время добраться до бивака.

Мы начали спуск в долину.

Однако сумерки захватили нас раньше, чем мы рассчитывали. Выйдя на речку, Хутунка дал два выстрела.

Спустя некоторое время нам ответили тоже выстрелами.

На небе еще догорали отблески вечерней зари, а на земле внизу ночная тьма быстро заполняла лес. Чем больше сгущается мрак, тем больше напрягаешь слух, и тогда улавливаешь такие звуки, которых днем обыкновенно не замечаешь: слышится подавленный вздох, сдержанный шопот и шорохи бесчисленных растений.

За день мы сильно устали и теперь едва волочили ноги.

Лесу, казалось, не будет конца. Я хотел было сесть на валежник, чтобы отдохнуть, но в это время увидел свет от костра. Через несколько минут мы были в палатке, пили горячий чай и делились впечатлениями.

После осмотра местности с высоты «чортовых скал» и на основании целого ряда примет мы убедились, что

находимся в истоках р. Нефикцы. На второй день пути наш отряд достиг россошины, где две речки сливались вместе.

Здесь мы нашли очень много рыбы. В какие-нибудь двадцать минут орочи поймали двух больших тайменей и штук пятнадцать крупных линьков.

Во время этого перехода Гобули натер себе спину котомкой. На месте загрязненной ссадины образовался большой нарыв. Пришлось больного освободить от ноши и котомку его разобрать всем понемногу. Это было неприятно, но что же делать! Я предложил Гобули поставить на ночь согревающий компресс, но он отказался и просил Миону лечить его шаманством. Они говорили, что причиной заболевания Гобули был я, позволивший трогать муравейник.

На мой вопрос, почему же в таком случае я здоров, Миону отвечал:

— Удэхейцы постоянно живут в тайге и всего боятся, а «лоца» (русские) живут в городе и в тайгу приходят редко и ненадолго. Кроме того, у русских нет шаманства, и севоны их не касаются.

По моим наблюдениям 1908, 1909, 1926 и 1927 годов и по наблюдениям профессора В. М. Савича, громадные девственные леса, которые начинаются от Анюя и тянутся к юго-западу через верховья рр. Пихцы, Мухеня и Немпту, занимают площадь по крайней мере в миллион гектаров. По долинам преобладают смешанные леса, состоящие из широколиственных пород, а по склонам гор произрастают могучие хвойные леса, в которых пятьдесят-семьдесят процентов выпадают на долю кедра.

Величественно-декоративный вид имела здешняя тайга. Утренние заморозки разукрасили ее во все цвета радуги. Обыкновенная какалия (Cacalia auriculata DC.) сделалась темнофиолетовой; растущая с ней в сообществе лещина (Corylus mandshurica Max.) сменила свой зеленый наряд на буро-коричневый. Наиболее ярко окрашенными оказались клен и виноград. У них можно было видеть все переходы от малинового цвета к багряному и нежнопурпуровому. По берегам реки в изобилии рос боярышник (Crataegus sanquinea Pal.). Я узнал его по обилию крупных и полупрозрачных оран-

жево-красных плодов, за которыми иногда совсем не было видно листвы. Раньше других стала вянуть амурская липа. Сначала пожелтели отдельные ветви ее — наиболее слабые и чем-нибудь пораженные, а потом и вся крона. Японская береза никла тонкими, длинными ветвями и осыпала на землю золотисто-желтую листву свою. Только один дуб сопротивлялся осенним холодам и ни за что не хотел сбрасывать свой летний наряд.

Здешнее подлесье состоит из самых разнообразных кустарников; оно настолько густо, что скрывает человека с головой.

Каждый раз, когда вступаешь в такой большой лес, чувствуешь некоторый страх, сознаешь свое бессилье. Тайга совершенно равнодушна к страданиям заблудившегося человека. Крики о помощи, на которые, как бы насмехаясь, будет отвечать эхо, привлекут только хищных зверей. Несколько лет назад двенадцать лесорубов, русских и китайцев, решили итти от р. Пихцы напрямик к Хабаровску. Они заблудились в тайге и все погибли от голода. На другой год осенью охотники-туземцы нашли обрывки их одежд и разбросанные по лесу человеческие кости. Место это стало запретным.

Истоки Пихцы, Мухеня и Немпту ныне представляют собой самое зверовое место в крае. На песке и на сырой илистой почве около реки — всюду виднелись следы кабанов и тигров. Во многих местах земля была положительно истоптана изюбрами. Каждый день мы натыкались на медведей. Они выдавали себя ворчанием и убегали по чаще, поднимая сильный шум.

В верховья Мухеня мы попали как раз во время изюбрового рева. Ночи были ясные, холодные. Луна с небесной высоты мягким сиянием озаряла «великий лес». Олени слонялись по тайге и будили нас своими криками.

Иногда к биваку приближались и другие звери. Орочи отгоняли их стрельбой из ружей и разбрасывали по кустам головешки.

Одиннадцатого сентября мы дошли до впадения р. Кава в р. Нефпкцу. Отсюда уже было возможно плавание на лодках. За неимением тополя (дерева этого совсем нет на северо-западных склонах Хорского хребта) орочи стали долбить две улимагды из кедра. Такие

лодки не выдерживают длинного пути и растрескиваются, но нам нужно было только доехать до р. Немпту.

Каждый раз после полудня мы с А. И. Кардаковым ходили на экскурсию в разных направлениях. Эти прогулки давали столь обильный материал для наблюдения, что его не всегда удавалось записать в дневники как следует.

Один раз не задолго до сумерек я взял ружье и пошел по старой звериной тропе. Отойдя километр от бивака, я остановился у большого ясеня, росшего на самом берегу. С левой стороны в Нефикцу впадал кой-то ручей. Здесь край долины обрывался высоким утесом, похожим на человеческую голову с прищуренным глазом, горбатым носом и косматой шапкою волос.

Кругом было жутко, тихо. Словно опасаясь чего-то, все живое притаилось и было настороже.

Каменная голова тоже как будто приоткрыла рот и вслушивалась в мертвящую тишину леса. Вдруг сильный шум в стороне заставил меня вздрогнуть и поднять ружье. Молодой изюбр, как вихрь, пронесся мимо. Я видел только голову его с ушами, но без рогов, и белое пятно на заднем конце тела. Кто-то проворно стал взбираться на сопку. Через колодину, лежащую поперек реки, с фырканьем пробежал колонок. Вверху всполошились пернатые и подняли тревожную перекличку. Через минуту шум на сопке затих, но птицы долго не могли успокоиться. Очевидно, какой-то зверь, может быть тигр, напал на изюбра. Последнему удалось бежать. Он поднял большой шум в лесу и тем напугал других животных. С виду пустынная тайга полна жизни. Каждый день, каждый час здесь разыгрываются кровавые трагедии. Сжимая ружье в руках, с затаенным дыханием я сделал несколько шагов и прислушался. Лес снова погрузился в глубокое молчание.

Солнце снизилось к горизонту и как бы село на зубчатые вершины елей и пихт. От деревьев по земле потянулись длинные тени. Тогда я забросил винтовку на плечо и быстро пошел по тропе, чтобы добраться до бивака засветло.

Четырнадцатого сентября обе лодки были готовы. После полудня мы тронулись в путь.

Река Нефикца оказалась тоже заваленной колодни-

ком, который очень мешал нашему плаванию. Приходилось часто останавливаться и разбирать его, стоя по колено и по пояс в воде.

Время было позднее, а вода холодная, в особенности по утрам. Заломы встречались чуть ли не на каждом шагу.

Люди сильно зябли и отогревались у костров. Орочи работали топорами; естественно, они поднимали большой шум и отгоняли зверей от реки. Тем не менее мы все же имели свежее оленье мясо, которым и питались все время, пока шли по р. Нефикце.

Семнадцатого сентября мы вышли на Мухень и около устья р. Алчи нашли еще одну базу. Весьма ненастная погода опять задержала нас здесь. Четыре дня лил холодный дождь. Мы устроились на талечниковой отмели в палатках и все время сидели у огня. В это время года промокнуть опаснее, чем озябнуть зимою,— сразу можно получить плеврит или воспаление легких. Я очень беспокоился за туземцев, моих верных спутников. Они ловили под дождем рыбу, ходили на охоту, рубили дрова. Несомненно, у них была привычка к холоду с раннего детства. Меня удивляли их выносливость и полное равнодушие к ненастью.

Наконец 21 сентября дождь перестал. Тучи на небе, лежавшие до сих пор неподвижной темносерой пеленой, пришли в движение. Кое-где показались просветы. Сквозь них проглянуло синее небо, и прорвался первый солнечный луч. Словно прожектором, он осветил еще мокрую от дождей землю и разнообразно пеструю листву деревьев.

Тотчас мы уложили в лодки весь свой багаж и поплыли вниз по Мухеню. После принятия в себя р. Нефикцы он выходит на равнину и делается очень извилистым.

Характер растительности тоже очень изменился. Широколиственные леса с значительной примесью хвои остались позади. Теперь по берегам Мухеня, кроме дуба, липы, березы и осины, произрастала в большом количестве яблоня (Pirus baccata L.) с таким обилием мелких плодов, что ветви под тяжестью их гнулись книзу и казались окрашенными в кроваво-красный цвет. Еще больше было черемухи (Padus racemosa Lam). Ее издали можно узнать по поломанным и при-

гнутым к земле медведями веткам. Большею частью она уже осыпала свои плоды, потерявшие аромат и вкус. Здесь также в изобилии росла калина (Viburnum sargenti Koehne), украшенная гроздьями красной ягоды. Незатененные южные склоны гор были покрыты леспедецей (Lespedeza bicolor Turcz). Этот кустарник является любимым кормом изюбров. Мелкие листочки его обладают способностью задерживать на себе крупные капли росы. Достаточно утром походить среди леспедецы несколько минут, чтобы вымокнуть так, как будто пришлось перейти в брод глубокую речку.

Надо было торопиться, чтобы наверстать потерянное из-за дождей время. Поэтому мы решили плыть весь день и всю ночь.

Уже по тому, как окрасилось небо, когда солнце скрылось за лесом, и по общему состоянию атмосферы видно было, что ночь будет морозная. Часов в шесть вечера мы переобулись и одели на себя все, что только было можно: одеяла, комарники и порожние мешки. Странный вид мы имели теперь, завернутые в грязные полотнища палаток и обмотанные веревками, чтобы они не сползали с плеч.

Когда на западе багровая заря погасла совсем, казалось, будто на землю спустилось холодное дыхание смерти, которое должно было погубить последние остатки цветковой растительности. Прибрежные деревья, склонившиеся сводом над рекою, образовали как бы туннель, наполненный черною и неподвижною, как смола, водою.

Одна лодка отстала немного, а мы пошли вперед с намерением поохотиться на изюбров, которые должны были еще отзываться на зов берестяного рожка. Мы плыли по течению и не разговаривали между собою. Темные силуэты деревьев, темная вода и такие же темные берега—все утонуло во мраке ночи, и нельзя было разобрать, движется лодка или стоит на месте. От холода я вздрагивал и, очнувшись, видел отражение звездного неба в воде.

Один раз мы спугнули медведя. Он рявкнул и бросился в чащу. Я дремал, зяб, просыпался, старался поплотнее закутаться в палатку, опять дремал и никак не мог согреться.

Перед рассветом мы пристали к песчаной косе, развели большой огонь, около которого погрелись немного и напились горячей воды.

Взошедшее солнце осветило растительность, побитую морозом. Камни, куски дерева и прибрежный песок забелели от инея. Палатки коробились, как кожухи. Мы просушили их на огне, пошли дальше и в восемь часов утра прибыли на р. Немпту.

Следующий день выпал ясный и светлый. Хотя солнце попрежнему посылало лучи свои на землю, но они уже не давали тепла.

Двадцать седьмого сентября наш маленький отряд поднимался по р. Немпту до правого притока ее, Бяк-сор. Здесь мы расстались с лодками совсем. Теперь нам предстоял еще один, последний маршрут по болотам до высот, которые чуть-чуть виднелись на горизонте. Там был г. Хабаровск.

Релка, давшая нам приют, была покрыта дубняком в возрасте от пятидесяти до ста лет. Около речки я ухватился за какой-то куст и больно уколол руку. Длинные острые шипы и сережки красных кислых ягод убедили меня в том, что я имею дело с барбарисом (Berberis amurensis Rupr.). В другом кустарнике, тоже лишенном листвы, я узнал шиповник (Rosa dahurica Pal.). Мелкие красные шаровидные плоды его уже стали подсыхать. Последняя запись в моем дневнике относится к спирее (Spiraea salicifolia L.), образующей заросли по берегу реки. Вместо красивых розовых цветов на стеблях ее торчали темные помпоны.

Вегетационный период кончился; кустарниковая растительность, лишенная листвы, принимала вид спутанных голых прутьев, в которых трудно разобраться неспециалисту. Зеленые вейниковые луга приняли буро-желтую окраску и попрежнему волновались, точно грязная, взбаламученная вода. Еще несколько дней— и их станет заваливать снегом.

Река Немпту протекает среди обширных болот и имеет такое же извилистое течение, как и Мухень. Русло ее все время сопровождается рядом стариц, слепых рукавов, маленьких озерков и глухих проток, незаметно переходящих в болота. Низина, по которой протекает река, еще долго не обсохнет: уровень ее медленно по-

дымается и медленно нарастают слои гумуса. Медленно растительность отвоевывает участки суши у воды. Вода отступает, но не без сопротивления. Она задерживается во время засухи и вновь появляется в ненастное время года. Кое-где над низиной подымаются невысокие релки, поросшие тонкоствольной осиной. Они едва возвышаются над общим уровнем воды в реке, и, если бы не древесная растительность, их можно было бы совсем не заметить и пройти мимо. По середине релки при выкапывании ямки появляется вода уже на глубине двадцати сантиметров.

После столь длительного путешествия силы наши были подорваны, и потому переход через зыбучие болота всем показался очень утомительным. И в самом деле! Котомки делались с каждым днем легче, а нести их становилось все труднее и труднее. Лямки сильно нарезали плечи. Всякая мелочь, положенная в котомку, вроде шкурки бурундука, весившая несколько граммов, давала себя чувствовать.

Иногда мы пользовались тропами, протоптанными сохатыми. Эти крупные животные, несмотря на свой большой вес и как бы кажущуюся неприспособленность ходить по болотам, любят такие места. Они как-то чутьем угадывают, где можно пройти, чтобы не провалиться в «окна».

Там и сям виднелись большие лужи стоячей воды вроде озерков, с которых с криками снимались большие стаи гусей. Этих осторожных птиц здесь было великое множество. Перелет был в полном разгаре. Над болотами носились бесчисленные табуны уток. На фоне бледного неба их хорошо видно; но когда они все разом снижались к земле, то мгновенно пропадали из глаз, и неизвестно было, садились ли они снова на воду или летели дальше. Такого количества водной птицы мне давно не приходилось видеть.

Болота по-своему тоже красивы и богато населены, но мы так устали, что нам было теперь не до наблюдений. Мы выбивались из сил, потому что отдыхать можно было не тогда, когда этого требовал организм, а когда попадались релки, где можно было снять котомки и лечь на землю.

Двадцать седьмого сентября мы подошли наконец к

сопкам, отделяющим озеро Петропавловское от бассейна р. Немпту. Вдоль этой возвышенности проходит телеграфная просека и по ней тропа к селению Анастасьевке.

Первый русский человек, которого мы встретили здесь, был производитель работ Дальневосточного переселенческого управления В. И. Двиганцев. Он издали заметил каких-то подозрительных людей, пробиравшихся по лесу с котомками за плечами, и решил, что имеет дело с контрабандистами. Скоро все разъяснилось, и мы крепко пожали друг другу руки.

Весь путь от Советской гавани мы совершили целиной по лесу, имея под ногами мягкую перегнойную почву, мох или листву. Это сказалось тотчас, как только мы вышли на дорогу с жестким каменистым грунтом. Мои спутники сразу сбили ноги и потому, не доходя трех километров до селения Анастасьевки, еще засветло должны были встать биваком. На другой день мы с трудом дотащились до деревни, где нашли приют и отдых у В. И. Двиганцева. 30 сентября мы прошли сеелние Волконское и 1 октября вступили в г. Хабаровск. Путь наш был окончен!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Весь маршрут от Советской гавани до р. Амура, длиною в 1 873 километра, был пройден в 106 суток. Он распределился так: пешком с котомками сделано 863 километра, а на лодках — 1 010 километров. Экспедиция пересекла пять водоразделов. Всего в тайге оставлено десять лодок, из числа которых четыре были куплены у туземцев, а шесть мы выдолбили сами.

Колонизационный фонд по пути следования экспедиции невелик. К востоку от Сихотэ-Алиня он исчерпывается небольшими хуторными участками, на которых можно поселить отдельными семьями и небольшими группами не более 130 семейств, а в бассейне р. Анюя и его притоков—2 400; итого 2 530 семейств.

Относительно рр. Анюя и Хора надо сказать, что верховья их требуют особой заботы правительства. На истоки их падает 40 — 50 процентов нереста лососевых рыб всего Амурского бассейна. Громадная лесная площадь первобытных девственных лесов от р. Анюя на юго-запад до верховьев Мухеня населена множеством зверей. Поэтому она вместе с истоками рек Хора и Анюя должна быть объявлена государственным заповедником вроде Иелостоунского национального парка США.

Последний явится своего рода неприкосновенным капиталом, на проценты с которого будет жить все охотничье промысловое население, осевшее по правому берегу низовья Амура, на рр. Тумнине, Копи и Самарги, впадающих в Японское море, и на р. Хор (приток Уссури). Туземное население Анюя может быть привлечено

на службу в заповедник в качестве обкладчиков зверя и лесных сторожей. Вопрос об охране этой площади по срочности—«пожарный».

То, что будет упущено теперь, того, уже нельзя исправить впоследствии.

СОДЕРЖАНИЕ

БЫГИН-БЫГИНЕН

ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ

СКВОЗЬ ТАЙГУ

Ис-4-38-44
Е-1-55-61

П-к. Богданский

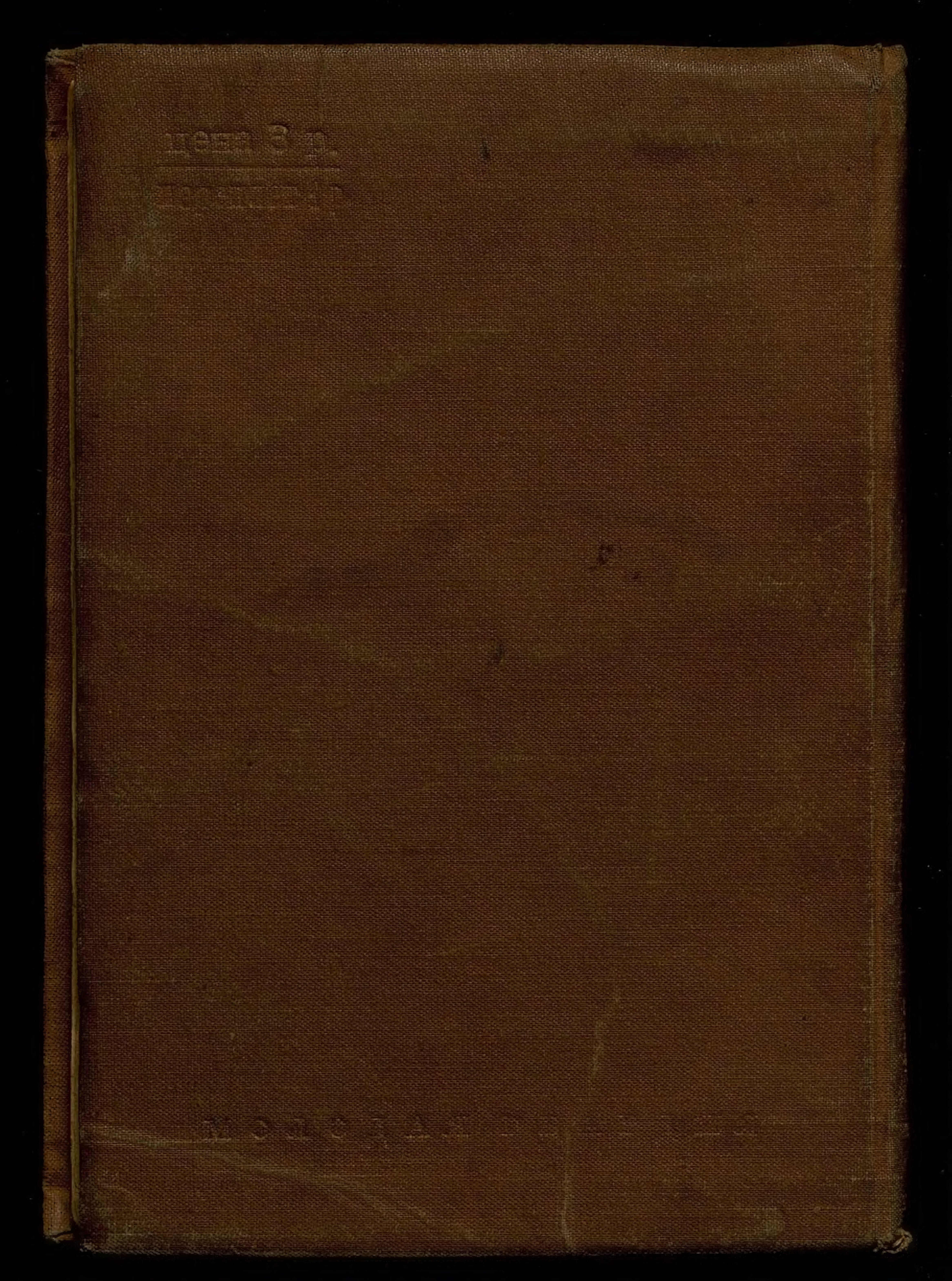
Редактор *С. Михельсон*
Худож. редактор *И. Иванов*
Техред. *М. Лойтерштейн*

Сдано в производство 11/IX 1934 г.
Подписано к печати 19/XII 1934 г.
МГ—4388. Индекс Д-2
Формат бумаги 82×110 1/32 18 п. л. 13,54 авт. л
Тираж 25000 экз.
Уполномоченный Главлита Б-40602
Заказ № 2189

5-я тип. Трансжелдориздата НКПС,
Каланчевский тупик, 3/5.

2

Цена 3 р.